

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (29) 2015

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Первый заместитель главного редактора

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушев Д.С. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

Лемешенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Иваново, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Продолжаем разработку теоретической экономики	4
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Повышать конкурентоспособность российской экономики: контраст видения неоклассики и теоретической экономики	11
---	----

Jean-Louis Truel Innovation as a Factor of Re-Industrialisation: Concrete Examples	25
---	----

Yang C., Zavyalova E.B. China's New Challenges: Income inequality, Poverty, and Social Security System	30
---	----

Горгола Е.В. Трансформация общества постмодерна как источник стремления США к мировому господству (опыт институционального анализа)	37
--	----

Пицулов В.М. Единая валюта и греческий долговой кризис	54
---	----

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Иванова Е.В. Закономерности технологизации современной экономической системы	60
---	----

Владимиров С.А. О магистральных направлениях стратегического развития эффективных сбалансированных макроэкономических систем	67
---	----

Ермолаев М.Б., Мирюлова А.А. Проблемы и диспропорции российской науки и образования в конце XX – начале XXI века	75
---	----

Брагина З.В. О судьбе результатов диссертационных исследований (на примере работы Фраймовича Д.Ю.)	80
---	----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Кладова А.А. Особенности диалектического взаимодействия основных тенденций эволюции банковской конкуренции в России	84
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Водомеров Н.К. Рецензия на книгу «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее»	96
--	----

Николаева Е.Е., Иродова Е.Е., Берендеева А.Б., Солдатов В.В. Рецензия на коллективную монографию «Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса»	107
---	-----

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗРАБОТКУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Поздравляем Вас с наступлением нового учебного года, желаем Вам доброго здоровья и новых творческих удач! Предлагаем Вашему вниманию очередной – пятый (двадцать девятый) – номер, который вышел в Интернет, и рассчитываем на продолжение нашей взаимной работы над освоением и развитием теоретической экономики, на продолжение разработки которой и направлено содержание данного номера.

И прежде всего, обращаем Ваше внимание, уважаемый читатель, на первую и главную рубрику – «Актуальные проблемы теоретической экономики». Здесь предлагается пять работ.

Первую из них подготовили совместно Ваш покорный слуга, главный редактор нашего журнала, и первый заместитель главного редактора Шкиотов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Её название – «Повышать конкурентоспособность российской экономики: контраст видения неоклассики и теоретической экономики». Она представляет собой более развернутое изложение нашего доклада на международной конференции в МГУ им. М.В. Ломоносова в ноябре 2014 (пока опубликованы лишь тезисы его [1]), о факте которого мы уже сообщали ранее [2, с. 10–11], с соответствующим «осовремениванием» и продолжением-развитием.

Наша предлагаемая Вашему вниманию работа посвящена актуальной проблеме – повышению конкурентоспособности экономики РФ. Здесь мы показываем, что средством её решения выступает осуществление новой индустриализации. Правильнее, по нашему мнению, использовать в исследовании этих категорий методологию теоретической экономики, а не неоклассики. На основе сопоставления двух парадигмальных мейнстримов: классической политэкономии и неоклассики – мы предлагаем третий – теоретическую экономию. Статья содержит характеристику её особенностей и предложения по её практическому применению для преодоления кризисного состояния экономики РФ.

Второй материал данной рубрики имеет название «Инновации как фактор переиндустриализации: конкретные примеры». Он представляет собой доклад международной конференции 4 марта 2015 г. в Москве, в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, который подготовил Жан-Луи Трюэль, профессор Парижского Университета Кретеил, вице-президент Центра Н.Д.Кондратьева (г. Париж, Франция). Автор представил свой материал в журнал на английском языке. Кстати, Жан-Луи Трюэль уже выступал в нашем журнале в конце прошлого года [3] и мы рады новой встрече с французским коллегой. На этот раз он, анализируя

опыт Франции и Германии последних десятилетий, выдвигает на основе этого анализа рекомендации для сегодняшней России: не допускать крайностей в курсе на модернизацию и экономический рост, не отрицать традиционных достижений индустриализации, не воспринимать её как только «вчерашнее».

Следующий материал в эту рубрику под названием «Проблемы современного Китая: неравенство доходов, бедность, система социального обеспечения» представили Чэнью Янг, профессор кафедры экономики Пекинского педагогического университета (г. Пекин, Китайская Народная Республика), и Завьялова Елена Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация). Названные авторы впервые выступают в нашем журнале, плодотворно, считаю, развивая начатое нами [4; 5] исследование опыта китайских реформ в целях использования его для повышения конкурентоспособности российской экономики. Материал представлен авторами на английском языке. Чэнью Янг и Е.Б. Завьялова обращают Ваше внимание на то, что Россия и Китай представляют динамично развивающуюся группу стран, демонстрирующих за последние десять лет беспрецедентно высокие темпы роста. Вместе с тем, бурный экономический рост стал причиной возникновения ряда социальных проблем, которые требуют немедленного решения. Представленная статья посвящена социальной политике Китая. Изучение мер, предпринятых КНР для решения насущных задач, может быть весьма полезным для новых быстроразвивающихся экономик, уделяющих особое внимание социальной сфере, и, в частности, для России.

Затем в данной рубрике представляем Вашему вниманию работу под названием «Трансформация общества постмодерна как источник стремления США к мировому господству (опыт институционального анализа)». Её подготовил Горгола Евгений Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, бухучета и финансов Московского областного института управления и права, член-корреспондент РАЕН (г. Москва, Российская Федерация). Он тоже впервые выступает в нашем журнале. Евгений Викторович много лет жил и работал в Ярославле, возглавляя кафедру экономической теории в Ярославском военно-финансовом университете, а сменив место жительства, не порывает связи с Ярославлем, являясь членом диссертационного совета при ЯрГУ им. П.Г. Демидова. В представленной Вашему вниманию статье автор обращает внимание на то, что чрезвычайное обострение современной политической обстановки, фактически поставившее мир на грань катастрофы, вызвано стремлением США сохранить свое лидирующее геополитическое положение любой ценой, но за счет других стран, что документально закреплено в новой стратегии национальной безопасности. В данной работе на основе методологии и методического аппарата современного институционализма исследуются сущность, основные черты и особенности общества постмодерна, формирующегося в США; раскрываются источники их столь значительного технологического и социально-экономического опережения других стран; анализируются движущие силы и механизм формирования корпорократического государства, генерирующего агрессивную глобалистскую экономическую и политическую стратегию США, а также последствия ее реализации. Исследование Е.В. Горголы позволяет сделать вывод, что дальнейшее усиление корпорократического государства в США во внутренней политике ведет к все большей профанации демократических устоев и их фактической подмене тоталитарными институтами, а во внешней политике – к возвращению мирового господства путем реализации агрессивных, глобалистских концепций.

Завершается рубрика «Актуальные проблемы теоретической экономики» статьей по теме «Единая валюта и греческий долговой кризис». Её представил тоже новый пока для нашего журнала автор – Пищулов Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический

университет» (г. Екатеринбург, Российская Федерация). Статья посвящена остроактуальной теме – анализу долгового кризиса Греции. Автор анализирует причины возникновения данного кризиса. На основе проведенного анализа В.М. Пищулов предлагает план мероприятий по преодолению кризисного состояния. По мнению автора, реализация этого плана будет в экономических интересах как Греции, так и Европейского Союза.

В рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» Вашему вниманию предлагается четыре материала. Первый из них по теме «Закономерности технологизации современной экономической системы» подготовила как доклад на международную конференцию в своем университете Иванова Елена Валентиновна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономическая теория» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (г. Москва, Российская Федерация). Будучи членом оргкомитета и информационным партнером этой конференции, мы публикуем данный доклад, как и уже упоминавшийся материал профессора Ж.-Л. Трюэля. Е.В. Иванова, впервые выступая в нашем журнале, отмечает, что в современной экономической литературе все большую популярность приобретает концепция реиндустриализации. Применительно к российской экономике это создает опасность легализации отраслей четвертого технологического уклада в противовес внедрению новых технологий. В связи с этим еще более актуальным становится выявление закономерностей процесса технологической трансформации современной экономической системы. Эти закономерности связаны с глобальными технологическими сдвигами. Они проявляются в процессе технологизации, представленном единством эволюционной и телеологической составляющих, реализуемых на эволюционном, институциональном и коммерческом уровнях.

Затем в этой же рубрике публикуется статья под названием «О магистральных направлениях стратегического развития эффективных сбалансированных макроэкономических систем». Ее представил тоже новый пока для нашего журнала автор – Владимир Сергий Арсеньевич, доктор экономических наук, профессор кафедры общего менеджмента и логистики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Цель его статьи, по мнению самого автора, – теоретическое обоснование возможности достижения максимально возможных общественных эффективностей государственных расходов, инвестиций и налогов в идеальном состоянии сбалансированной открытой экономической системы. Предложенная автором модель, как он считает, всегда может привести в идеальном случае («нулевых потерь» общественных эффективностей государственных расходов и инвестиций) к максимально возможному темпу экономического роста, что позволяет обосновать основные направления соответствующей макроэкономической (финансовой, налоговой и бюджетной) политики.

Далее в данной рубрике публикуется статья под названием «Проблемы и диспропорции российской науки и образования в конце XX – начале XXI века». Его подготовили совместно Ермолаев Михаил Борисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (г. Иваново, Россия) и Миролюбова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (г. Иваново, Российская Федерация). Они пока впервые выступают в нашем журнале. Статья названных авторов посвящена исследованию проблем и диспропорций в научно-образовательном секторе постсоветской России. Авторы анализируют соответствующую статистику по Центральному Федеральному округу РФ. В результате анализа сделан вывод о неэффективности указанного сектора. Авторы статьи показывают, что результаты деятельности высших учебных заведений РФ не оказывают существенного положительного воздействия на реальный сектор отечественной экономики. В российском материальном производстве в настоящее время используются, замечают авторы статьи, преимущественно не оригинальные, а заимствованные технологии.

Завершает данную рубрику материал, который называется «О судьбе результатов диссертационных исследований (на примере работы Фраймовича Д.Ю.)». Его автор Брагина Зинаида Васильевна, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной работе НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий» (г. Ярославль, Российская Федерация). Внимательный читатель помнит Зинаиду Васильевну по статье «Возможности и ограничения участия образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования в государственно-частном партнерстве», с которой она, будучи профессором Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, выступала в нашем журнале [6]. В новом же материале автор, член диссертационного совета по экономике и инновациям при Ярославском госуниверситете им. П.Г. Демидова, размышляет о судьбе – практическом применении защищаемых работ по «инновационной» теме. На примере диссертации Д.Ю. Фраймовича, представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук, она показывает, как потенциально высоки научная новизна, актуальность и реальная значимость защищаемых работ. В то же время автор с сожалением замечает, что их положения и выводы зачастую не получают должного применения на практике, в результате задача новой индустриализации не получает достаточного теоретического подкрепления. По мнению автора, поправить положение может соответствующее вмешательство государства, правительства РФ.

Следующая рубрика «Творчество молодых исследователей» содержит статью под названием «Особенности диалектического взаимодействия основных тенденций эволюции банковской конкуренции в России». Её подготовила Кладова Анна Анатольевна, соискатель ученой степени кандидата экономических наук с кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Вы, уважаемый читатель, знакомы с нашими совместными с Анной Анатольевной работами [7; 8]. А в новой работе она выступает полностью самостоятельно. В статье представлены результаты выполненного А.А. Кладовой в ключе политэкономической концепции конкуренции и ее развития исследования особенностей диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России. Автор выделяет три этапа такого взаимодействия, а также предлагает модель спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

В рубрике «Рецензии» в данном номере предлагаются две работы. Во-первых, рецензия на книгу, «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» под редакцией В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича, которая представляет собой коллективную монографию, подготовленную учеными постсоветского пространства к 400-летию термина «политическая экономия» и предложенную участникам международной конференции в МГУ, посвященной 210-летию отечественного высшего экономического образования в России и кафедры политической экономии её первого университета. Рецензию представил Водомеров Николай Кириллович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика» ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация), член редколлегии журнала «Теоретическая экономика». Автор рецензии хорошо знаком читателям своими выступлениями в нашем журнале [9; 10; 11]. В данном номере мы публикуем лишь начало рецензии, продолжение представим Вам в следующем, поскольку работа получилась достаточно объемная ввиду важности и объемности самого объекта рецензирования. На мой взгляд, Н.К. Водомеров в своей рецензии оценивает работы коллег-ученых о политэкономии с позиции самой политической экономии, что, наверное, правомерно и с учетом тех дат-юбилеев, к которым писались их работы, и с позиции теоретической экономии, отдающей приоритет классической политэкономии в рамках полиметодологического подхода как исследующей эндотерическую сторону изучаемого экономического объекта.

Вторая работа данной рубрики имеет название «Рецензия кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» на коллективную монографию Журнал «Теоретическая экономика» №5, 2015

«Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса» под редакцией А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерц, М. Воейкова. Авторы рецензии – Николаева Елена Евгеньевна, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ «Ивановский государственный университет», доктор экономических наук, доцент, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика» (г. Иваново, Российская Федерация), Иродова Елена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор, профессор той же кафедры названного вуза, Берендеева Алла Борисовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории ИвГУ, Солдатов Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории того же университета. Если первые трое из названных авторов уже известны Вам, уважаемый читатель, по публикациям в нашем журнале [12–23], то В.В. Солдатов выступает впервые. Рецензенты показывают, что рассматриваемая коллективная монография, которая подготовлена на основе докладов, сделанных на международной конференции «Неравенство и экономическое развитие (Россия в глобальном контексте)», состоявшейся 23–24 мая 2013 г., не только не утрачивают своей актуальности сегодня, – эта актуальность сейчас возрастает.

Таково содержание очередного номера нашего журнала, предлагаемого Вашему вниманию.

В заключение позвольте от имени редакционной коллегии высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Парадоксы конкурентоспособности российской экономики: контраст видения классической политической экономии / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития», 19 ноября 2014 года: тезисы участников конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет, Кафедра политической экономии; составители: К.А. Хубиев, Г.И. Брялина, Ж.Ф. Куриленко. – Москва, 2014. – Раздел 6 : Рынки и фирмы в информационной экономике.
2. Гордеев В.А. Теоретическая экономия – новый парадигмальный мейнстрим [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
3. Jean-Louis Truel. The concept of National System of Economy and its relevance for modern Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
4. Юдина Т.Н. Государственные финансово-хозяйственные институционально-инновационные инициативы России и Китая в контексте конкурентоспособности национальной экономики и сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
5. Юдина Т.Н. Влияние культуры и идеологии «мягкой силы» на социально-экономическое развитие России и Китая / Т.Н. Юдина, Ян Цзюньдун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
6. Брагина З.В. Возможности и ограничения участия образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования в государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)

7. Гордеев В.А. Модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли) / В.А. Гордеев, А.А. Кладова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
8. Гордеев В.А. Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации / В.А. Гордеев, А.А. Кладова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
9. Водомеров Н.К. Путь к подлинному знанию – критическое отношение к «моделям» так называемого mainstream и признание марксистской политэкономии в качестве основы экономических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
10. Водомеров Н.К. О необходимости и основах создания альтернативного курса макроэкономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
11. Водомеров Н.К. Государственное планирование как средство разрешения противоречий капиталистического воспроизводства в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
12. Берендеева А.Б. Анализ финансирования образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства: региональный аспект / А.Б. Берендеева, О.Р. Андреева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
13. Николаева Е.Е. Рыночный и государственный механизм распределительных отношений (на примере обеспеченности жилья) аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
14. Иродова Е.Е. Специфика социально-экономического положения предпринимателя в условиях современной деловой среды (на примере Ивановской области) / Е.Е. Иродова, Н.В. Шеянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
15. Николаева Е.Е. Взаимодействие политэкономического и институционального подходов в экономических исследованиях как требование современной экономической теории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
16. Иродова Е.Е. О месте и роли малого бизнеса в региональной экономике / Е.Е. Иродова, Н.В. Шеянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
17. Николаева Е.Е. Рецензия на монографию Б.Д. Бабаева, А.Ю. Родниной «Кругооборот кредитного ресурса: взаимосвязь политэкономического и институционального подходов» / Е.Е. Николаева, А.В. Кособуцкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
18. Иродова Е.Е. Модель малого бизнеса в условиях региона депрессивного типа (на примере Ивановской области) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
19. Николаева Е.Е. Несовершенство конкурентного механизма как одна из причин деформаций распределительных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
20. Берендеева А.Б. Отношения конкуренции на рынке социальных услуг: факторы, формы, динамика / А.Б. Берендеева, В.А. Сизанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)

21. Иродова Е.Е. Историко-логический подход в исследовании проблем становления и развития акционерных обществ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
22. Николаева Е.Е. Задачи новой индустриализации в России в свете опыта индустриализации в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)
23. Николаева Е.Е. Научная школа профессора Бронислава Дмитриевича Бабаева (к 85-летнему юбилею) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.theoreticaleconomy.info](http://www.theoreticaleconomy.info)

ПОВЫШАТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КОНТРАСТ ВИДЕНИЯ НЕОКЛАССИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», первый заместитель главного редактора журнала «Теоретическая экономика»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: shkiotov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – повышению конкурентоспособности экономики РФ. Авторы показывают, что средством её решения выступает осуществление новой индустриализации. Правильнее, по мнению авторов, использовать в исследовании этих категорий методологию теоретической экономики, а не неоклассики. На основе двух парадигмальных мейнстримов: классической политэкономии и неоклассики – авторы предлагают третий – теоретическую экономию. Статья содержит характеристику её особенностей и предложения по её практическому применению для преодоления кризисного состояния экономики РФ.

Ключевые слова: конкурентоспособность национальной экономики; новая индустриализация; классическая политическая экономия; неоклассика; теоретическая экономия; развитие

Код УДК: 339.137

Annotation. Article is devoted to an actual problem – increase of competitiveness of economy of the Russian Federation. Authors consider new industrialization as the mean of its solving. Authors opinion is that it's better to use methodology of theoretical economy, but not neoclassics in research of these categories. On the basis of two paradigmatic mainstreams – classical political economy and neoclassics – authors offer the third paradigm – theoretical economy. Article contains the characteristic of its features and offers its practical application for overcoming of an economy crisis in the Russian Federation.

Keywords: competitiveness of national economy; new industrialization; classical political economy; neoclassic; theoretical economy; development

К дискуссии, которая была развернута на конференции на конференции в МГУ в ноябре прошлого года по теме «Экономическая система современной России: пути и цели развития», и анализу сегодняшних социально-экономических реалий прямое отношение имеет такой

практический вопрос, как повышение конкурентоспособности нашей отечественной экономики перед лицом возросших геополитических и даже военных угроз, а для этого – осуществление новой индустриализации РФ, сопоставимой по масштабам с совершенной в СССР в 1930-е годы. Но, конечно, решение такого практического вопроса, как и любой сугубо прикладной проблемы, немислимо без теоретического осмысления его, причем в методологическом ключе не столько распространенного мейнстрима неоклассики, сколько в русле классической политической экономии, разумеется, в творческом её развитии применительно к анализу сегодняшних экономических реалий.

Нельзя не видеть, что о необходимости обновления экономических отношений, институтов и политики с целью обеспечения приоритетного развития отечественного высокотехнологичного производства, науки, образования и культуры, уже давно пишут и говорят ученые многих университетов и академических центров России, эксперты и лидеры реального сектора экономики. Программа такого обновления была, как известно, сформулирована на Первом и Втором Московских экономических форумах, прошедших в марте 2013 и 2014 гг. в МГУ имени Ломоносова [1]. Важные аспекты её реализации рассматривают статьи С.Д. Бодрунова и В.Т. Рязанова, опубликованные в журнале «Экономическое возрождение России», 2014, № 2 [2], а также статья А.И. Колганова и А.В. Бузгалина, опубликованная в журнале «Социс», 2014, № 1 [3] и №3 [4].

Мы, со своей стороны, постарались внести посильную лепту в общие усилия ученых-экономистов. В наших монографиях и статьях последнего времени [5–11] показано, что для осуществления новой индустриализации РФ и повышения конкурентоспособности национальной экономики актуальны все составляющие советского опыта индустриализации: финансовая, кадровая, образовательная, сырьевая и т.д., – но только при условии коренной перемены курса макроэкономической политики. А значит, и теоретической парадигмы, её питающей. И, наоборот, без такого условия ничего из советского опыта неактуально, а без этого и новая индустриализация в принципе неосуществима. То есть перспективой российской экономики станет не повышение конкурентоспособности, а угроза продолжению самого её существования.

Год назад мы отмечали, что первым шагом к началу реализации научных рекомендаций могло бы стать принятие федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», проект которого [12] был рассмотрен в Госдуме по инициативе фракции КПРФ. Однако принятый документ оказался весьма далек от первоначального проекта, больше похож на декларацию, чем на конкретный план действий. Кроме того, одновременно рассматривался и правительственный проект государственного бюджета на предстоящие три года, поддержанный партией большинства в Думе – «Единой Россией», где, по существу, закрепилось продолжение той же макроэкономической политики и, соответственно, нет финансирования ни роста, ни развития, потому что, мол, нет денег. Но их нет и не может быть, на наш взгляд, как раз из-за продолжения той же макроэкономической политики, базирующейся на позавчерашних мифах неоклассики.

А ведь ещё совсем недавно международные эксперты давали достаточно лестные характеристики экономике РФ, отмечали её резкий скачок в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) сразу на 11 позиций. Еще более удивительным кажется то, что, по мнению другой авторитетной международной организации, занимающейся бенчмаркингом глобальной конкурентоспособности, – Международного института развития менеджмента (МИРМ), – экономика России в последние 5 лет неизменно демонстрировала положительную динамику в этом рейтинге (+13 позиций). Но ведь проблема заключается в том, что все эти внешне позитивные изменения национальной конкурентоспособности (табл. 1) происходят в действительности на фоне усиливающейся стагнации российской экономики, вытаскать которую на траекторию хотя бы умеренного роста оказались неспособны даже стабильно высокие цены на энергоносители в предыдущие годы.

Таблица 1

Динамика рейтингов конкурентоспособности российской экономики и темпов экономического роста, 2008-2014 гг.

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	51	63	63	66	67	64	53
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, МИРМ	47	49	51	49	48	42	38
Темпы роста экономики, в %	5,2	-7,8	4,6	4,3	3,4	1,3	0,1

Источник: The Global Competitiveness Report [13], The IMD World Competitiveness Yearbook 2014 [14]

Парадокс, видный невооруженным глазом, явное противоречие между радужными перспективами роста конкурентоспособности российской экономики, рисуемое недавно международными экспертами и реальным, плачевным состоянием народного хозяйства (даже без учета событий, связанных с Украиной), могут быть объяснены, по нашему мнению, именно с позиций парадигмального противостояния неоклассического и политэкономического методологических мейнстримов. В известной мере упрощая, низводя эти подходы к пониманию экономической действительности до противопоставления формы и сущности явлений, можно отметить, что Россия, с формальной точки зрения, входит в десятку крупнейших экономик мира, имеет низкий уровень безработицы, емкий потребительский рынок, минимальную величину внешнего государственного долга, уверенно опережала до недавнего времени страны БРИКС по ряду социально-экономических показателей (табл. 2). Эндотерический же взгляд на российские реалии открывает нам совершенно иную картину экономики: с низкой производительностью труда, сокращением реальных располагаемых доходов, беспомощностью российских экономических властей, мечущихся в ловушке экспортно-сырьевой модели, и всеобщим ожиданием коллапса пенсионной и налоговой системы.

Подобное мифическое восприятие России, выдающее желаемое за действительное, только мешает поставить правильный диагноз нашей больной экономике и результативно её лечить – последнее можно делать только на основе анализа проблемы конкурентоспособности национального хозяйства с позиции сущностного подхода классической политической экономии, который мы разделяем.

Концепция теоретической экономии, разрабатываемая нами и использующая в качестве своего рупора электронный журнал «Теоретическая экономика», включает в себя политэкономическое видение как важнейшую составную часть методологии, нацеленную на эндотерическое постижение сущности рассматриваемых экономических и социальных реалий. И, обращаясь к терминологии классической политэкономии в её высшем выражении – марксистском, – сегодняшние российские реалии, их парадоксы и диссонансы можно обозначить как небывалое противоречие между объективной необходимостью резкого роста производительных сил, новой индустриализации РФ и полным торможением реализации этой необходимости состоянием производственных

отношений (взять, к примеру, тотальную незаинтересованность таких влиятельных социальных групп, как олигархи, субъекты крупного бизнеса, и чиновники, в осуществлении новой индустриализации). Здесь диагноз, конечно, куда страшнее, чем в мифах неоклассики, но, повторим, без правильного диагноза, каким бы ужасающим он ни был, невозможно и эффективное лечение, действительное разрешение указанного противоречия между необходимостью роста производительных сил и тормозящим этому состоянием производственных отношений.

Таблица 2

Роль России в мировой экономике: некоторые экономические индикаторы стран БРИКС, 2014 г.

Страны/ Показатели	Индекс человеческого развития (чем больше, тем лучше)	Производительность труда в расчете на 1 занятого, в тыс. долл. на человека	Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности (чем меньше, тем лучше)
Бразилия	0.744	19 833	57
Россия	0.778	37 410	53
Индия	0.586	10 651	71
Китай	0.719	19 666	28
ЮАР	0.658	32 423	56

Источник: Total Economy Database [15]

Правда, в вопросах разработки и развития теоретической экономики мы всё ещё находимся в начале пути. И если 19 ноября 2014 с трибуны международной научной конференции в МГУ мы продекларировали то, что теоретическая экономика претендует на звание нового парадигмального мейнстрима, то сделали это, пожалуй, в качестве аванса-обязательства. То есть в солидном возрасте повторили дерзкую заявку двадцатилетнего Александра Пушкина в стихотворении «Про себя»:

Великим быть желаю,

Люблю России честь,

Я много обещаю –

Исполню ли? Бог весть! [16].

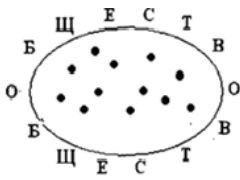

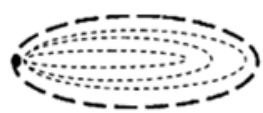
Конечно, символично, что сделано это было в день рождения М.В. Ломоносова в университете №1 страны, носящем его имя, на конференции, посвященной 210-летию отечественного вузовского экономического образования и соответствующего юбилея кафедры, возглавляемой А.А. Пороховским, флагмана российской экономической науки и образования. К тому же наш журнал находился в числе обеспечивающих данную конференцию информационно.

Названная декларация прозвучала в нашем выступлении [17] и в выступлении У.Ж. Алиева, члена редколлегии нашего журнала [18]. Критически оценивая политэкономический и

неоклассический парадигмальные мейнстримы, мы выдвинули в качестве третьего, нового – теоретическую экономию как венец, таким образом, истории мировой экономической мысли [19, с. 79 –86]. Опираясь на полиметодологический подход кафедры экономической теории Ивановского госуниверситета, учитывая концепции костромских коллег о новой политэкономии и тверских – о многоуровневом подходе к экономическим исследованиям, базируясь на работах У.Ж. Алиева из Астаны, В.А. Гордеева из Ярославля и П.С. Лемешенко из Минска, мы представили теоретическую экономию как новое научное направление, которое и критикует все существовавшие и существующие, как недостаточно адекватно отражающие экономические реалии, и в то же время вбирает их в себя, располагая в определенном иерархическом порядке во избежание эклектики (табл. 3).

Таблица 3

Мегапарадигмальные мейнстримы через призму многокритериальной характеристики

Виды М / Черты	Западный мейнстрим (ЗМ)	Российско-советский мейнстрим (РСМ)	Евразийский мейнстрим (ЕМ)
1. Мировоз-зренческие основания	Присваивающее отношение к миру	Производящее отношение к миру	Воспроизводящее отношение к миру
2. Научные основания	Феноменализм (явленность)	Эссенциализм (сущность)	Реализм (синтез сущности и явления)
3. Этические основания	Индивидуализм (эгоизм) Господство частного над общим, индивида над обществом. 	Холизм (альтруизм) Господство общего над частным, общества над индивидом. 	Солидаризм Разумный синтез эгоизма и альтруизма, индивидуального, коллективного, общественного.
4. Ценностные основания	Потребительство (вещеглотство, услугомания)	Аскетизм (уравнительное распределение)	Гармонизм (здоровый образ жизни)
5. Экономические основания	Либеральная рыночная экономика (фритредерство, рыночный фундаментализм) ↓ каталактика (экономикс)	Централизованно-плановая экономика (протекционизм, плановый фундаментализм) ↓ классическая (в том числе марксистская) политэкономия	Социальная (социализированная) экономика (гармонизация Ф и П с доминантным признаком <i>социальности</i> и рецессивным признаком <i>рыночности</i>) ↓ теоретическая экономия

Источник: собственная разработка авторов

При этом классическая политэкономия, разумеется, в её развитии, играет базовую роль эндотерического, сущностно-содержательного исследования рассматриваемых категорий. А неоклассике, институционализму и другим течениям отводится, при некотором упрощении, место и роль, прежде всего, в рассмотрении исследуемого в аспекте формы проявления его сущности [20, с. 60–73; 32; 33]. Таким образом, теоретическая экономия стремится к синтезу сущности и явления, содержания и формы в исследовании экономических категорий с приоритетом сущностно-содержательного над формой проявления исследуемого. Конечно, только к «вбиранию» в себя имеющихся концепций-мейнстримов, пусть и с необходимой их организационной упорядоченностью, не может сводиться наша концепция, претендующая на статус нового парадигмального мейнстрима. Но в данном случае нам важно обратить внимание именно на эту её особенность.

Нельзя не отметить, что в работах заведующего кафедрой политэкономии МГУ А.А. Пороховского и его выступлениях на указанной конференции подчеркивалось: «Научные центры кафедры организуют исследования таким образом, чтобы все части общей экономической теории – политическая экономия, экономикс, институциональная и новая институциональная теории, эволюционная теория, поведенческая теория – не остались без внимания. Не игра в дефиниции, не манипулирование формулами, не безграничное абстрагирование, а системный анализ реальных процессов позволяет достичь научного результата, который полезен и необходим ученым, студентам, бизнесу, обществу»[21, с. 54].

Выходит, что мы, выдвигающие концепцию теоретической экономии, выступаем при этом не столько опровергателями существующего в экономической науке, сколько направляющими усилия в общем русле научного поиска наших коллег из первого отечественного университета. Тем более, что к этому нас понуждает сама ситуация сегодняшней катастрофичности мирового хозяйства, возникшей, в том числе из-за того, что вершители макроэкономической и мировой экономической политики переувлеклись абсолютизацией мейнстрима неоклассики. Не случайно в монографии под редакцией А.А. Пороховского «Долговая проблема как феномен XXI века», отрецензированной докторами экономических наук ректором Волгоградского государственного университета О.В. Иншаковым и заведующим кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета В.Т. Рязановым, резонно констатируется, что в последние годы в мировом хозяйстве наблюдается усиление макроэкономического неравновесия во многих странах, небывалое обострение долговой проблемы [22, с. 4–19]. А в рамках концепции философии хозяйства, разрабатываемой Ю.М. Осиповым и его сподвижниками (к числу которых мы не можем не отнести и себя – ведь многие члены редколлегии журнала «Теоретическая экономика» не славы ради являемся членами Академии философии хозяйства, находя с её концепцией сущностное взаимодействие теоретической экономии), активно исследуется апокалиптика как реальность и как учение [23], кризис мира и мир кризиса [24]. Всё активнее и исследования сотрудников Института Экономики РАН обращаются к вопросу возможности выхода человечества и его экономики из апокалипсиса сегодняшней катастрофы к новому состоянию построения жизни социума и его хозяйства [25]. А значит, и усилия экономистов-теоретиков должны сейчас неизмеримо интенсифицироваться в распутывании методологических основ экономической политики, в которых запутался социум.

И прежде всего, считаем, надо правильно оценить-назвать сегодняшнее социально-экономическое состояние России и мира. Как уже приходилось отмечать одному из нас тоже с трибуны МГУ на другой конференции [26, с. 300], следовало бы усомниться в столь распространенном в публицистике и многих научных публикациях наименовании ситуации, возникшей ещё в 2008 году, словом «кризис» в рамках существующей теории цикличности, объективно реализуемой в экономике с рыночным механизмом или, оперируя терминологией формационного подхода, при капитализме. В таких-то рамках можно бы сравнительно спокойно ожидать следующих фаз цикла, в том числе и подъема, на что, как правило, и нацеливает социум

современная успокоительная пропаганда правительств. Однако более объективной представляется точка зрения тех авторов, которые говорят о коллапсе, о катастрофе всей сложившейся экономической системы западных стран и РФ, в рамках которой в прошлом и реализовывалась теория цикличности. А значит, и ожидать каких-то подъемов лишь в силу этой цикличности – не просто недалекновидно, а смертельно опасно.

Но и этот, как бы «второй этаж» рассмотрения сегодняшних кризиса-катастрофы, с позиции теоретической экономики, представляется недостаточно адекватно отражающим реалии. С высоты «третьего этажа», который нам представляется более правомерным, мы рассматриваем сегодняшнюю ситуацию как катастрофу не просто очередной социально-экономической системы, а всей человеческой цивилизации, с определенного момента своей истории избравшей неоптимальный вариант своего якобы развития. Сегодня самое актуальное – вырваться из состояния постмодернизма, античеловеческой экономики, в завтрашний запостмодернизм, в достойное человека состояние. Альтернативы такому «вырыву» нет, кроме гибели человечества и его хозяйства.

Для Российской Федерации в этом плане и объективно необходимо, и безальтернативно осуществление провозглашенного несколько лет назад В.В. Путиным курса на новую индустриализацию, сопоставимую по масштабам с советской. «Наше развитие зависит от нас самих» [27], – резонно заявил президент в послании Федеральному собранию 4 декабря 2014 года. К сожалению, на практике мы не видим ощутимых шагов в реализации этого курса. Видимо, следует, в том числе, ещё внимательнее обратиться к анализу сущности индустриализации, советского опыта её осуществления и специфики новой индустриализации Российской Федерации.

Наши исследования в данном направлении приводят к следующим промежуточным выводам:

1. Выявление сущности индустриализации как экономической категории не может сводиться лишь к формулировке её определения, а требует целостного её структурно-содержательного и функционального анализа, который и проведен нами [6, с. 23–58, 221].

2. При исследовании сущности и формы проявления данной категории правомерно использовать присущий теоретической экономике полиметодологический подход, принцип дополнительности. При этом приоритет в выявлении сущностно-содержательной стороны индустриализации должен быть отдан методологии классической политэкономии, но неоклассическая и институциональная методологии не отбрасываются, а используются в определении формы проявления рассматриваемой категории.

3. При осуществлении практически всех элементов структурно-содержательного анализа индустриализации необходимо дифференцировать специфику их проявления, с одной стороны, при капиталистической, а с другой – при социалистической индустриализации, поскольку специфика эта определяется объективными закономерностями и относится к сущностной стороне изучаемой категории.

4. Из системного анализа индустриализации как экономической категории вытекает вывод о недостаточности многих и даже большинства предложений, касающихся осуществления новой индустриализации РФ и имеющих в современной научно-экономической литературе: практически речь в них идет об улучшении лишь в рамках той же самой социально-экономической системы, тогда как приведенное нами системное, в первую очередь политэкономическое понимание индустриализации предполагает переход к качественно иной системе. Такой переход, считаем, должен характеризовать и новую индустриализацию РФ.

5. Системно-структурный анализ индустриализации в нашей методологии предполагает определение цели, экономической основы, субъектов, объектов и направлений (по поводу чего ведется индустриализация) исследуемого предмета. Здесь также предполагается выявление

характера экономических отношений между субъектами индустриализации, определение ее ареала или сферы проявления, инструментов и результата.

6. Далее, в соответствии с требованиями системного подхода, системно-структурный анализ должен быть дополнен системно-функциональным. При этом раскрытие функций индустриализации является, на наш взгляд, углублением и расширением раскрытия ее сущности.

7. Обращаясь к принципам исследования, мы повторим, что поддерживаем и развиваем идею о необходимости творческого соединения в авторской концепции принципов, характерных и для классической политэкономической, и для неоклассической, и для институциональной методологии. При этом в значительной степени мы опираемся на классическую политэкономия, особенно в марксистском её выражении, из методологии которой выводится взгляд на индустриализацию как на конкретно-историческую форму развития производительных сил, вызывающего качественное изменение производственных отношений при смене общественно-экономических формаций. Именно с классической методологией связан и определяется ею принцип экономического детерминизма, признание объективной причинно-следственной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности изучаемых явлений, диалектической взаимосвязи объективного и субъективного в них. Представляется, что этот принцип позволяет придать исследованию действительно научный характер, то есть возможность вскрывать объективные и закономерные взаимосвязи в изучаемом предмете, абстрагируясь от случайных.

8. Что касается включения в авторскую методологию и непосредственно схему системно-структурного анализа индустриализации неоклассического и институционального принципов, то они включаются применительно к анализу формы проявления экономической категории, подлежащей нашему исследованию (а отмеченные ранее два первых принципа, вытекающие из методологии классической политэкономии, относятся к постижению содержательной сущности изучаемой категории). Так, например, нами не отбрасывается, а включается в перечень основных принципов исследования третьим по порядку неоклассический взгляд на индустриализацию как на процесс формирования и развития рыночной экономической системы (применительно к индустриализации западных стран в период промышленного переворота) или отступления от неё назад, перехода к административно-командной системе (применительно к индустриализации в СССР), но это включение возможно с учетом оговорки, сделанной ранее об использовании его при анализе формы проявления, но не содержательной сущности исследуемой категории.

9. Четвертой по порядку в перечень основных принципов исследования нами включается институциональная точка зрения о том, что индустриализация является совокупностью действий соответствующих институтов, прежде всего государства и предпринимателей, по превращению экономики страны из аграрного или аграрно-индустриального типа в индустриально-аграрный или индустриальный. Целостность исследования категории, естественно, предполагает анализ и содержания, и формы проявления её в их единстве, но с выделением на первый план сущностно-содержательной стороны.

10. Определив принципы, обращаемся к элементам системно-структурного анализа индустриализации и прежде всего формулируем её цель. Считаем правомерным согласиться с такой формулировкой этой цели, сделанной в Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), как создание крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства и особенно в промышленности [32, с. 266]. С позиции методологии классической политэкономии, формационного подхода эта цель рассматривается как объективная, независимая от воли и сознания отдельных людей, даже если это крупные политики или бизнесмены. Но определяется эта цель объективными экономическими потребностями и интересами, например, предпринимателей (капиталистов, по Марксу) и прежде всего стремлением к максимизации прибыли за счет индустриализации. Кстати, последнее – максимизация прибыли – совпадает с определением

неоклассики, экономикс цели предпринимательской деятельности вообще. Но, будучи объективной, сформулированная цель реализуется через субъективную деятельность людей: предпринимателей, инженеров, рабочих, госслужащих. Сформулированное нами вслед за БСЭ определение цели индустриализации не противоречит и институциональной концепции в плане целеполагания действий различных институтов, особенно государства и предприятий при осуществлении индустриализационного процесса.

11. Следующий этап системно-структурного анализа индустриализации – определение ее экономической основы. В качестве последней представляется объективная потребность потенциальных субъектов индустриального процесса в качественном преобразовании производительных сил и производственных отношений. Впервые это положение оказалось обстоятельно раскрытым марксистской политэкономией в XIX веке, а предшественниками и многими более поздними исследователями оно хотя и не формулировалось, но как бы «подразумевалось между строк», если исходить из анализа их контекста. В самом деле, приведенное определение экономической основы индустриализации логически вытекает из данной нами до этого формулировки её цели.

12. Следующая ступенька в реализации системно-структурного анализа индустриализации – определение ее субъектов. По нашей концепции, таковыми являются хозяйствующие субъекты, владельцы средств производства. И хотя это очевидно «при первом приближении», но нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, в условиях капиталистической частной собственности на средства производства, такими субъектами выступают предприниматели и реализующее их экономические цели государство. Иначе обстоит дело с работниками, руками которых осуществляется индустриализация: будучи отсеченными от собственности на средства производства, они объективно не могут быть заинтересованы в эффективном её осуществлении, а значит не могут быть и отнесены к её субъектам. Во-вторых, в СССР наличие общественной собственности (при всех оговорках о её качестве, о степени соответствия политических деклараций реальному экономическому состоянию) объективно предопределяло возможность отнесения к субъектам индустриализации практически всего населения страны. Этим, считаем, определяется массовое проявление трудового энтузиазма, развития социалистического соревнования (при всех отмеченных в современной литературе фактах формализма в субъективной деятельности его организаторов), ударничества, стахановского движения, творчества рационализаторов и изобретателей в 1930-х годах в СССР.

13. Определившись с субъектами индустриализации, логично согласно последовательности схемы системно-структурного анализа обратиться к выяснению объекта или направлений проявления отношений, представляющих предмет исследования (по поводу чего ведется индустриализация). Следует отметить наличие множества таких объектов и направлений. Причем в процессе экономического развития и эволюции сущности и целей самой индустриализации их многообразие возрастает. Можно констатировать, например, такие направления, как 1) индустриализация для повышения нормы прибыли капиталиста на основе замены ручного труда рабочих машинным, усиления эксплуатации и повышения интенсификации, производительности и общей эффективности общественного труда; 2) индустриализация для повышения благосостояния населения и укрепление обороноспособности страны.

14. С многообразием объектов и направлений проявления индустриализации связана и сложность экономических отношений между ее субъектами. Определяя характер этих отношений, нельзя, на наш взгляд, не согласиться с Марксом в признании их антагонистичности применительно к капиталистической экономике. Ну, а для социалистической индустриализации характер отношений между субъектами отличается товарищеской взаимопомощью, сотрудничеством, хотя и состязательностью тоже.

15. Следующий шаг системно-структурного анализа индустриализации – определение ее ареала, сферы проявления. Если взять фазы воспроизводства, то сферой индустриализации является, прежде всего, производство, но процесс индустриализации охватывает, преобразая, и обмен, и распределение – то есть абсолютно все фазы общественного воспроизводства. Ведь индустриализация – отношения между хозяйствующими субъектами, а значит, производство предстает как внутренняя для них среда, но проявляются указанные отношения и за пределами предприятия, во внешней для него сфере, вызывая качественные изменения не только, как мы уже отметили, производительных сил, но и производственных отношений, социальной сферы, системы профессиональной и общеобразовательной подготовки субъектов индустриализации.

16. Очередная ступенька системно-структурного анализа связана с определением инструментов индустриализации. Представляется, что это усиление эксплуатации наемного труда в условиях капиталистической индустриализации и сотрудничество во имя общей цели при индустриализации социалистической. Инструментами индустриализации выступают и инвестиции или капиталовложения в обновление производства.

17. Завершаем системно-структурный анализ индустриализации характеристикой ее результатов. Они, как и цель, и другие компоненты, входящие в схему анализа, являются объективными. К содержанию понятия «результаты индустриализации», по нашей концепции, относится прежде новое состояние, качественно более высокий уровень развития производительных сил и производственных отношений, преобразование социально-экономической системы в целом. Как видим, эта часть результатов логически вытекает из цели индустриализации. А еще следует отметить, что к результатам капиталистической индустриализации можно отнести значительный рост нормы предпринимательской прибыли, степени эксплуатации наемной рабочей силы, хотя уровень заработной платы и общего материального благосостояния работников при этом могут и повышаться. К результатам же социалистической индустриализации следует добавить повышение материального и культурного уровня трудящихся и всего населения, а также укрепление обороноспособности страны.

Таков системно-структурный анализ индустриализации, позволяющий, на наш взгляд, приблизиться к постижению сущности данной экономической категории. Что же касается изучения опыта индустриализации в СССР на предмет выявления актуальных или неактуальных его составляющих, то актуальными сегодня для РФ аспектами советского опыта проведения индустриализации, как показывают результаты проведенного нами исследования по этой теме [6, с. 205-207], выступают следующие основные особенности этого опыта:

1. Объективная необходимость способности страны и её экономики к мобилизованности. Сегодняшняя ситуация с западными санкциями достаточно зримо подтвердила важность и актуальность такого нашего вывода.

2. Состояние, по существу, экономической блокады, и тогда, и сейчас (исключение – сегодняшний экспорт сырья и тогдашний импорт высоких технологий с Запада в обмен на зерно и произведения искусства из Эрмитажа). Справедливо, на наш взгляд, заявил В.В. Путин по этому поводу в президентском послании Федеральному собранию 4 декабря 2014 года: «Так называемые санкции и внешние ограничения – это стимул для более эффективного ускоренного достижения поставленных задач» [27].

3. Небывалый кризис, и тогда, и сейчас, в мировой и отечественной экономике. Как известно, начиная с осени 2008 г. специалистами немало сказано и написано сопоставлений сегодняшней ситуации с состоянием Великой депрессии 1929-1933 годов на Западе, но справедливо, считаем, преобладало признание, что сегодняшняя ситуация превосходит тогдашнюю по степени опасности для социума и его экономики.

4. Объективная необходимость централизованного планирования и государственной формы собственности на средства производства, особенно в приоритетных для процесса и результата индустриализации промышленных отраслях (машиностроение и другие отрасли обрабатывающей промышленности, военно-промышленный комплекс, транспорт, связь и энергетика) как важнейшего фактора успешности неоиндустриализации. Вроде, на сегодня можно с удовлетворением констатировать, что указанный вывод в части планирования получил, наконец, понимание на самом верху государственного управления, однако даже ещё не создано того органа в системе федеральной власти, который бы начал заниматься этим самым централизованным планированием. А до признания важности приоритета государственной собственности в приоритетных отраслях пока, к сожалению, далеко.

5. Объективная необходимость и тогда, и сейчас осуществить индустриализацию за счет внутренних источников рабочей силы и финансов (тогда за счет крестьянства, аграрного сектора, а сейчас – за счет национализации природных ресурсов и введения прогрессивного налогообложения, перетока кадров чиновничества и охранников в производственную сферу). К сожалению, этот вывод звучит пока только у системной оппозиции, а вот в президентском послании, других директивных документах фактически не нашел (пока?) поддержки и вообще отражения.

6. Объективная необходимость обеспечения единого всенародного порыва энтузиазма как важнейшего фактора индустриализационного прорыва. Произнесенные в президентском послании 4 декабря 2014 года замечания о том, что «... многое зависит от каждого из нас на своем рабочем месте» [27], что добросовестный труд – это базовая ценность [там же], – весьма важны и существенны, но до обеспечения единого всенародного порыва энтузиазма заметно, считаем, не дотягивают. Может, поэтому и сам термин «новая индустриализация» не нашел в указанном послании повторения его автором. Ведь наряду с трудом базовой же ценностью президентом определена частная собственность, хотя учеными-экономистами аргументировано достаточно убедительно положение о невозможности желаемых прорывов в стране без исправления итогов грабительской приватизации 1990-х годов (см., например, монографию С.П. Глинкиной [28], предложения К.А. Хубиева о разрешении данной проблемы [29]). В связи с этим считаем правомерным согласиться с предложениями [30, с. 19] о национализации ведущих отраслей промышленности, изъятия их из сферы частного сектора. Фундаментальной основой экономики РФ должны стать стратегические отрасли: добыча и переработка полезных ископаемых, нефтегазовые и в целом энергетические отрасли, а также машиностроение, военно-промышленный комплекс и, конечно, железнодорожный, морской и авиационный транспорт, то есть стратегическая инфраструктура индустриализации. А в остальных отраслях и сферах экономики государство обязано принудить и простимулировать частный бизнес на активнейшее участие в осуществлении неоиндустриализации. Не можем не согласиться и с замечанием ведущего научного сотрудника Института экономики РАН С. Белозеровой о том, что «...в условиях господства частной собственности и сложившейся олигархической структуры капитала проведение масштабной высокотехнологичной модернизации в принципе немыслимо при минимизации участия государства и политике дерегулирования» [31, с. 22]. Правда, в послании президента предложена амнистия возвращаемых в Россию капиталов как средство их оттока, бегства за границу, но резонно раздается вопрос, а куда будут направлены амнистируемые капиталы: на неоиндустриализацию или, например, просто на подкуп чиновников. И, конечно, данная мера при всей благой её цели вовсе не рассчитана на исправление итогов грабительской приватизации и преодоление сегодняшнего запредельного разрыва в доходах населения (децильный и квинтильный коэффициенты), не позволяющего обеспечить единый порыв энтузиазма в проведении неоиндустриализации: и наемных работников, и олигархов, и чиновников.

7. Объективная необходимость повышения роли социальных инноваций как важного фактора осуществления индустриализации. Возможно, в реализации данного вывода сегодня особенно

много проблем, как показывает анализ бюджета РФ на предстоящие три года в части социальных расходов.

Актуальность и практическая значимость, острота рассматриваемой проблемы требует, таким образом, новаторского, прямо-таки революционного подхода к пересмотру методологии, теории и практической макроэкономической политики по обеспечению новой индустриализации, обгоняющего развития отечественной экономики и в результате резкому повышению национальной конкурентоспособности даже (а может, тем более) в условиях глобальной экономической катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский экономический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru>
2. Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-v-r.ru/images/archive/2014-2-40.pdf>
3. Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2014_1/Kolganov.pdf
4. Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2014_3/Kolganov.pdf
5. Гордеев В.А. Национальная конкурентоспособность в условиях глобализации: монография / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2009. – 191 с.
6. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: Монография / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231с.
7. Гордеев А.А. Учет уроков индустриализации в СССР как фактор успешности новой индустриализации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
8. Гордеев В.А. Рецензия на монографию «Конкурентоспособность национальной экономики: регионально-отраслевые аспекты оценки» / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
9. Шкиотов С.В. Взаимосвязь динамики показателей национальной конкурентоспособности и экономического роста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
10. Гордеев В.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов? / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Труды Вольного экономического общества России. – Москва, 2012. – Т. 163. – С. 194–208.
11. Гордеев В.А. Образовательная составляющая отечественной индустриализации / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №6. – С. 40–43.
12. О промышленной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpromtorg.gov.ru/docs/search/#!1950>

13. The Global Competitiveness Report 2008–09; 2009–10; 2010–11; 2011–12; 2012–2013; 2014–15. [Electronic resource]. – Access mode : <http://www3.weforum.org/docs/>
14. The IMD World Competitiveness Yearbook 2014. [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.worldcompetitiveness.com/>
15. Total Economy Database [Electronic resource]. – Access mode : <https://goo.gl/aqD9sk>
16. Пушкин А. С. Про себя / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Пушкин. – М., 1967. – Т. 2 : Стихотворения. 1819–1826. – С. 88.
17. Гордеев В.А. Парадоксы конкурентоспособности российской экономики: контраст видения классической политической экономии / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития», 19 ноября 2014 года: тезисы участников конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет, Кафедра политической экономии; составители: К.А. Хубиев, Г.И. Брялина, Ж.Ф. Куриленко. – Москва, 2014. – Раздел 6 : Рынки и фирмы в информационной экономике
18. Алиев У.Ж. Какой мейнстрим может (должен) быть первоосновой развития экономической системы России и Казахстана? / У.Ж. Алиев // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Экономический факультет. Кафедра политической экономии / Международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития» 19 ноября 2014 года. Тезисы участников конференции. Составители: К.А. Хубиев, Г.И. Брялина, Ж.Ф. Куриленко. – Москва, 2014. – Раздел 1. Потенциал политической экономии для теоретического решения проблем российской экономики.
19. Алиев У.Ж. Историология: благостные размышления полиэконома, науковеда, эпистемолога / У.Ж. Алиев. – Астана: университет «Туран-Астана», 2014. – 119 с.
20. Объект, предмет, метод экономической науки и реальность: монография / под ред. В.В. Кашицына. – Новороссийск: ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2014. – 194 с.
21. Пороховский А.А. Цивилизационное значение политической экономии / А.А. Пороховский // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2014. – № 4. – С. 43–55.
22. Долговая проблема как феномен XXI века : монография / под редакцией А.А. Пороховского; Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва : МАКС Пресс, 2014. – 288 с.
23. Осипов Ю.М. Апокалиптика как реальность и как учение / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2014. – № 5. – С. 9–11.
24. Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2014. – № 5. – С. 167–178.
25. Бондаренко В.М. Бескризисное развитие: миф или реальность? / В.М. Бондаренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 304 с.
26. Гордеев В.А. опередить «не самую удовлетворительную действительность» // Экономическая теория в XXI веке – 8(15): Экономика модернизации: монография / под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. – М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. – 496с. – С. 298–301.
27. Послание Президента Федеральному собранию. 4 декабря 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
28. Глинкина С.П. Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность / С.П. Глинкина – М.: Наука, 2006. – 235 с.

29. Хубиев К. Модернизация и отношения собственности / К. Хубиев // *Экономист*. – 2010. – №9. – С. 14–22.
30. Кучуков Р. Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора / Р. Кучуков // *Экономист*. – 2013. – №6. – С. 16–25.
31. Белозерова С. Опыт советской индустриализации в контексте неоиндустриализации / С. Белозерова // *Экономист*. – 2012. – №6. – С. 22–38.
32. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская Энциклопедия, 1972. – Т. 10 : Ива – Италики. – 592 с. : ил.

INNOVATION AS A FACTOR OF RE-INDUSTRIALISATION: CONCRETE EXAMPLES

Truel Jean-Louis

Associate Professor Université Paris-Est Créteil, Vice-president Cercle Kondratieff
Paris, France. E-mail: jltruel@cario.fr

Аннотация. Это было общее искушение принципов экономической и промышленных политики, чтобы настроить «современные» отрасли промышленности против «традиционных» или «старых» отраслей промышленности в современных российских условиях, когда требуются «модернизация» и «переиндустриализация». Теоретические подходы, а также анализ принципов экономической политики в различных странах показывают, что эти подходы не антагонистические, если каждый обращает внимание на последовательность производительной системы, определенной как комбинация различных отраслей промышленности в пределах данной экономики.

Ключевые слова: отрасль; индустриализация; экономика; возможности; политика; подход

Код УДК: 330.342.2

Annotation. It has been a common temptation of economic and industrial policies to pit «modern» industries against «traditional» or «old» industries, or in contemporary Russian terms, «modernization» and «re-industrialisation». Theoretical approaches as well as the analysis of economic policies in various countries show that these approaches are not antagonistic provided one pays attention to the coherence of the productive system, defined as the combination of the various industries within a given economy.

Keywords: industry; industrialization; economics; opportunities; policy; approach

As a whole, the productive systems of the 21st century can be viewed as a combination of material, immaterial, technical and financial links that are increasingly complex and pervasive. Most of all these links are characterized by the emergence of new hierarchies and new asymmetries [1]. For this reason, innovation cannot be separated from the rest of the productive system in its industrial dimension, all the more that innovation itself appears in more and more diversified forms.

INDUSTRIAL POLICIES AND INNOVATION POLICIES: THE EXAMPLES IN EUROPE

The European experience shows that innovation should not be opposed to the keeping of traditional industries.

In the case of France, in the 60's, 70's and 80's it appeared to be a natural trend to drop the traditional industrial base – represented for instance by coal, metallurgy and textile, in favour of new industries. France has very much focused on top-down innovation, initiated by public research programmes and implemented by large companies. This has led to great technical successes such as TGV (high speed train), nuclear power industry, aircrafts, space industry, telecommunications... Yet, in the 90's and 2000's, de-industrialisation accelerated, with the decline of non-ferrous metallurgy, light manufacturing, consumer goods, and even power-horses of modernisation in the previous decades, such as automotive and telecommunications. This reflected the imbalances of the prevailing model of industrial development.

Innovations that were not fitting into the scheme of very large projects were neglected. Top-down innovative projects allowed the development of large French companies in some high profile capital intensive areas. At the same time mid-size companies in less glamorous sectors fought for survival. This lack of a network of mid-size innovative companies is one of the major weaknesses of such policies.

On the contrary, in Germany, a balance has been kept between traditional industries and new innovative sectors. While it is less specialised than France on strictly high-tech industries, mostly because of aeronautics, the German economy is very competitive in medium to high technology industries: cars, chemistry, industrial machinery, and even telecoms and software [2]. Another feature of the German industry is the strength of what is called «Mittlestand»¹. Not only has Germany been able to keep its industrial base, it remains a major export of industrial goods, on the basis of a very strong non-price competitiveness. A comparison between the two countries shows this major difference: **Germany is still a significant industrial economy while France has turned more into a service economy** (tab. 1).

Table 1

Key economic indicator, 2012

Countries	Share of manufacturing in GDP, %	Share of manufacturing in Working population, %	Share of services in GDP, %	Share of services in working population, %	Share of Export in GDP, %
France	20	24	78	72	22
Germany	30	30	69	68	43

Source: World Bank, UN, national statistical offices

Another way to look at this difference is to consider the major innovation indicators for each country (tab 2).

Table 2

Major innovation indicators. Relative performance to EU average (100)

Input indicators	France	Germany
Population with completed tertiary education	122	89
R&D expenditures in the public sector	104	128
R&D expenditures in the business sector	111	149
Non R&D innovation expenditures	45	156
Output indicators		
SMEs innovating in-house	94	142
SMEs with product/process innovation	85	148

Source: Innovation Union Scoreboard, 2014 [5].

¹ Mittlestand refers to the network of industrial mid-size companies (from 50 to more several thousand employees) that are strongly specialized and take their strength on non-price competitiveness.

France has a very good performance in input indicators related to higher education and science and is slightly above the EU average on public and private R and D spending. Yet it is weak on indicators related to applied innovation, especially in SME's.

The German case shows the importance of a continuous innovation process. Industrial competitiveness does not come only from disruptive technologies but also from incremental innovation at the level of products, processes, marketing... In-house innovation is also one of the key ingredients of industry competitiveness.

This approach of continuous integration of innovation in the industrial strategy – instead of relying on disruptive innovation – has become more popular, even in countries where the trend was more on large innovative projects that did not fully trickle down to the whole economy.

In the case of France, this new approach has led to the implementation of a systemic policy, shifting from mega-projects to a more decentralised approach. The major and most innovative component has been the setup of an ambitious programme of «pôles de compétitivité» (competitive clusters) from 2004 onwards. 71 clusters have been created all over France, on criteria of technical specialisation as well as of regional dimension.

The «poles» integrate a variety of stakeholders and organise cooperation between large companies, universities, public research centers and small and medium size companies, with the participation of public decision makers.

Compared with the previous top-down policies this strategy allowed a better dissemination of innovation in the overall economy. Small and medium-size companies as well as start-ups are among the major beneficiaries. Another important factor is the impulse it gave to the economy of some previously de-industrialised areas.

A more recent step is the programme of 34 industrial projects launched by the French Ministry of Economy in September 2013. Unlike the projects set up in the 60's, 70's and 80's this it defines broad areas of interest and gives the details of implementation to committees representing the State, public companies, private companies, research labs and universities. It covers new technologies such as ITC, biotechnologies, nanotechnologies and renewable energies. The interesting aspect is that it also covers traditional industries that need modernisation: metallurgy, chemistry, building materials, transportation, textile, wood [3]. Another aspect is that the time-frame is reduced: projects should emerge within two or three years after launch.

FOR RUSSIA, INNOVATION SHOULD BE A MAJOR FACTOR OF RE-INDUSTRIALISATION

Although each country has its specificities, the cases of France and Germany can give some useful hints in the current discussions in Russia.

It can be said that not unlike France several years ago, Russia suffers of a discrepancy between the country's high science and technology potential and the low level of innovative output².

The scientific and technological potential is high in quantitative terms: According to the «Global Innovation Index» [4] Russia is 15th out of 142 countries for tertiary enrolment – and 14th for the % of graduates in science and engineering in tertiary enrolment. Yet Russia is lagging in R and D expenditures – 30th, behind most industrial countries. As far as output indicators are concerned, Russia is below European average in most areas: in medium and high technology exports, in international publications, etc. The worst situation is for international patents: in Russia the ratio of PCT patents to GDP is 7% of the EU average [5]. This is the legacy of decades during which these issues have not been tackled (tab. 5).

² By comparison, the US are 2nd and France 38th for % of tertiary enrolment, and respectively 74th and 20th for the % of graduates in science and engineering in tertiary enrolment.

Table 3

Major innovation indicators. Relative performance of Russia to EU average (100)

Input indicators	France
Population with completed tertiary education	187
R&D expenditures in the public sector	57
R&D expenditures in the business sector	51
Output indicators	
SMEs innovating in-house	7
SMEs with product/process innovation	74

Source: Innovation Union Scoreboard, 2014 [5].

Many efforts have been made to boost the Russian innovative capability. Financial support, creation of dedicated institutions, development of Innovation centers, with Skolkovo as a flagship... [6; 7]. Yet these numerous actions focused on innovative industries are sometimes opposed to a policy of «re-industrialisation» based on mega-projects of infrastructures and support of traditional industries.

This is misleading. Today, innovation is not only performed by high technology start-ups in the mobile internet industry or in nano-technologies. The major innovative companies – as assessed by the number of patents – are large companies deeply rooted in the industrial world.

There are numerous examples of industries in which Russia could use its innovation potential to gear up a new industrialisation. In agro-industry the need for modernisation is huge. It covers the use of more efficient machinery, but also innovation in genetics and animal husbandry, computer-aided fertilizing methods, management of storage facilities, etc. In metallurgy and chemistry, Russian research centres produce world level innovations for products and processes. Here the issue is the improvement of the link between research centers and industrial applications and the financing of required investments.

One example to illustrate the link between innovation and re-industrialization is the area of energy transition. It can be defined as the path to reduce the consumption of fossil energy in favour of a wide array of new solutions – which is a need at a worldwide level. Even for a major producer of fossil energy such as Russia, it is a major opportunity at many levels because it involves both innovation and modernisation of existing industries. New technologies. The search for energy efficiency requires advanced technologies in areas such as software, micro-electronics and sensors, smart grid technologies, new materials, energy storage...

New products. A full array of products can be developed especially in the area of batteries, building material, biofuel... Improvement of existing products. This is especially true for transportation equipment: cars, trains, planes, ships... Improvement of the efficiency of existing industries such as metal processing, chemistry...

Development of new infrastructures: energy networks, communication networks. In a given country, energy transition can create several hundreds of thousand direct jobs and improve the competitiveness of industries employing several million people³.

³ By comparison, the US are 2nd and France 38th for % of tertiary enrolment, and respectively 74th and 20th for the % of graduates in science and engineering in tertiary enrolment.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lorenzi J.H. Deindustrialisation in relation to the coherence of national productive systems and availability of financial resources: paper presented at the MSU conference on Economic Theory, Lomonosov University, Moscow, 10–11 June 2004 / J.H. Lorenzi, D Namur, J.L Truel. – Moscow, 2004.
2. Lionel Fontagné et Guillaume Gaulier Performances à l’exportation de la France et de l’Allemagne Rapport du Conseil d’Analyse Economique. – Paris 2009.
3. La Nouvelle France Industrielle, Ministère de l’Economie, Paris 2013 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.economie.gouv.fr/files/la-nouvelle-france-industrielle.pdf>
4. The global Innovation Index 2014 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>
5. Innovation Union Scoreboard 2014 [Electronic resource]. – Access mode : <http://era.gv.at/object/document/1275/attach/20140327-innovation-union-scoreboard-2014.pdf>
6. Селезнев П.С. Инструменты современной инновационной политики: сравнительный анализ опыта Франции и России », региональные проблемы преобразования экономики / П.С. Селезнев, Ж.-Л. Трюэль. 2014.
7. Truel J.L. Russian policy of Innovation Centers in the light of international comparisons/ J.L. Truel, K. Fomina // *Rossiskaïa Economisheskaïa Model, Dinamika i Konteksty*, Kuban University. – Krasnodar, 2013.
8. Quirion P. The net employment impact of energy transition in France / P. Quirion – Paris: CiredWorkingpaper, 2013.

CHINA'S NEW CHALLENGES: INCOME INEQUALITY, POVERTY AND SOCIAL SECURITY SYSTEM

Yang C.

Ph.D., Professor. Beijing Normal University. Department of Economics
Beijing, Chinese People's Republic. E-mail: info@bnu.edu.cn

Zavyalova E.B.

Ph.D., Professor. MGIMO-University. Economic Policy Department, head of the Department
Moscow, Russian Federation. E-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Россия и Китай представляют динамично развивающуюся группу стран, демонстрирующих за последние десять лет беспрецедентно высокие темпы роста. Вместе с тем, бурный экономический рост стал причиной возникновения ряда социальных проблем, которые требуют немедленного решения. Представленная статья посвящена социальной политике Китая. Изучение мер, предпринятых КНР для решения насущных задач, может быть весьма полезным для новых быстроразвивающихся экономик, уделяющих особое внимание социальной сфере, и, в частности, для России.

Ключевые слова: социальная политика Китая; социальные реформы; неравенство доходов; бедность; демографические изменения; система социального обеспечения

Код УДК: 330.34

Annotation. China and Russia are representing the rapidly developing group of countries that have shown unprecedentedly high growth rates in the previous decade. But rapid economic growth has resulted in some social problems that need urgent solutions. The article is devoted to the Chinese social policy. The Chinese measures undertaken to meet new challengers may be useful for other emerging economies that put special emphasis on social security issues, especially Russia.

Keywords: Chinese social policy; social reforms; income inequality; poverty; demographic change; social security system

The Chinese GDP achieved the record high level in 2014 – 10.36 trillion USD (compared to 9.44 trillion in 2013). The average growth rate of 7.4% [1] was one of the world's highest. It is also worth mentioning that GDP per capita is rising at a significant rate, 7593 USD (compared with 7000 USD in 2013). All in all China contributes 12% to the world GDP (compared to 5% in 2000). Moreover, China has become one of the most significant world economic players with the world largest trade volume in the world. Exports account for \$2.21 trillion USD (\$49.6 billion USD to Russia), imports \$1.95 trillion USD (\$39.7 billion USD from Russia). Foreign reserves account for \$3.82 trillion USD.

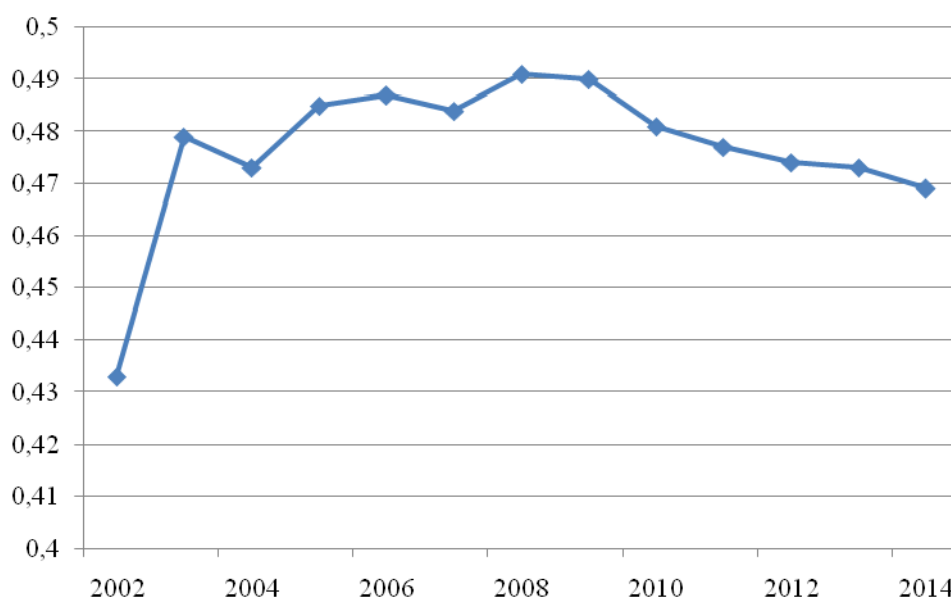
All these figures led to the appearance of a common perception of the Chinese economic miracle. Many developing countries tried to copy the Chinese economic policy to ensure higher and sustainable

economic growth rate. But such rapid development has some built-in negative features, such as: rising labor costs, decreasing labor force, employment pressure, slowdown of trade growth, economic restructuring, debts of local governments and appearance of a «middle income trap».

This article aims at analyses of major social issues and challenges resulting from the rapid economic development, such as increasing income inequality, aging population, demographic change and social security network.

INCOME INEQUALITY

The GDP grows at a faster pace than real personal income rate. The first concerns about it were articulated in the previous decade when the average annual GDP growth rates rose to 11.6% during 2002-2007 while rural and urban household income per capita grew only at 6.8% and 9.6%, respectively. As a result Chinese statistics showed lasting increase of the national income Gini coefficients (ranges from 0 to 1; the higher the figure, the more unequal of income) till 2008, while the decline after 2009 may not be statistically significant according to some research [2] (Pic. 1). The above mentioned trends resulted in one of the world highest income ratios (Pic. 2).

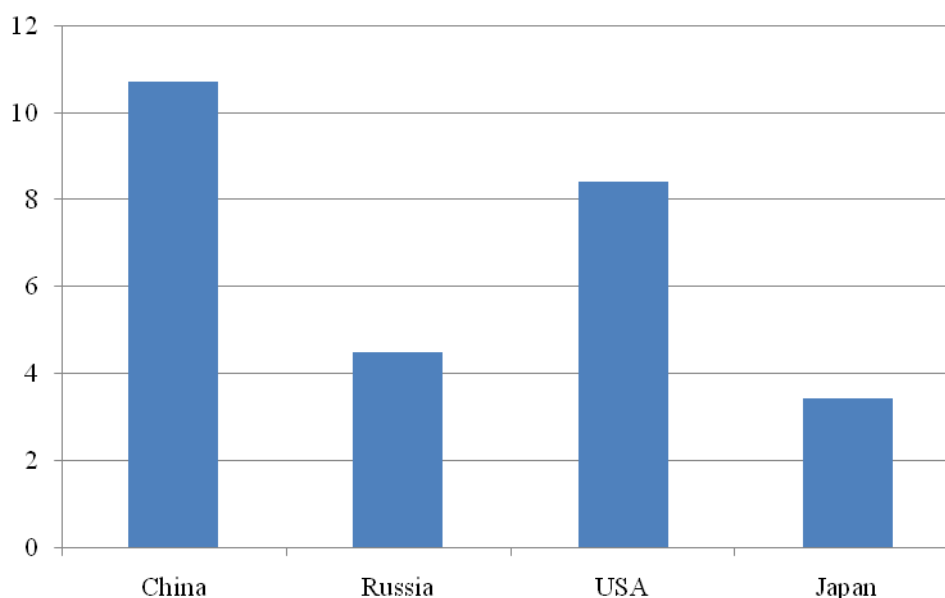

Pic. 1. Gini coefficient

Source: National Bureau of Statistics of China [2]

But the worst thing about this tendency is that various social layers and regions were affected by it differently. Now Chinese government is seriously concerned about the growing gaps between urban and rural areas, Western and Eastern regions. The situation is aggravated by growing differentiation in industries and between employees of monopolistic state owned enterprises and competitive private firms.

As a result only 1% of the wealthiest families own 30% of national wealth and top 10% of the wealthiest families own 64% of national wealth. It is important to mention that wealth differences are more obvious than labor income.

Pic. 2. Average income ratio of the top 20% to bottom 20% population

Source: The World Bank [1]

POVERTY

The problem of poverty is rather controversial. On the one hand in the recent decades China managed to reduce poverty level significantly. It is a huge achievement of the national government policy supported by the world general tendency of poverty reduction. In 1978 poverty population accounted for 250 million (30% of total population) compared with only 26.9 million (2% of total population) in 2010. In 2011 the Chinese poverty line was raised from \$0.55 USD/day to \$1 USD/day (in 2010 dollars, \$1.91 by PPP). Still, poor population accounted for 128 million, only 9.5% of total population.

On the other hand, there are serious problems that need urgent address. The most obvious is the higher poverty rate in rural area (4 times as high as in urban area, where poverty is growing mostly because of migrant workers and disabled). The fact is enhanced by the latest social statistical data showing that the share of potentially poor rural population is growing. The urban population reached 51% of the national population (45% by the end of 2010). The number of rural-urban migrant workers is also growing – 240 million (132 million in 2006). Another problem is represented by the fact that the ratio of extremely low income population (under 0.5 USD/day) has not declined significantly with economic development [2].

One of the urgent and growing concerns is the increasing poverty gap index (a gap between average income level and poverty line) that requires more transfer payments from the government. The Chinese government is undertaking significant efforts in fighting inequality and poverty. 2011 can be seen as a turning point in the Chinese government inequality reduction policy. First of all two major policy adjustments were implemented: tax exemption level was raised to 3500 RMB/month from 2000 RMB/month, and poverty line 1196 RMB/year in 2009 up to 2300 RMB/year (\$1 USD/day). The next significant step was made in the direction of reforming progressive income tax system, 7-tier system was implemented ranging from 3% to 45% (9 tiers before 2011). Significant steps were undertaken in 2014. To enhance the effect of the tax reform the government decided to reduce wages and salaries of the high rank managers and employees of some monopolistic state owned enterprises.

In the framework of the anti-inequality policy special emphasis is put on regional aspects. The government launched regional rebalancing policies, such as Western Development Strategy (1999); the Reviving the Northeastern Strategy (2003); the Rise of the Central Region Scheme (2006). Additionally, series of pro-rural policies since 2003 is considered to be very efficient, especially, agricultural tax exemption, exempted school fees for students in compulsory education, Dibao (low-income family) program implemented in both rural and urban areas, agricultural subsidies to rural households.

Still, there are some remaining problems that cannot be solved in the near future.

The first problem is insufficient tax base. Only 30 million people are qualified for paying income taxes. That leads to the situation when personal tax account for only 6.7% of total tax revenue. At the same time in China there is still no taxation on wealth, nor property tax or bequest tax. This excludes the whole layer of taxpayers and eventually leads to further growth of inequality.

It is well known that social reforms take time. But before the first results are seen it is the government that has to pay to socially unprotected people. Unfortunately, the current practice is characterized by the limited coverage and strength of low income family assistance, still more than 120 million people live under poverty line.

DEMOGRAPHIC CHANGE

For more than 30 years China has been consistently perusing a specific demographic policy. It led to the one of the world lowest social indicators growth rates. Annual population growth rate is only 0.5%. China also has one of the lowest fertility rates in the world: 1.18 [4]. Unbalanced gender ratio raises fears that the situation will get worse with years. The negative impact of the reform resulted in the aging population, which in turn leads to the rise of the dependency ratio.

As a result population bonus responsible for the Chinese economic miracle of the previous decades is disappearing. For instance, as China grows, wages and living standards rise Chinese workers are becoming more «expensive».

The slowdown of the birth rate and the aging population resulted in an unprecedented for China problem of the lack of labor. At the same time overall dependency ratio starts to increase that leads to more retirement and social security concerns.

What is done to improve the situation? Starting from 2014 families in which husband or wife is the only child of their parents now can have two children. 60% of the qualified families on survey say they intend to have the second child, an estimation of up to 2 million new births each year. But against the expectations in view of high cost of raising children young families were not eager to participate in the program. Out of 11 million qualified couples, only 70,000 applied, 62,000 got approval, way below the estimation before.

CHINESE SOCIAL SECURITY SYSTEM

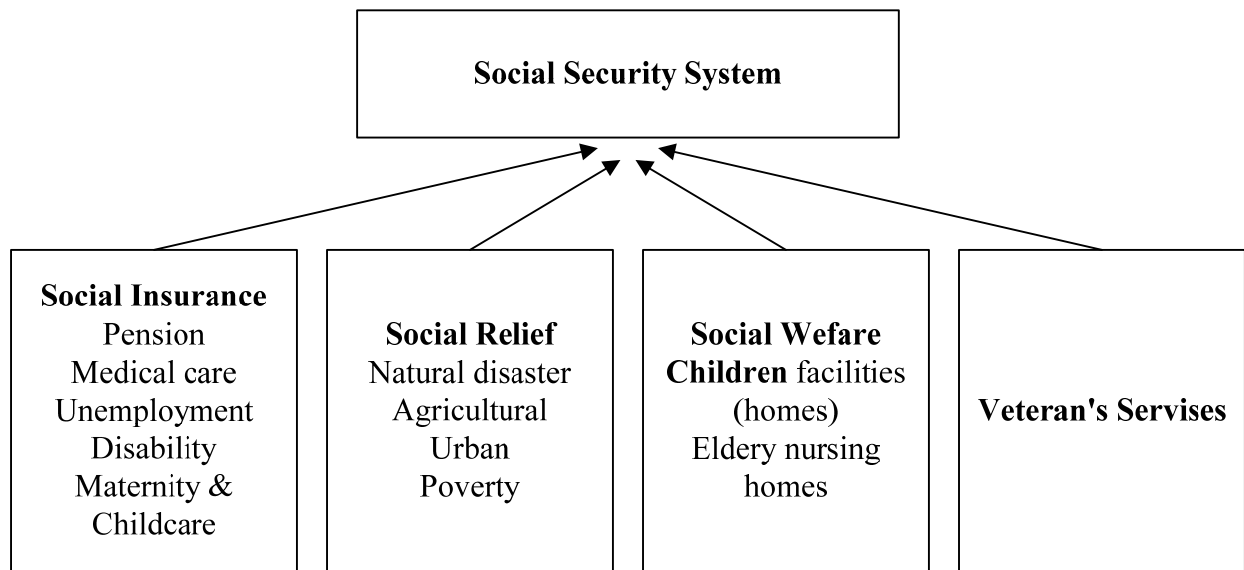
The Chinese social security system is divided into four levels:

The first level: officials, civil servants and public institutions who enjoy superior financial provision for pension, free medical care and even at public expense convalescence;

The second level: the general city employees, businesses and individuals are financed by the cost of insurance, personal accounts and social pooling;

The third level: the residents of the city who have no fixed work have to purchase commercial insurance;

The fourth level: the rural population to participate in the low-level rural old-age cooperative medical.

Pic. 3. Construction of the Social Insurance

Within this sphere the most important issue is the pension system reform. In 2009 less than 30% of China's adults were covered by the government's pension patchwork. The only cushion for most rural seniors was their field and their family. However, pensions have spread at extraordinary speed. According to China's Ministry of Human Resources and Social Security, 842 million people are now enrolled in one scheme or another by the end of 2014: over 80% of adults. China's new rural pension has added over 240 million people in just two years—more than are covered by America's Social Security.

It can be considered as historic achievement, but there are still several problems that call for immediate attention.

First of all pension benefits are very basic and vary across rural and urban, west and east. Underfunding is the general problem. In some rural regions the basic pension can be as low as 55 yuan (about \$8.75) per month.

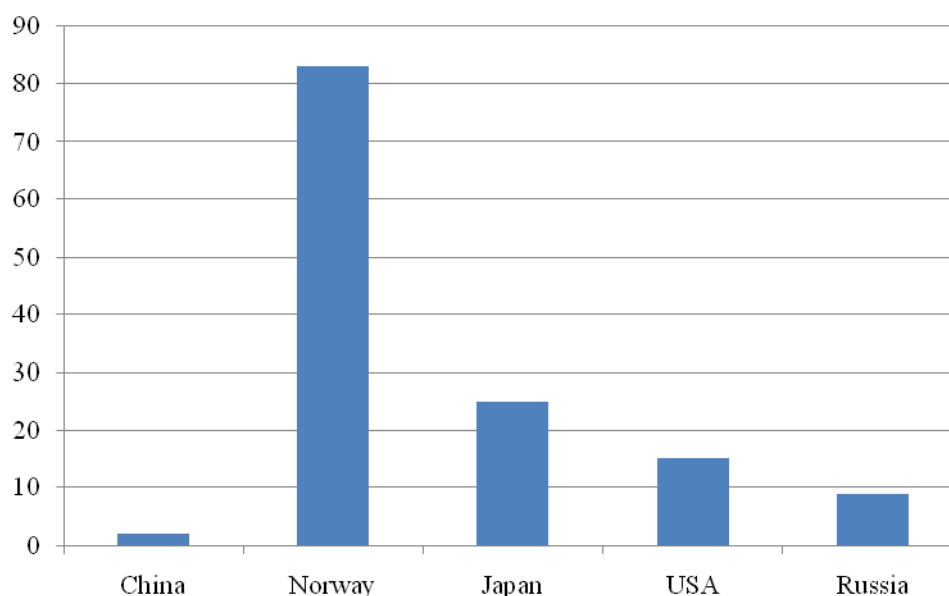
Both rural and urban workers are obliged to supplement the state pension with contributions to individual accounts. By one estimate about 400 billion USD has been paid into these accounts. But little of that money has stayed in them. Unlike individual accounts in nearby Hong Kong or Singapore, China's Pension fund is not carefully segregated and invested in financial portfolios, held in the contributor's name. Local governments use the money for other things, such as paying the bills, speculating in property, or paying the pensions of today's retired—especially those shed by state-owned enterprises during the downsizings of the 1990s.

The problem financing pensions is a growing concern of the Chinese government. The pension burden will increase as the country ages. By 2035 almost 30% of Chinese will be 60 or over (compared with about 14.9% today). The country cannot afford to put so many people out to pasture.

The most probable solution is the rise of the official retirement age. Over the next decade it should be raised from 60, for men, and as early as 50 for blue-collar women, to 65 for everybody.

Accumulated pension fund shortage is estimated 300 billion USD, 14 provinces have a pension gap. On the other hand, the pension fund/GDP ratio is also among the lowest in the world [5].

The central government should take charge of the pension system. It could fill the empty accounts, glue the fragmented system together and ideally make pensions much more portable.

Pic. 4. pension fund/GDP ratio

Source: China's Pension Report 2012 [5]

In terms of structure, the long-term goal should be to give individuals greater control over their own accounts, choosing their investments as they do in Hong Kong (with appropriate safety nets and so on).

The problem here is that China still lacks the mature and open financial systems of Hong Kong and Singapore: its helter-skelter stock market is hardly ideal for retirement savings at the moment. So change will have to be gradual.

The problems are aggravated by the fiscal crisis of the social security fund caused by the following reasons: difficulty of premium collection, undeveloped legal system, poor business condition of companies, deficiency in social security administration, inefficient premium collection method.

The optimal solution seems to be the transfer of SOEs profits into pension fund. The former social security system became a major obstacle to the ongoing reform of state-owned enterprises. Thus there was no choice but to reform the old system and establish a new one. In pursuing the reform of state-owned enterprises following the reforms and market opening of 1978, state-owned enterprises sought to improve efficiency by restructuring and reducing excess employment. For the successful reform of state-owned enterprises and maintenance of social stability, it was necessary to alleviate the anxieties of unemployed and laid-off persons by promoting re-employment and at the same time laying out the social security safety net of unemployment insurance, medical insurance, and pension insurance. There is another option also. Government could hand over some of its foreign assets to the National Social Security Fund. That would fill the accounts and diversify household portfolios, without asking too much of China's own immature financial markets. Turn the empty accounts into «notional» accounts, as pioneered by Sweden. Under this system, individual contributions determine benefits, according to a transparent formula that reflects the retiree's life expectancy and the economy's ability to pay. The benefits are still paid out from a mix of current taxes and a central pension fund.

But as the financial system matures, the social security system should steadily shed its Chinese characteristics in favor of capitalist ones, as in the Hong Kong model.

ЛИТЕРАТУРА

1. GDP growth (annual %) [Electronic resource]. – Access mode : <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>
2. National Bureau of Statistics of China [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.stats.gov.cn/english/>
3. European Central Bank [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.ecb.europa.eu/>
4. China's sixth national population census, 2010 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.stats.gov.cn/english/>
5. China Pension Development Report: 2012 / Zheng BingWen – Economic Management

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА КАК ИСТОЧНИК СТРЕМЛЕНИЯ США К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

(ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Горгола Евгений Викторович

доктор экономических наук, профессор. НОУ ВПО «Московского областного института управления и права», кафедра «Кафедра экономики, бухучета и финансов», член-корреспондент РАЕН
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: evg-gorgola@ya.ru

Аннотация. В данной статье на основе методологии и методического аппарата современного институционализма исследуются сущность, основные черты и особенности общества постмодерна, формирующегося в США; раскрываются источники их столь значительного технологического и социально-экономического опережения других стран; анализируются движущие силы и механизм формирования корпорократического государства, генерирующего агрессивную глобалистскую экономическую и политическую стратегию США, а также последствия ее реализации.

Ключевые слова: США; стратегия; политика; институционализм; государство; управление; методы

Код УДК: 330.34

Annotation. On the basis of modern institutionalism methodology this article examines the nature, the main features and characteristics of postmodern society emerging in the United States; it reveals the sources of such significant technological and socio-economic advance compared to other countries; it analyses driving forces and mechanism of forming of corpocratic state which generates aggressive globalistic economic and political strategy of the United States, as well as the consequences of its implementation.

Keywords: USA; strategy; politics; institutionalism; state; governance; methods

Развитие Российской Федерации в современных условиях настоятельно требует не только уточнения всей конфигурации рисков и угроз экономического, военно-экономического и военно-политического характера, но также подробного анализа механизмов их возникновения. Поскольку основные из них являются следствием осуществления агрессивных, глобалистских стратегий ведущими, наиболее развитыми странами Запада, считаем необходимым выявить глубинные причины и мотивы появления этих стратегий, движущие силы их реализации, а также истинные цели.

Методологической базой такого анализа наиболее целесообразно использовать концепции институционализма, позволяющего исследовать современные экономические и социальные процессы, выяснить тенденции и закономерности развития общества постмодерна в США,

генерирующего основные глобальные угрозы современности. Кроме того, что он успешно применяет самый широкий спектр знаний гуманитарных и естественных наук в исследовании общественных и экономических явлений, неинституционализм во многих случаях гораздо ближе к реальности, чем неоклассическая теория. И хотя представители «старой» институциональной теории (Т.Б. Веблен, Дж.Р. Коммонс, У.К. Митчел, Дж.К. Гэлбрейт и др.) отрицательно относились к попыткам ее использования для анализа экономической политики, инструментарий и идеи «новой» школы (Р.Г. Коуз, Д.С. Норт, О.И. Уильямсон, Р. Познер, Дж. Бьюкенен и др.), с учетом опыта применения институционального анализа российскими экономистами (В. Автономов, А. Аузан, В. Радаев, В. Полтерович, В. Тамбовцев, В. Крюков, О. Сухарев, Ю.Веселов и др.), на наш взгляд, наиболее адекватны для исследования именно постмодернистской (государственно-монополистической?) стадии развития капитализма в США.

К исходным, базовым положениям институционального анализа, которые, как мы считаем, необходимы для нашего исследования, относятся следующие.

1. Институты (традиции, нормы, правила), как и институты (учреждения, организации, ассоциации), являются производными предыдущих институтов, которые при этом не умирают, преобразуются и приспосабливаются к новой стадии социальной жизни общества, продолжая оказывать существенное влияние на жизнь следующих поколений, иными словами, в институциональном анализе следует учитывать кумулятивный эффект в развитии институтов (значение проблемы институциональной регрессии).

2. Эффект регрессии в институциональном анализе характеризует реальные связи институтов и решения агентов, которые реализуются посредством осуществления властных полномочий. Поэтому ключевыми в институциональном анализе являются проблемы распределения власти, доходов и ресурсов. Именно это в результате и формирует основное направление социально-экономического развития, качество которого зависит от того, как и чем разрешаются регрессивные эффекты.

3. Классическая экономическая теория предлагает множество моделей экономического роста, основанных на анализе количественных экономических параметров, исходя из поведения стандартной производственной функции, при этом в нем отсутствуют важнейшие формальные и неформальные нормы, правила, без которых объяснить все разнообразие социальных отношений, правила производственной деятельности, деловой конкуренции невозможно, иными словами, производственная функция должна обязательно включать, учитывать явные и неявные транзакционные и трансформационные издержки (о необходимости качественного анализа указывали Г. Мюрдаль, Т. Шульц, А. Сен).

4. Абсолютное господство институциональных идей в США после первой мировой войны, достаточно сильное их влияние после второй мировой войны сменяется противостоянием с либеральной идеологией в середине прошлого века, хотя представители институционализма никогда не были против свободы предпринимательства, но они всегда пытались объективно охарактеризовать роль государства, дать оценку этому институту, понять его природу, определить его границы.

5. Допущение новой институциональной теорией наряду с поведением экономических агентов ограниченной рациональности, обусловленной доступностью информации, таких типов поведения, как органическая рациональность и оппортунистическое поведение, как крайняя форма ориентации на собственные интересы. По словам О. Уильямсона: «Следовавшие своим интересам, в т.ч., обманым путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post* [1].

6. В новом институциональном анализе институты – это правила игры, а организации – это не сложные институциональные системы, а игроки, вовлеченные в определенный процесс с заданными ограничениями, поэтому конкурентоспособность организации всегда связана с инвестированием в те знания, которые обеспечивают успех в будущем, т.е. в приближение к новому технологическому укладу, а в условиях интенсификации технико-экономического развития, обоснованного еще Й. Шумпетером, все большее автономное значение и влияние приобретают политические структуры и правовая инфраструктура. Таким образом, главным источником институциональных изменений является политико-правовая система, позволяющая проводить преднамеренные трансформации, которые рассматриваются институционалистами (Д. Норт) как «результат спроса предпринимателей в контексте воспринимаемых издержек перестройки институциональной структуры, приносящей неодинаковую отдачу» [2], однако различные экономические и политические организации стремятся также сохранить свои позиции в институциональной матрице и также стараются внести свой вклад в институциональные изменения. Поэтому неэффективная экономическая политика способна подорвать текущую институциональную структуру, сузить потенциальные возможности изменений, если не будут учитываться историко-культурные и социально-экономические тренды развития государства. При этом правительственное управление институциональными изменениями возможно только посредством воздействия на формальные нормы, т.к. они изменяются гораздо быстрее, нежели неформальные правила экономической жизни. Отсюда – эффективность политического рынка будет измеряться не экономией на трансакционных издержках, а степенью соответствия политических программ задаче обеспечения максимальных доходов главных экономических агентов, участников обмена и избирательного процесса. Иными словами, требуется достичь такого уровня издержек, который позволил бы поддерживать и наращивать с определенными темпами уровень общественного благосостояния, но главным образом, и, в первую очередь, доходы основных субъектов рынка.

В современной англоязычной научной литературе уже достаточно давно используется категория «political economy of post-modern» [3], несмотря на то, что теория общества постмодерна фактически еще находится в стадии разработки. И все же, соглашаясь в целом с идеями К.Поланьи о наступлении некоей новой стадии развития общества [4] (термины «общество третьей волны», «технотронное общество», «новое индустриальное общество» «информационное общество» фактически не прижились), при которой определенного (высочайшего) уровня достигает производительность труда, а, соответственно, и уровень благосостояния большинства населения, происходит кардинальное изменение соотношения экономического и социального начал в самой структуре общества, трансформируется общественное сознание под воздействием потоков информационных ресурсов, а вслед за этим меняются морально-нравственные основы, мы попытаемся применить институциональный инструментарий для политэкономического анализа складывающейся в США экономической и политической системы, выяснить источники и движущие силы воинствующего глобализма в этой, действительно, великой стране.

Какие же изменения должны происходить в экономике в период перехода общества к постмодернистской стадии?

Во-первых, изменяется роль, значение и место экономики, как для индивида, так и для общества в целом: на протяжении практически всей истории человечества все силы общества были отданы выживанию, теперь же эффективность экономики такова, что общество прилагает все меньше усилий для получения все большего количества благ и услуг.

Во-вторых, на стадии развития общества, позволяющей удовлетворять потребности большинства населения, изменяются условия функционирования экономики и принципы ее построения: основополагающий принцип эквивалентности в традиционной экономике уступает место инновационному соотношению затрат и результатов – чем меньше затраты, тем выше результат.

В-третьих, экономика развитых стран по своей внутренней структуре уже не может быть индустриальной – возрастает количество занятых в сфере услуг, а также в области образования, науки, культуры, маркетинга, туризма и т.д.. В развитых странах рабочая неделя имеет тенденцию к сокращению до четырех дней и теперь рабочий класс борется не за сокращение, а за его увеличение. Это означает, что все меньшее количество производительного живого труда требуется для обеспечения существования все большей части населения, не связанной с экономикой.

В-четвертых, коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производящего превращается в потребительское. При этом первоочередные потребности населения – в питании, жилье, медицинском обслуживании, в труде, – удовлетворяются достаточно полно, зато все большее значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными, кстати, при этом сами потребности формируются и регулируются обществом с помощью рекламы, СМИ и других средств воздействия на массовое сознание.

В-пятых, если ранее производительное общество требовало расширенного воспроизводства, высоких темпов развития, высокого уровня инвестиций, то в обществе постмодерна темпы экономического роста становятся более умеренными, все большая часть прибыли не реинвестируется, а направляется в заработную плату, в налоги, а, соответственно, в развитие социальной сферы, социальной помощи и социальной защиты. В производительном обществе труд, затраты труда, стоимость, прибавочная стоимость, прибыль являются основными категориями, в обществе потребления эти категории уступают место категориям полезности, потребительной стоимости, управлению потребительским поведением. Становится очевидным, что затраты на, собственно, производство не являются теперь основными – гораздо больше тратится на НИОКР, рекламу и продвижение товара на рынке. Поэтому во многих случаях объектом покупки выступает не столько товар, сколько соответствующий брэнд. Нестоимостные категории начинают играть все большую роль в оценке эффективности производства: например, теперь уже ни одно предприятие не может не учитывать потребительских предпочтений, требований социальной или экологической эффективности.

К середине XX века стало ясно даже либералам, что свободный рынок в принципе не способен быть основой саморегулирующейся системы. Только государство способно целенаправленно регулировать макроэкономические процессы, обеспечивая равновесие и движение экономики вперед. Более того, государство к концу XX века само превращается в крупнейшего, самодавляющего агента экономических отношений. А в самое последнее время мы видим, что не только национальные государства активно воздействуют на экономическое развитие: активно функционируют наднациональные союзы – такие, как НАТО, Европейский союз, способные обеспечивать дальнейшее подчинение экономики одних стран экономическим и политическим целям других, в т.ч. для достижения экономических и военно-политических целей.

Кроме того, в экономике наиболее развитых стран проявляются весьма важные тенденции: например, все большую самостоятельность и независимость от рыночных механизмов регулирования приобретают ключевые факторы производства – труд и капитал. Образуя крупные корпорации, международные бизнес-сообщества, бизнес приобретает все больше возможностей для проведения собственной экономической политики. Труд, создавая свои монопольные объединения – профсоюзы фактически выводит товар – рабочую силу с нерегулируемого, конкурентного рынка, т.е. заработная плата становится независимой от рыночного цикла. Это явление Дж.М. Кейнс называл «негибкостью» заработной платы [5]. Таким образом, и труд, и капитал практически становятся неподвластны объективным рыночным законам, все больше подчиняясь политическим силам общества.

Раскрыв основные особенности и наиболее общие черты общества постмодерна, которое складывается и развивается пока что только в одной стране мира – в США, попытаемся

проанализировать экономические и политические механизмы данной общественной системы. При этом мы должны правильно понимать, что сложившийся гандикап США по отношению к остальному миру – это далеко не признак исключительности данной нации (о чем без устали твердит американский президент), а результат весьма хитроумной политики североамериканских штатов в годы первой и второй мировых войн, которые, как свидетельствует история, были развязаны не без коммерческого интереса американских компаний и в которых фактически единственным экономическим победителем оказались США, не только не допустив ведения боевых действий на своей материковой территории, но и финансируя до последнего дня войны обе противоборствующие стороны. Поэтому, конечно, большинство стран мира не только не приблизились к состоянию постмодерна, но находятся еще в стадии традиционного общества или на этапе перехода от традиционного к обществу модерна (80% населения планеты проживает в развивающихся странах).

1. Институционный анализ достаточно убедительно объясняет, что результатом сознательного сохранения руководством США всего аппарата идеологического противоборства времен «холодной войны» стало нарастание не только количества этих институтов (в соответствии с кумулятивным эффектом), но и масштабов их работы, переросшей в ведение полномасштабной информационной войны уже против правопреемника СССР – Российской Федерации, наращивание антироссийской истерии и пропаганды как в американском обществе, так и в во всем мире. И дело здесь не только в «живучести» сложившихся стереотипов и институтов, а, главным образом, в обострении проблем ресурсообеспечения (хотя некоторые исследователи упорно отстаивают позицию отрицающую само наличие проблемы редкости ресурсов в условиях экономики постмодерна) и конкурентности экономики страны на мировом рынке (значительно пошатнувшийся экономический и финансовый авторитет США в результате последних кризисов тому подтверждение). Кроме того, сформировавшийся после распада СССР стереотип единственной сверхдержавы не дает возможности руководству США объективно оценивать происшедшие изменения в мире и в еще совсем недавно таких слабых бывших социалистических странах. Многополярность, идущая на смену однополярному мироустройству, воспринимается как «угроза демократии» во всем мире, хотя на самом деле сами США уже давно стали мировым тираном (Сербия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина – это неполный перечень прямого вмешательства США в дела суверенных государств в своих интересах за последние 15 лет).

Например, свои идеи о необходимости реализации концепции гегемонии США представители Республиканской партии обосновывают тем, что в мире отсутствуют государства, сопоставимые по военной мощи с США. И в этих условиях необходимо приложить максимальные усилия не только на укрепление, но и на увеличение разрыва в военном потенциале с другими странами. А укрепив позиции НАТО в регионах, где США не имеют стратегических интересов, можно снизить экономические и военные расходы. Американский политолог и специалист по истории международных отношений Эндрю Дж. Бацевич в своей статье «Новый Рим, Новый Иерусалим» отмечает особенности американской империи в отличие от традиционных исторических империй. В частности, осуществление имперской власти заключается не в непосредственном воздействии на «сателлитов», а в развитии «промежуточных институтов», т.е. международных и региональных организаций, в деятельности которых США играют определяющую роль. Таким образом, в политическом истеблишменте формируется «неоимперское» видение места и роли США на мировой арене, предоставляющее Америке возможность глобального распространения своего «либерально-демократического опыта посредством морального убеждения и политической кооптации... или посредством насилия, если это необходимо» [19].

2. С точки зрения институциональной регрессии экономическая эффективность идентифицируется на практике с коммерческим успехом, т.е. с победой в конкурентной борьбе, а значит, крупнейшие корпорации – лидеры экономики, независимо от того, какими способами и

методами они этого добились (например, Дж. Рокфеллер вплоть до апреля 1945 года зарабатывал на поставках топлива фашистам, а Г. Форд-старший – на поставках в Германию автомобильной техники, оба, безусловно, «иконы» бизнеса в США, а знаменитый авантюрист, спекулянт и мошенник Дж. Сорос – почитается как великий финансист и выдающийся эксперт)-образец эффективности, что совершенно резонно предполагает распределение и перераспределение национального богатства, а, соответственно, и власти в стране в их пользу. Таким образом, государство постмодерна выступает фактически самостоятельным экономическим агентом, специальным институтом, отстаивающим интересы бизнес-верхушки общества как внутри страны, так и за рубежом, а пресловутая «американская демократия» давно переродилась в особую форму «диктатуры доллара».

3. По мнению современных представителей институционализма, в т.ч. отечественных (например, социологов О. Сухарева, Ю. Веселова, М. Пискунова), устойчивость развития социальной системы непосредственно связана с устойчивостью институтов к мутациям. Соответственно, устойчивая система должна иметь некие стабилизаторы, предотвращающие угрозу неэффективного развития. И здесь сразу возникает проблема определения критериев эффективного развития.

Однако в обществе, где критерием общественного успеха выступает конкурентоспособность любой ценой, шкала морально-нравственных ценностей резко смещается в сторону не только от христианских заповедей и гуманистических идеалов, но порой и от здравого смысла. Прикрывается это все усиленной пропагандой такой универсальной и удобной идеи как толерантность, которая объявляется чуть ли не сердцевинной современного понимания демократии. Отсюда навязываемые всему миру жестокие бизнес-идеалы, а также, по сути, чуждые христианству идеи (например, легализация однополых браков, поощрение тоталитарных сект, поддержка террористических организаций, выступающих за насильственное свержение законных органов власти и режимов, неугодных Вашингтону) и, конечно же, объявление антидемократичными тираниями стран, нежелающих признавать эту идеологию.

Поэтому для сегодняшних американских республиканцев, отвоевавших парламентское большинство, низкая эффективность политики действующего президента США ассоциируется, в первую очередь, с недостаточно жесткой позицией по отношению к России, отказом от оказания прямой военной помощи украинскому руководству в борьбе с собственным народом за осуществление конкретных коммерческих целей американского бизнеса – разрушение российско-западноевропейского сотрудничества, ослабление и экономическое подчинение ЕС, устранение на европейском рынке главного конкурента – РФ, нанесение максимального экономического ущерба ее экономике, а также решение важнейшей макроэкономической проблемы – гигантского государственного долга с помощью поддержания гражданской войны в Украине, максимально длительных поставок вооружения и боевой техники, втягивания в конфликт европейских стран-членов НАТО при минимальном непосредственном участии ВС США.

В то же время недостаточная макроэкономическая и социальная результативность политики администрации Б. Обамы, по сути, не является главным критерием ее оценки.

4. Выше уже было отмечено, что государство постмодерна как специфический институт, представляет собой вотчину крупных и крупнейших корпораций, действующую в их интересах как самостоятельный агент экономических отношений, участвующий в игре наряду с другими субъектами, но обладающий, безусловно, подавляющим влиянием. По определению Э.С. Райнерта, форма государственного устройства, при котором высшая власть принадлежит корпорациям и осуществляется непосредственно ими либо выборными и назначенными представителями, действующими от их имени, называется корпоратией (или корпорократией) [6]. В книге «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинс пишет: «Корпоратия – это люди, мужчины и женщины,

которым принадлежат крупнейшие корпорации. Они контролируют правительство США через институты и большую часть правительств мира. Они контролируют напрямую СМИ, владея ими. Этими людьми движет единственная идея – извлечение максимальной прибыли» [7].

В начале 70-х годов влиятельнейшей финансово-энергетической группой американской элиты – кланом Рокфеллеров была организована знаменитая в свое время Трехсторонняя комиссия. Главной целью комиссии была координация усилий американской, европейской и японской элит в деле построения нового мирового порядка и противодействия СССР. В своих мемуарах Дэвид Рокфеллер писал: «Некоторые даже верят в то, что мы (семья Рокфеллеров) являемся частью секретной политической группы, работающей против жизненных интересов Соединённых Штатов, и характеризуют мою семью и меня как «интернационалистов», вступивших в сговор с другими группами по всему миру для построения более интегрированной глобальной политической и экономической структуры – единого мира, если угодно. Если обвинение заключается в этом, то я признаю себя виновным, и я этим горжусь» [8]. Собственно Трехсторонняя комиссия и стала одним из инструментов формирования тех наднациональных элитных сетей, которые вместе с государствами являются основными акторами сегодняшней мировой политики и экономики.

Симбиоз американских корпораций, национальных правительств и международных банков приводит к тому, что на международной арене появляется некий сверхмощный агрегированный экономический агент, конкуренция с которым оказывается просто невозможной. В этом случае все естественные законы формирования спроса, предложения и цены подавляются и все запланированные корпорократией потоки ресурсов, капитала, труда и информации становятся безальтернативными. Безусловно, такое систематическое навязывание мировой экономике заранее заданного алгоритма действий рано или поздно должно привести к снижению эффективности всей мировой экономики. Можно добавить, что корпорократия представляет собой способ консервации сложившейся иерархической структуры мировой экономики. Отсутствие позитивных перестановок в мировой иерархии опять-таки рано или поздно приведет к снижению эффективности мировой хозяйственной системы.

В апреле 2015 г. в Нью-Йорке начался 9-й раунд переговоров между представителями США и Евросоюза по вопросу о заключении Трансатлантического договора о торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). Официальные лица по обе стороны Атлантики в качестве главного аргумента в пользу договора называют цифру в 100 млрд. долл. Якобы на такую сумму увеличится совокупный ВВП США и 28 стран-членов ЕС. Прежде всего, образуется огромная зона свободной торговли для населения в 800 млн. чел., что составляет почти 50% всего мирового ВВП и международной торговли. Все пошлины для стран ЕС и США исчезнут, а для внешнего рынка, вроде России и Китая, резко поднимутся. При этом будут уравнены в правах государства и корпорации. Произойдет унификация всего, в том числе промышленных стандартов, подтверждения квалификации и норм законодательства. Новое «супер-государство» будет жестче координировать законодательства стран-членов ЕС. То есть, иммиграционные лазейки на национальных уровнях исчезнут.

При этом, если посмотреть на этот процесс в глобальном масштабе, то станет очевидно, что США одновременно приближаются к заключению договора о свободной торговле и с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Проект Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) охватывает 12 стран региона – без Китая. ТТП призвано стать альтернативой АСЕАН и АТЭС, которые США считают недостаточно эффективными. Оно должно обеспечить контроль США над тихоокеанской зоной в противовес Китаю. Договор с Европой будет своеобразной основой этой системы. После заключения этих двух мега-соглашений США возьмут в клещи главного конкурента и геополитического соперника-Китай.

На сегодняшний день имеются серьезные опасения, что эти проекты ТТИП и ТТП будут реализованы, несмотря на все возражения. Таким образом, США делают ставку на сколачивание

собственного мега-блока, в котором и европейцы, и азиаты будут играть подчиненную роль. Это нанесет серьезный удар по концепции многополярного мира[20].

Здесь уместно вспомнить соответствующие работы В.И. Ленина о стремлении государственно-монополистического капитализма к гегемонии. Надо сказать, что сейчас его идеи кажутся весьма актуальными, а сам В.И. Ленин – действительно, выдающимся дальновидным политиком и экономистом. Сегодняшняя корпорократия – это по сути дела очередной виток в развитии империалистического капитализма на его государственно-монополистической стадии [9].

5. Еще одной важной стороной деятельности глобальной институционализации является связь «институт – культура». Дело в том, что одним из результатов деятельности корпорократии является разрушение традиционных культур развивающихся стран: уничтожение коренных племен Эквадора; превращение Саудовской Аравии в прозападное государство; попытка создать оазисы в пустыне Ирана; «запуск» гражданской войны в Ираке; нарушение традиционных устоев жизни в Афганистане с последующей «наркотизацией» страны и т.п.

Американское военное присутствие наблюдается в 123 странах. Народы этих государств все чаще заявляют протест против американского влияния на их жизнь и суверенитет.

6. Будучи самостоятельным агентом экономических отношений, корпорокративное государство постмодерна, преследуя собственные интересы, избирает явно оппортунистическое поведение, основанное на достижении своих целей любой ценой, не считаясь ни с общепринятой моралью, ни с нравственными идеалами гуманизма.

Между национальными интересами государства США и интересами наднациональных элит имеются серьезные различия. В американском политическом истеблишменте интересы большого бизнеса, стремящегося к глобальному господству, наиболее полно представлены так называемым кланом Клинтонитов. Он, помимо собственно семьи Клинтонов, включает в себя обширную и разветвленную группу политиков, администраторов, военных, финансистов и т.п., чье выдвижение опять же прямо или косвенно связано все с той же Трехсторонней комиссией.

В ее недрах была разработана концепция «мягкой силы», впервые представленная в 1990 году в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» («Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»). Автор Дж. Най (один из представителей вышеупомянутого клана) разделяет мощь государства на две составляющих: так называемую «жесткую силу» (hard power) и «мягкую силу» (soft power). Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» в основном характеризуется культурой, ценностями и политической идеологией. В книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», вышедшей в свет в 2004 году, понимание «мягкой силы» раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчеркивает: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны» [10]. На постах директора национальной разведки и заместителя министра обороны Дж.Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако, по оценке подавляющего большинства политиков, практиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Главные аргументы критиков сводились к следующим. Методы «мягкой силы» включают в себя в первую очередь культурную политику, активные мероприятия по продвижению ценностей и

идеалов «свободного мира», т.е. буржуазной идеологии постмодерна. Однако, как показала вся предыдущая история и подтвердили годы, когда Дж. Най пытался на практике реализовать свою концепцию, применяя «мягкую силу», никогда нельзя планировать временные рамки достижения результата, а также практически затруднен объективный анализ – произошли ли перемены в результате осуществления политики «мягкой силы», либо под воздействием других факторов.

Тем не менее Дж. Най сделал чрезвычайно важный и принципиальный вывод о «мягкой силе». Он определил ее как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Поэтому: 1) управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии. Х. Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно» [11]. Т.е. впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки; 2) «умная власть» и «мягкая сила» предусматривают использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении Америки и ее союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга; 3) на смену пирамиде с жесткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». С учетом отмеченных выше обстоятельств провозглашенная Х. Клинтон стратегия являлась принципиально новой, поскольку фактически представляла собой механизм использования не только ресурсов США и других стран, но также местной «пятой колонны» в интересах наднациональной элиты.

Механизмом претворения в жизнь политики «мягкой», а затем ее разновидности «умной» силы стала концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации идей Дж. Най. В одной из своих работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека» [10].

С. Манн считал, что при помощи подобного программирования можно либо «отложить создание критического состояния, либо поощрить его, и направить развитие системы в нужное русло». При этом, «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор» [12]. Следует заметить, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а являлся специалистом по английской классической литературе, который затем перешел на дипломатическую работу и был близким к Пентагону. Впервые его прикладная концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США, под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль».

В своих статьях, посвященных прикладным аспектам теории хаоса, он обосновывал новую пентагоновскую стратегию, связанную с крахом Советского Союза. Эта стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена еще Президентом Джорджем Бушем-старшим. Стратегия предусматривала, что «первая и главная цель стратегии состоит в том, чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий, которые должны обеспечить условия, предотвращающие доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых Азии» [13].

В последнее время эффективным методом реализации стратегии «мягкой силы» стали концепции достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной «цветных» революций, базировавшиеся, в первую очередь, на комплексе работ Джина Шарпа. Фактически Джин Шарп поставил перед собой задачу обобщить, классифицировать, и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в современной истории методы ненасильственных действий по смене действующих режимов. В своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part 1)» («Власть и борьба (Политика ненасильственных действий, часть I)», изданной еще в 1973 году, он классифицировал 198 методов ненасильственного протеста и убеждения [14]. Хорошо известны примеры «цветных» революций и роль западных внешнеполитических и разведывательных ведомств в их подготовке и практическом осуществлении. Однако, в настоящее время революционное конструирование Джина Шарпа стало предметом критического переосмысления. Летом 2013 года в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «цветным» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафта (США) совместно с ведущим центром по разработке методов сопротивления власти – Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC) в полузакрытом режиме проводилась большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра», на которой обсуждался доклад М. Стефан и Э. Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». Доклад представляет собой изложение результатов статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 гг. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55% зафиксированных случаев, в то время, как военное противостояние власти имело успех только в 28%. Отсюда был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью». Однако наряду с этим логичным выводом, на конференции выяснилось, что в течение последних 15 лет наибольшую эффективность показали комплексные стратегии, которые имели успех почти в 70% случаев. К таким стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, сопровождавшиеся либо угрозой силового противостояния с властью, либо точечными конкретными вооруженными акциями. Как результат – решение о необходимости разработки теории, а главное детального практического инструментария для организации гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти. Примером практической отработки подобного инструментария и технологий стали украинские события весны 2014 года. Кроме того, на конференции было рекомендовано повысить эффективность гражданских ненасильственных кампаний за счет широкого использования новых информационных технологий, обеспечивающих улучшение координации, информирования и обеспечения совместных действий «гражданского сопротивления».

Безусловно, заслуживает внимания и еще одна американская разработка – стратегия, которая

предполагает использование жесткого сценария, впервые предложенная одним из разработчиков теории сетцентричных войн Дж. Уордоном и получившая название *Effects-bases operations* (операции, основанные на эффектах или «на базе эффектов» – ОБЭ). Суть ее заключается в том, что осуществление агрессии в отношении какого-либо государства производится не извне, то есть не против вооруженных сил, не напрямую «лобовым образом». Более эффективной становится так называемая концепция ведения войны «изнутри наружу». При этом ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» [15]. Иными словами, ОБЭ – это такое качественное влияние на среду, при котором участникам ничего не навязывается прямым образом, но при этом они делают то, что хотят сетевики, выстраивающие эту модель управления.

В понимании сегодняшних претендентов на глобальное лидерство ОБЭ – это план прямого планетарного контроля, глобального господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе, что видно из определения ОБЭ. Задачей такой «операции» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, т.е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет ОБЭ, т.е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток заведомо – ещё до того, как следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до её начала. Цель сетевых войн – абсолютный контроль надо всеми участниками исторического процесса. И здесь необязательна прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Армейские действия и собственно военные затраты излишни. Сеть – более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов – информационных, экономических, социальных, когнитивных и т.д. При этом военная сила, если и применяется, то лишь строго дозированно, или как фактор демонстрации и устрашения [16].

Кроме того сеть представляет собой новое пространство: информационное пространство, в котором и разворачиваются основные стратегические операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. Сеть в таком широком понимании включает в себя различные составляющие, которые ранее рассматривались строго отдельно. Боевые единицы, системы связи, информационное обеспечение операций, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, экономическая политика, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, военно-экономическое и военно-техническое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. – всё это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой институциональной «сети», подчиненной интересам агрессора [17].

Таким образом, американские элиты и наднациональные глобалистские сети совершенно серьезно заняты разработкой принципиально новых действенных институциональных инструментов эффективного и, по возможности, экономичного решения проблем устранения геополитических противников и достижения полного глобального господства в мире.

7. Главная цель, ради которой государственная машина США реализует глобальную стратегию, провоцируя нестабильность в мире, – это сохранение мирового доминирования в условиях геополитических структурных изменений, обусловленных сменой технологических укладов, снижением их экономического влияния в мире. Исследования показывают, что в периоды глобальных технологических сдвигов наиболее развитым странам трудно сохранить лидерство, так как на волне роста нового технологического уклада вперёд могут вырваться развивающиеся

страны, преуспевшие в подготовке предпосылок его становления. В отличие от передовых стран, сталкивающихся с кризисом перенакопления капитала в устаревших производствах, у них есть возможность избежать массового обесценивания капитала и сконцентрировать его на прорывных направлениях роста. Отсюда необходимость жесткого экономического, в первую очередь, финансового контроля за региональным развитием, своевременной реакции на угрозы позициям США, объявивших себя исключительной нацией, выполняющей исключительную роль в мире.

Доминирование США в мировой политике с начала 1990-х гг., по мнению многих американских политологов, не вызывает никаких сомнений, в связи с чем стали создаваться различные концепции мирового лидерства Америки. Дискуссии среди политической и академической элиты США ведутся о характере и перспективах американского глобального лидерства и укрепления однополярной структуры мирового порядка. Можно выделить три направления:

1) концепция мировой («жесткой») гегемонии, в основе которой лидерство США в политической, военной и экономической сферах, – автор З. Бжезинский. Эта концепция нашла отражение в идеях представителей неоконсервативного направления американской политической мысли и Республиканской партии США. Странниками гегемонии являются Г. Киссинджер, Р. Кейган, Ч. Краутхаммер, У. Одом, Дж. Муравчик, Х. Сигерман, И. Кристол и др., а также ученые из консервативных научных центров, в том числе Фонда наследия, Института предпринимательства, Фонда Карнеги;

2) концепция «рыхлой» гегемонии (консервативно-либеральный подход), которая хоть и основана на преобладании лидерства США, но допускает элемент коллективизма. Странниками «рыхлой» гегемонии являются Ч. Купчан, Д. Эшбайр, Ф. Ларраби, Р. Блэквел, М. Линд, Р. Асмус и др. [19].

Концепция «встроенности» (теория реалистичного либерализма) США в многополюсный мир, сторонниками которой являются С. Хантингтон, Ч. Лейн, Ч. Мейнс, в политическом истеблишменте не пользуется широкой популярностью.

Поэтому до 2016 года США должны реализовать упомянутые выше глобалистские задачи создания трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и транстихоокеанского торгового партнерства. Вместе с отсутствием каких-либо формальных или экономических барьеров, формирование этих партнерств должно образовать своего рода огромную единую технологическую, производственную, финансово-экономическую и, в значительной степени, политическую зону. Для реализации именно этой задачи, в которой максимально заинтересованы все крупнейшие корпорации, доктрина «умной силы» с акцентом на коллективные действия, использование активистских групп и наличие единой неолиберальной идеологии, подходит как никакая другая. При этом на все другие международные события последнего периода, включая события на Ближнем Востоке, на Украине, в Южной Азии и т.п., верхушка мировой наднациональной элиты смотрит именно с позиции их использования для снятия препятствий и ускорения процессов подписания соответствующих соглашений, которые намечены на 2015 год. А значит американское внешнеполитическое ведомство реализует не столько национальные интересы, сколько обслуживает глобалистскую иерархо-сетевую структуру, в основе которой находится кластер крупнейших финансовых институтов и транснациональных корпораций.

Однако, на пути атлантического партнерства встали (неожиданно для США) неэффективные санкции против РФ, которые должны были одновременно решить две задачи: отвернуть Европу от России и занять место главного экономического партнера, усилив зависимость европейцев от американского капитала; вторая задача – ослабить и тех, и других, обеспечив себе заведомое конкурентное преимущество и региональное господство. На саммите АТЭС в Пекине на пути

американского плана возник китайский вариант тихоокеанского партнерства, который в итоге и нашел поддержку. Иными словами, с помощью «мягкой силы» США пока так и не смогли достичь своих глобальных целей.

Резонно предположить, что завоевание и удержание лидерства передовыми странами вынуждает их прибегать к силовым приёмам во внешней и внешне-экономической политике, что неминуемо способствует резкому обострению военно-политической напряжённости, рисков международных конфликтов. Таков трагический опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики: Великая депрессия 30-х годов, обусловленная достижением пределов роста доминировавшего в начале века технологического уклада, была преодолена во многом за счет милитаризации экономики, которая вылилась в катастрофу Второй мировой войны, а последняя не только стимулировала структурную перестройку экономики с широким использованием двигателя внутреннего сгорания и органической химии, но и повлекла кардинальное изменение всего мироустройства (разрушение тогдашнего ядра мировой экономической системы – европейских колониальных империй) и формирование двух противоборствующих геополитических социально-экономических систем.

Послевоенное мировое лидерство американского капитализма в выходе на новую длинную волну экономического роста было обеспечено не только чрезвычайным ростом оборонных заказов на освоение новых технологий и притоком мировых капиталов в США при разрушении производственного потенциала и обесценении капитала основных конкурентов, но и созданной передовой научно-технической и промышленной базой – результатом экономической победы во второй мировой войне. Депрессия середины 70-х – начала 80-х годов инициировала гонку вооружений в ракетно-космической сфере с широким использованием информационных технологий, составивших ядро нового технологического уклада. Инспирированный вслед за этим коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад, позволил ведущим капиталистическим странам воспользоваться ресурсами бывших социалистических стран для выгодного использования новой длинной волны экономического роста. Бегство капитала и утечка умов из бывших социалистических стран, колонизация их экономик облегчили структурную перестройку экономики стран ядра мировой капиталистической системы, до этого стимулировавших становление нового технологического уклада путем переноса гонки вооружений в космос.

Эта же волна роста подняла новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать ключевые производства и заложить предпосылки их быстрого роста. Однако, США и здесь не упустили свой шанс, т.к. политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента основной мировой резервной валюты.

Какие выводы можно сделать, благодаря институциональному анализу и зачем он вообще проводился?

1. Он позволяет увидеть реальные движущие силы столь высокоразвитого общества, представленные правящей верхушкой корпорократического государства, с их абсолютно варварскими интересами и целями, высокомерно полагающими, что ввиду своей исключительности они могут править миром как хотят.

2. В условиях постмодерна при господстве монополистического капитала эволюция институций и институтов все более будет подчинять общество его интересам благодаря кумулятивному эффекту и эффекту институциональной регрессии.

3. Институциональное «препарирование» исследуемой социально-экономической системы и сложившейся, благодаря ее действиям, ситуации в мире, позволяет констатировать следующее.

Причиной глобального кризиса и депрессии, охвативших ведущие страны мира в последние годы, стало исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада. Выход из этого кризиса должен произойти на волне роста нового технологического уклада, в основе которого, главным образом, лежит комплекс нано-и биотехнологий. И, хотя сфера применения этих технологий не связана напрямую с производством военной техники, гонка вооружений и увеличение военных расходов привычным образом становится едва ли не главным инструментом государственного стимулирования становления нового технологического уклада.

Кроме того, крайне консервативная идеология правящих кругов США и их союзников по НАТО из всех радикальных вариантов реанимации расширенного воспроизводства в стране предпочитает увеличение расходов на оборону. Поэтому, сталкиваясь с необходимостью использования государственного спроса для стимулирования роста нового технологического уклада, милитаристские круги прибегают к эскалации военно-политической напряжённости в регионе, где вдруг оказываются в опасности «национальные интересы США», а значит, необходимым становится увеличение государственных закупок передовой военной техники. Именно здесь кроется одна из основных причин раскрутки Вашингтоном маховика войны на Украине, которая, безусловно, является не целью, а инструментом для реализации глобальной задачи сохранения лидирующего влияния США в мире. Нельзя также забывать, что в настоящее время происходит переход к новому вековому циклу накопления капитала, который еще более усугубляет риски развязывания войн и военных конфликтов.

4. В третьем тысячелетии развитие человечества требует новых форм организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая социально-экономические, экологические и космические. Но в условиях либеральной глобализации, выстроенной под интересы транснациональных, в основном англо-американских, корпораций, эти вызовы существованию человечества остаются без ответа. Настоятельно возникающая необходимость обуздания мировой олигархии и упорядочивания движения мирового капитала заставляет обратиться, например, к восточно-азиатской модели организации современной экономики.

Устойчивый экономический рост в юго-восточной Азии, подъём Китая, Индии и Вьетнама вслед за Японией и Южной Кореей заставил многих исследователей заговорить о переходе от англо-американского к азиатскому вековому циклу накопления капитала. Осенью 2008 года разразился мировой экономический кризис, решать проблемы которого уже невозможно было в рамках однополярного мира и старого ядра Pax Americana, поэтому сразу после начала мирового кризиса был созван Антикризисный саммит «большой двадцатки» (G20) в Вашингтоне. Но в G20 страны периферии оказались в меньшинстве, в то время как США и страны ядра Американского цикла продолжали навязывать свою волю, фактически препятствуя переходу к новой парадигме мирового развития. Аналитик банка «Голдман Сакс» Джим О'Нил к десятилетнему юбилею аббревиатуры БРИК выпустил свой новый прогноз, в котором показал, что центр тяжести мирового потребления должен переместиться из стран G7 в страны БРИКС, доля которых к 2020 году вырастет с 23% до 62% мирового потребления, а «средний класс» мира к 2030 году составит 5,2 млрд. человек, из которых в БРИКС будет 52%, а в G7 – только 15% [18].

Становится ясно, что в условиях англо-американского цикла накопления капитала этого достичь будет невозможно, т.к. неэквивалентная торговля и финансовая гегемония стран ядра перераспределяет мировые финансовые потоки в интересах стран G7. Поэтому те же США, создавая менее 20% мирового валового продукта, потребляют более 35%, в то время как страны периферии недопотребляют. В мировой экономике возникает патовая ситуация: финансовый капитал, благодаря неэквивалентному обмену между странами ядра и периферии, сконцентрировал в странах G7 огромные финансовые ресурсы, надувающие «финансовые пузыри» на западных

биржах, которые вот-вот лопнут, обесценив этот капитал. В то же время в странах периферии Рах Америгана сконцентрирован огромный потребительский спрос, который не удовлетворен из-за низкой платежеспособности населения. В результате мы имеем, с одной стороны, мировой кризис перепроизводства, а с другой, – кризис неудовлетворенного спроса.

Таким образом, страны БРИКС, выступая ядром Азиатского цикла накопления капитала, концентрируют вокруг себя будущую периферию. Настоятельным требованием времени является переход от однополярного к многополярному мироустройству, когда проамериканская модель мирового хозяйства распадется на несколько валютных зон, и, судя по всему, страны БРИКС вполне могли бы стать лидерами этих валютных зон, а страны периферии могли бы свободно выбирать, в какую из валютных зон им выгоднее войти.

Учитывая охарактеризованные выше глобальные изменения, становится понятно, что борьба за мировое лидерство разворачивается между США, Россией и Китаем, в которой США для сохранения своего доминирования разыгрывают привычный им сценарий развязывания военного конфликта в Европе, пытаясь в очередной раз за ее счёт упрочить своё положение в мире. Для этого они используют старый английский геополитический принцип «разделяй и властвуй», воскрешая подсознательную русофобию политических элит европейских стран и делая ставку на традиционный для них «священный поход» на восток. При этом, следуя заветам Бисмарка и советам З.Бжезинского, в качестве главной линии раскола они используют Украину, рассчитывая, с одной стороны, на ослабление и болезненную реакцию России, а с другой – на консолидацию европейских государств в их давнем стремлении к «освоению» украинских земель.

5. И все же нельзя не отдать должного американцам: расчёт американских геополитиков был точен, а действия – практически безошибочны: за полгода они провели блицкриг, фактически оккупировав Украину, и, подчинив себе ЕС в антироссийской истерии. При этом фактически уже окупили за счёт присвоения части украинских активов полтора миллиарда долларов, потраченных на организацию госпереворота и приведение к власти своего марионеточного правительства с относительной легитимизацией своего агента в качестве президента Украины. Кое-как, но провели выборы в Раду, также создав имитацию законноизбранной законодательной власти, готовой выполнять их стратегические замыслы даже ценой истребления собственного народа.

Россия сумела спасти от американской оккупации только Крым, а истекающий кровью Донбасс, скорее всего, становится зоной затяжного гражданского вооружённого конфликта. Россию, как кажется американским стратегам, они заманили в политический капкан: применение российской армии для освобождения Донбасса гарантирует втягивание в войну против России ЕС, НАТО и означает фактически начало мировой войны; неприменение силы повлечёт создание разрастающейся националистической воронки в центре Европы, которая уже интернационализируется, становясь очагом дестабилизации и для России. Развёртывание региональной, а возможно, и мировой войны на выгодных для США условиях может стать не гипотетической, а вполне реальной опасностью.

При этом Россия, по их мнению, безусловно, обречена на тяжёлое поражение вследствие уже состоявшейся потери Украины, а также консолидации всех развитых стран мира, включая, наряду с союзниками по НАТО, Японию и Южную Корею. Поражение России должно повлечь возвращение её под американский контроль, как это было при Б.Ельцине, а ослабление Европы – её полное экономическое подчинение посредством формирования вожделенной трансатлантической зоны свободной торговли на американских условиях. Тем самым Вашингтон надеется укрепить своё положение и сохранить мировое господство. Однако, в этой циничной логике есть просчёт: действуя на основе ошибочных, устаревших представлений о европейской геополитике, американцы умудрились воскресить на националистической почве крайнюю форму нацизма – фашизм, который Западная Европа, пережившая этот ад, рано или поздно распознает и вряд ли будет дальше его приветствовать и поддерживать.

6. Наднациональные бизнес-элиты, подчинившие себе американское государство, в целях распространения своего доминирования на все регионы земного шара, всегда будут ориентированы на агрессивное противостояние любым попыткам независимой, самостоятельной экономической политики, а тем более появлению потенциальных конкурентов. Переформатировав политическое сознание населения, манипулируя перераспределением части сверхдоходов для создания иллюзии «общества всеобщего благоденствия» при почти 15% живущих за чертой бедности, государственная машина США все больше превращается в имперский институт, где всюду господствует цензура, практически всеми СМИ наращивается централизованно регулируемая антироссийская пропаганда, выборы осуществляются специальными выборщиками, а не всем народом, где любые всплески свободомыслия преследуются по закону как антиконституционные акты, где в тюрьмах находится 2,5 млн. человек, а на содержание тюрем тратится в 6 раз больше средств, чем на образование, где от подлинно демократических институтов остались только названия и лозунги.

В феврале 2015 года США представили свою новую стратегию национальной безопасности, сменившую программу, принятую в 2010 году. В основе стратегии три главные идеи, являющиеся лейтмотивом всего документа.

Первая: утверждение о том, что США – лучшие в мире во всем. Их демократия самая образцовая в мире, а вооруженные силы – самые передовые и боеспособные. Американская экономика является самой преуспевающей, а в борьбе со всеми глобальными проблемами (климатическими изменениями, терроризмом и болезнями по всему миру) Штаты также добились больше других.

Вторая идея: абсолютная убежденность в собственном лидерстве в мире: «Сильное и устойчивое американское лидерство крайне важно для основанного на правилах международного порядка, который отстаивает глобальную безопасность, благополучие, а также человеческое достоинство и права всех народов. Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать» [21].

Третий постулат стратегии – Америка уверена, что всему миру будет хорошо только тогда, когда хорошо будет ей: «Американское лидерство – это глобальная сила добра, но оно зиждется на наших непреходящих национальных интересах, на что указывала наша стратегия национальной безопасности от 2010 года» [21].

Таким образом, США вновь показали и доказали приверженность к агрессивному, силовому достижению своих глобалистских целей, обеспечению мирового лидерства корпорократии любой ценой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. Уильямсон // THESIS. – 1993. – Т. 1, Вып. 3. – С. 39–49.
2. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.
3. Wullweber J. Postmodern and Poststructural International Political Economy / J. Wullweber, C. Scherrer [Electronic resource]. – Access mode : http://www.blackwellreference.com/subscriber/uid=/tocnode?id=g9781444336597_yr2011_chunk_g978144433659716_ss1-25
4. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ie.boom.ru/Polanyi/Polanyi/html>

5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 1999. – 353 с.
6. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/raynert_erik/kak_bogatye_strani_stali_bogatimi_i_pochemu_bednye_strani_ostayutsya_bednimi.html
7. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fhotm.kpi.ua/guest/ekiller.pdf>
8. Рокфеллер Д. Банкир в XX веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maximalibrary.org/component/maxlib/b/38227/read>
9. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М., 1970. – Т. 27 : Август 1915 – июнь 1916. – С. 299–426.
10. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006
11. Клинтон Х. Ум и сила [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2009/01/13_a_2923785.shtml
12. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/>
13. Оборонная директива США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/1992/03/10/direktiva.html>
14. Шарп Дж. От диктатуры к демократии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://patriotic-front.narod.ru/Sharp.htm>
15. Smith Ed. Effects based Operations [Electronic resource]. – Access mode : http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ccrp/ebo_smith.pdf
16. Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? / И.В. Максимов. – М.: «Книга по требованию», 2010.
17. Горгола Е.В. Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн [Текст] / Е.В. Горгола: монография. – М.: РГСУ. Ярославль: «Канцлер», 2014.
18. Онил Дж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dzhim_onil/karta_rosta_budushee_stran_brik_i_drugih_razvivayuschihsy_a_rinkov/read/
19. Солянова М.В. Проблемы лидерства США в современных международных отношениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=428>
20. Катасонов В. Трансатлантическое партнёрство и валютный суверенитет Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalconflict.ru/analytics/100215-valentin-katasonov-transatlanticheskoe-partnyorstvo-i-valyutnyj-suverenitet-evropy>
21. Эксперты объяснили, зачем США пропагандируют русофобию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2015-06-05/eksperty-obyasnili-zachem-ssha-propagandiruyut-rusofobiyu>.

ЕДИНАЯ ВАЛЮТА И ГРЕЧЕСКИЙ ДОЛГОВОЙ КРИЗИС

Пищулов Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет»,
кафедра экономической теории, заведующий
г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: dr.haust@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу долгового кризиса Греции. Автор анализирует причины возникновения данного кризиса. На основе проведенного анализа В.М. Пищулов предлагает план мероприятий по преодолению кризисного состояния. По мнению автора, реализация этого плана будет в экономических интересах как Греции, так и Европейского Союза.

Ключевые слова: долговой кризис Греции; экономические интересы Европейского Союза; система с единой валютой; многовалютная система; меры по выходу из долгового кризиса; возможности

Код УДК: 336.743

Annotation. Article is devoted to the analysis of debt crisis in Greece. The author analyzes the reasons of emergence of this crisis. On the basis of analysis made V.M. Pishchulov offers the plan of measures for overcoming the crisis. According to the author, implementation of this plan will be in the best economic interests of both Greece and European Union.

Keywords: debt crisis of Greece; economic interests of the European Union; single currency system; multi-currency system; measures for an exit from debt crisis; opportunity

«Неладно что-то в Датском королевстве». СМИ сообщили: «Канцлер ФРГ Ангела Меркель и министр финансов страны Вольфганг Шойбле допускают выход Греции из еврозоны ...» [1]. Долговой кризис в еврозоне продолжает развиваться и усугубляться. В период, предшествующий введению единой валюты (первый период 1996–2001 гг.), т.е. в те последние годы, в еврозоне существовала мультивалютная система. Национальные валюты обеспечивали товарное обращение внутри своих стран, внутри региональное обращение обеспечивал безналичный евро, а мировой международной валютой выступал доллар.

Наиболее высокие средние за указанный период (1996–2001 гг.) темпы роста экономики демонстрируют следующие страны в порядке убывания. Первая – Ирландия – 8,9% – невиданно высокие для современной европейской экономики темпы роста. Вторая по темпам роста – Испания – 4,1%. Третьей выступает Португалия, где 3,8% (близки к этим темпам роста Нидерланды – 3,7%). Затем следует Греция – 3,4% [2]. В последние годы 2008 – 2014 гг. – наблюдается прямо противоположная тенденция. Страны, показывавшие изначально наиболее высокие темпы экономического роста, затем вошли в продолжительную рецессию, отмеченную наиболее значимым падением ВВП, беспрецедентным ростом безработицы и долговым кризисом.

Введение в обращение наличного евро и замена им национальных валют в еврозоне сопровождалось очевидным ухудшением состояния и динамики развития стран Южной Европы и Ирландии, так называемых стран PIIGS. Следует заметить, что период, предшествовавший

введению евро, характеризовался существованием многоуровневой, мультивалютной системы в еврозоне.

Нужно попытаться отыскать причины сложившегося положения. Страны еврозоны в значительной степени различаются: в отраслевой структуре экономик; в доле сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса в ВВП; в уровнях концентрации компаний, размерах компаний; эффективности финансовых систем; в уровнях образования и квалификации населения стран и т.д. Различия между странами еврозоны обуславливают относительную неравномерность распределения денежной массы в евро по территориям внутри стран, отраслям и, как следствие, между странами.

Главная особенность денег состоит в способности быстро перемещаться. Деньги способны необыкновенно быстро перемещаться между территориями. При этом денежные потоки обуславливают определенную форму распределения денежной массы между этими территориями. Так, территории с производствами, финансовыми структурами, приносящими высокую доходность, привлекают к себе денежные потоки из иных территорий.

Недостаток средств обращения (или обмена) на определенной территории, в частности, в пределах национальных границ, вызывает так называемый «кризис нехватки денег». Это ведет к сокращению объемов производства, к рецессии, безработице. Противоположная ситуация предполагает **избыток денег или денежной массы** на территории. Это ведет к инфляции, нестабильности цен, а также к снижению объемов инвестиций. Вследствие последнего снижаются объемы производства. В этом случае возможна стагнация или «стагфляция».

Проблема регулирования денежной массы в отдельных территориях значительно усложняется вследствие перехода на единую валюту. В этом случае требуется отдельно рассматривать замкнутые и открытые воспроизводственные процессы территории. Замкнутые товарные на некоторой территории товарные потоки предполагают, что покупатель и продавец находятся в рамках этой территории. Открытые для некоторой территории товарные и денежные потоки предполагают, что покупатель или продавец находятся в разных территориях.

Денежная масса в территориях различных уровней может быть представлена многообразными валютами. Именно таким образом обстояло дело в европейских странах до введения единой валюты. В качестве территорий первого уровня выступали отдельные страны в своих национальных границах. Каждая страна, регулировала объем денежной массы, выраженной в единицах национальной валюты, внутри страны, исходя, в первую очередь, из величины товарного оборота, замкнутого на территории этой страны. Внешний оборот, в зависимости от того, какой мировой (доллар) или региональной (евро) валютой он обслуживался, обуславливал в определенной своей части необходимый объем или денежную массу такой наднациональной валюты. Объем наднациональной валюты в регионе, где она обслуживала внешний для входящих в региональное объединение стран оборот, регулировался наднациональными органами, например, такими, как Европейский центральный банк.

После введения наличного евро национальные правительства и центральные банки стран еврозоны утратили значительную часть полномочий по регулированию объема денежной массы в своей стране. Представляется, что причиной проявившегося неблагополучия товарного обращения внутри стран, является утрата прежних возможностей национальных денежных регуляторов влиять на объем денежной массы внутри своей страны. Результатом явилось нынешнее положение, при котором очевидно проявляется неравномерность распределения денежной массы по территориям внутри еврозоны.

Основные функции регулирования количества денег в еврозоне в целом сосредоточены в Европейском центральном банке (ЕЦБ). Нужно признать, что ЕЦБ не в состоянии осуществлять

регулирование количества денег в отдельных странах еврозоны, таким образом, как это делалось национальными центральными банками в условиях обращения национальных валют.

Краткосрочное перераспределение денежной массы между странами еврозоны в настоящее время возможно посредством выпуска правительствами этих стран государственных ценных бумаг, предлагаемых на долговом рынке. Однако, как мы можем далее увидеть, эта мера способна в какой-то мере решить проблему наполнения государственных бюджетов и перераспределения денежной массы между странами в краткосрочных периодах. А в достаточно длительных периодах, сравнимых со сроками заимствования, эта мера лишь усугубляет проблему наполнения территории страны достаточным объемом денежной массы.

Механизмы рыночного саморегулирования не обеспечивают оптимального распределения денежной массы в странах еврозоны. Одной из форм проявления относительного недостатка денежной массы в стране или территории выступают проявления дефляции. В тех случаях, когда традиционные методы увеличения объема денежной массы оказываются недостаточно действенными, денежные регуляторы обращаются к мерам количественного смягчения (QE). Однако увеличение денежной массы во всей еврозоне не означает пропорционального или равномерного растекания дополнительных денег по всем странам и территориям. Дополнительные деньги притягиваются крупными промышленными и финансовыми центрами, концентрируются в государственных бюджетах наиболее экономически развитых стран. Страны, страдающие вследствие относительного недостатка денежной массы, могут попасть в еще более сложное положение.

Значительная часть дополнительных денег поглощается финансовой сферой. Общей тенденцией последних десятилетий является значительное возрастание роли и значения финансовой сферы в экономиках наиболее развитых стран и регионов. Финансовая сфера в определенной мере отделяется от сферы производства и начинает вести собственную, самостоятельную, в определенной степени автономную, жизнь. Деньги, обращающиеся в финансовой сфере, совершая в ней замкнутое движение, могут приносить доходы, не будучи непосредственно связанными с производством и потреблением продукта.

Источником наполнения неблагоприятных территорий денежной массой могут быть банковские кредиты. Как известно, базельские документы ориентируют на увеличение, наращивание собственных капиталов банками, а, следовательно, на укрупнение самих банков. Эти рекомендации оставляют не много места для работы небольших и средних банков, традиционной нишей которых именно являлось кредитование сельскохозяйственных производителей, малого бизнеса и населения. Этот источник денежных потоков, которые могли бы направляться в указанные территории, становится все менее действенным.

Нужно искать выход из создавшейся ситуации. Исключение отдельных стран из еврозоны может повлечь за собой ее распад в целом, что видится нежелательным. Для того, чтобы исправить положение, нужно попытаться устранить изначальные причины, повлекшие за собой снижение темпов роста ВВП, состояние длительной стагнации и рецессии в некоторых странах еврозоны.

Кажущееся простым решение проблемы, состоящее в **понижении степени межтерриториальной ликвидности денег**, может быть достигнуто посредством возврата к прежней системе национальных валют. Однако в этом случае утрачиваются многие преимущества, приобретенные благодаря функционированию единой валюты. Эти преимущества состоят в упрощении и ускорении внешнеэкономического оборота для стран и территорий оборота товаров, перемещения ресурсов и капиталов.

Параллельное хождение внутри страны национальной валюты и евро. Самым простым и наиболее легко реализуемым решением видится восстановление для определенной страны еврозоны

национальной валюты без исключения этой страны из еврозоны. Национальная валюта в этих условиях способна обслуживать внутренний товарный оборот, замкнутые внутри страны воспроизводственные процессы. Отличие от прежней ситуации (до введения наличного евро) состоит в том, что как национальная валюта, так и евро имеют одинаковые возможности обращения внутри страны.

Возврат к национальным валютам и их параллельное хождение с евро не есть лучшее решение. Тому можно найти достаточно обоснованные причины. Одной из таких причин выступает то обстоятельство, что во внутреннем обороте достаточно крупных стран национальные валюты несут в себе тот же недостаток, что и единая европейская валюта.

Введение местных валют видится реальной мерой. Местная валюта может быть введена для внутренней территории, в заметной степени подверженной кризисным явлениям. Требуется ограничить межтерриториальную ликвидность тех местных денег, которые будут обращаться внутри определенной территории. Местных валют внутри одной страны может быть несколько. В качестве примера можно вспомнить, что «В Германии наравне с евро ходят 15 местных валют. Bundesbank не возражает ...» [3].

Структура территориальных рынков стран еврозоны, определяющая функционирование мультивалютной системы, может быть представлена в форме иерархии. Смысл построения столь сложной иерархической системы денежного обращения состоит в том, чтобы обеспечить наиболее приемлемое наполнение экономики еврозоны денежной массой. Территориальная иерархия подразумевает и иерархию валют.

В заключение требуется сделать положительные предложения. Представляется возможным и обоснованным, исходя из всего предшествующего изложения, хотя бы в самом общем виде указать те меры, которые могли бы привести к исправлению положения. Необходим возврат к некоторым образом модифицированной мультивалютной системе.

Валютные проблемы Греции. Возвращение Греции к бывшей национальной валюте драхме есть крайне нежелательный вариант действий. В настоящее время этот шаг расценивается как выход из еврозоны, что предполагается непозволительным. Использование в обращении внутри страны местных валют, вероятно, не встретит серьезных возражений.

Другая проблема, требующая решения, – это чрезмерная расходная нагрузка на бюджет. **Требуется существенное сокращение бюджетных расходов.** Наиболее крупными бюджетными обязательствами выступают обязательства по выплате пенсий. Для обеспечения сбалансированности бюджета требуется проведение пенсионной реформы. Смысл такой реформы состоит в том, чтобы вывести значительную часть пенсионных обязательств за пределы бюджета. Пенсионный фонд предполагается строить в форме своеобразного банка со счетами плательщиков и получателей пенсионных средств. Счета плательщиков необходимо связать со счетами получателей таким образом, чтобы было понятно и известно, от кого получают свои деньги пенсионеры. Например, от плательщиков детей деньги направляются получателям – родителям-пенсионерам [4].

К этой краткой статье прилагается своеобразная «дорожная карта» или перечень неотложных мер, которые могут обеспечить исправление долговой ситуации в Греции.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДОРОЖНАЯ КАРТА ДЛЯ ГРЕЦИИ

Для разрешения долговой проблемы Греции необходимо:

I. Запуск в обращение нескольких местных валют.

1) Согласовать эту меру с ЕЦБ (с тем, чтобы это не послужило причиной вывода страны из зоны евро).

2) Определить ограниченные территории, в которых будут обращаться местные валюты (названия валют, например, «euros Greece-1», «euros Greece-2», «euros Greece-3», и т.д.).

3) Установить банки, эмитирующие местные валюты.

4) Установить банки, совершающие операции с местными валютами.

5) Определить первоначальные курсы местных валют в евро.

6) Определить объем эмиссии для каждой местной валюты.

7) Подготовить – отпечатать достаточный объем наличных местных валют.

8) Установить первоначальные объемы эмиссии местных валют.

9) Принять законодательные акты, определяющие особенности обращения местных валют:

- обязательность приема местной валюты в качестве средства обмена и платежного средства в рамках определенной территории параллельно с евро;

- обязательность приема местной валюты для уплаты налогов в местные, региональные бюджеты (возможно в бюджет страны);

10) Внести изменения в программные средства банков, позволяющие совершать операции с местными валютами параллельно с евро и иными иностранными валютами.

11) Обязать продавцов представлять двойные ценники в евро и в местной валюте.

12) Определенная часть освободившейся из обращения денежной массы в евро может быть собрана в бюджет через поступление налогов.

13) Часть денежной массы в евро, освобождаемой из обращения, может быть сконцентрирована в бюджете посредством выпуска облигаций внутреннего займа, номинированного в евро.

14) Наполнение государственного бюджета дополнительными средствами в евро позволит использовать эти средства для выплаты и обслуживания внешних долгов Греции.

15) Наполнение денежной массой в форме местных валют территорий страны обеспечит выход страны из состояния рецессии, стимулирует рост ВВП, рост занятости и наполнение бюджетов, разрешение долгового кризиса.

II. Построение системы управления денежной массой в стране.

1) Создание объединенной системы банковских учреждений, осуществляющих функции управления денежной массой, представленной местными валютами в территориях страны.

2) Формирование системы мониторинга денежных потоков в местных валютах и денежной массой в территориях страны.

3) Создание и законодательное утверждение финансовых инструментов, позволяющих обеспечивать рост и сжатие денежной массы местных валют в территориях страны.

III. Проведение пенсионной реформы, обеспечивающей вывод значительной части пенсионных обязательств за пределы бюджетов.

1) Создание пенсионных фондов в форме пенсионных банков. В таких банках открываются счета плательщиков в эти фонды и получателей пенсионных выплат.

2) Между счетами плательщиков и получателей устанавливаются прямые связи. Средства каждого плательщика непосредственно перечисляются конкретному получателю. В простейшем

случае со счета плательщика производятся перечисления на счета его родителей. Возможны связи между счетами других родственников и не родственников. Главное условие – это прямые связи между счетами плательщиков и получателей.

3) Бюджет остается плательщиком только для пенсионеров – бывших госслужащих, счета, которых также открываются в фонде, который выступает в форме пенсионного банка.

IV. Проведение налоговой реформы.

1) Предельно упростить исчисление сумм налогов и контроль их своевременной уплаты.

2) Снизить налоговую нагрузку на субъекты налогообложения.

3) Исчисление налогов возложить на налоговые органы¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркель согласна на выход Греции из еврозоны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politobzor.net/show-40994-merkel-soglasna-na-vygod-grecii-iz-evrozony.html>
2. Пищулов В.М. Единая валюта и проблемы Евро / В.М. Пищулов // Финансы и кредит. – 2010. – №45 – С. 6–16.
3. В Германии наравне с евро ходят 15 местных валют. Bundesbank не возражает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bayern-ticket.spb.ru/blog/v-germanii-naravne-s-evro-khodyat-15-mestnykh-valyut-bundesbank-ne-vozrazhaet>
4. Пищулов В.М. Форма построения пенсионной системы способна оказывать воздействие на ее функционирование / В.М. Пищулов // Финансы и кредит. – 2014. – №32 – С. 49–56.
5. Пищулов В.М. Европейский долговой кризис и единая валюта / В.М. Пищулов // Финансы и кредит. – 2012. – №43 – С. 2–13.
6. Пищулов В.М. Проблема изыскания источников средств для наполнения пенсионных фондов / В.М. Пищулов // Финансы и кредит. – 2014. – №30 – С. 53–64.

¹ Обоснование предлагаемых мер изложено в ряде статей [4; 5; 6].

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Иванова Елена Валентинов

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
«Экономическая теория», профессор кафедры
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: leniv29@rambler.ru

Аннотация. В современной экономической литературе все большую популярность приобретает концепция реиндустриализации. Применительно к российской экономике это создает опасность легализации отраслей четвертого технологического уклада в противовес внедрению новых технологий. В связи с этим еще более актуальным становится выявление закономерностей процесса технологической трансформации современной экономической системы. Эти закономерности связаны с глобальными технологическими сдвигами. Они проявляются в процессе технологизации, представленном единством эволюционной и телеологической составляющих, реализуемых на эволюционном, институциональном и коммерческом уровнях.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика; концепция реиндустриализации; технологическая трансформация; процесс технологизации; уровни технологизации; эволюционная составляющая технологизации; телеологическая составляющая технологизации

Код УДК: 330.342.24

Annotation. Concept of reindustrialization is increasingly popular in modern economic literature. With regard to the Russian economy, it creates a risk of the legalization of branches of the fourth technological order being opposed to the introduction of new technologies. In this regard, identification of patterns of technological transformation of the modern economic system becomes even more urgent. These patterns are associated with the global technological shift. They appear in technologizing process submitted by unity of evolutionary and teleological components implemented on an evolutionary, institutional and commercial levels.

Keywords: post-industrial economy; concept of reindustrialization; technological transformation; process of technologizing; levels of technologizing; evolutionary component of technologizing; teleological component of technologizing

Развитие России, несмотря на сегодняшнюю относительную изоляцию, не может происходить вне пределов мирового экономического пространства. Проблемы воспроизводства и созидания ее экономического потенциала лежат в плоскости общемировых трансформационных процессов. Они связаны с происходящей в мире третьей промышленной революцией, которая обеспечивает переход от индустриального к постиндустриальному способу производства и, в его рамках, – пятому и шестому технологическим укладам. Этот переход сопровождается деиндустриализацией, связанной со снижением роли традиционных промышленных и возрастанием роли новых производств, к которым принято относить биотехнологии, нанотехнологии, создание новых материалов (мембранных, квантовых и т.п.), фотонику, микромеханику, робототехнику, генную инженерию,

технологии виртуальной реальности, термоядерную энергетику и т.п. В настоящее время доля отраслей пятого технологического уклада в экономике США составляет 60%, шестого технологического уклада – 5% [10].

В российской экономике наибольший объем (50%) занимает четвертый уклад, в котором ведущую роль играет машиностроение, тяжелая промышленность, энергетика, производство атомной энергии и т.п. Доля пятого технологического уклада – 10%, о вхождении России в шестой технологический уклад, по словам заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.О. Рогозина, «говорить пока рано» [10].

Поскольку СССР выиграл гонку за четвертый, а Россия безнадежно отстала в создании пятого технологического уклада, среди отечественных экономистов приобретает популярность концепция реиндустриализации. Она декларируется как возрождение промышленности в пику постиндустриальной экономике или экономике услуг [8].

В качестве примера чаще всего приводят обрабатывающую промышленность США, которая в последние два года обгоняет по темпам роста остальные отрасли страны [15]. Отсюда делается вывод о том, что «нам сейчас нужно догонять США не в переходе к некоему «постиндустриальному» обществу, а в разворачивании новой индустриализации» [5]. В связи с этим предлагается решать проблему не просто модернизации экономики, а ее полномасштабной реанимации – восстановления структуры отдельных видов производств [14], эффективного инновационного обновления ее традиционных секторов [11, с. 153].

При этом не принимается во внимание то, что новая индустриализация США носит геополитический характер и связана с процессом «решора» (reshore)–возврата предприятий на территорию Штатов. Кроме того, *новая индустриализация Америки происходит на основе шестого технологического уклада и, безусловно, ориентирована на «интеллектуальное производство»* или, если следовать оригинальному английскому новоязу («brainfacturing») – «производство посредством человеческого интеллекта» [13].

В случае России возникает опасение, что деньги будут потрачены на реанимацию отраслей, которые не имеют больших перспектив развития. Поэтому утверждение, что «в постиндустриальной экономике не отрицается роль индустриальной базы как таковой, а предлагаются новые условия ее развития и поддержания конкурентоспособности» [6, с. 20], вполне подходит для оправдания модернизации старых объектов.

Однако, модернизация старых объектов, наряду с достаточно спорным теоретическим обоснованием ее необходимости, сопряжена со сложностями практического характера, в частности возможностями кредитования такого рода проектов банками [8].

Все это заставляет еще раз вернуться к рассмотрению теоретико-экономических основ объективных технологических трансформаций, определяющих закономерности развития современной экономической системы, претерпевающей такие изменения, которые никак не укладываются в рамки традиционной индустриальной экономики.

Эти изменения неразрывно связаны с процессом технологизации – превращения технологии в базовый ресурс новой экономики в отличие от техники (основного капитала) – базового ресурса экономики индустриальной.

Модернизация старых отраслей промышленности возможна только в рамках соответствующих индустриальному способу производства технологий. Эти технологии связаны с машинным производством и определяются логикой «машинного саморазвития» [12], тогда как современные технологии ставят на первое место человеческие способности, интеллект и информацию, а техника в ее привычном понимании отходит на второй план.

Современная экономическая система не может оставаться технико-механической, т.к. наращивание индустриального потенциала имеет свои пределы:

- экономические, связанные со снижением эффективности производства;
- экологические, проявляющиеся в противоречии с окружающей средой;
- гуманитарные, выражающиеся в утрате человеком креативной природы;
- социальные, заключающиеся в росте разобщенности социума.

Постиндустриальная экономика определяется не столько ее насыщением техническими системами, в том числе глобальными, сколько глобальными искусственными нетехническими системами (упорядочение системы природной среды, создание искусственных живых систем и др.). Они являются необходимыми условиями технологизации современной общественной жизни (в экономике, в политических отношениях, в системах образования, социального обеспечения и др.) и обязательны для народов, становящихся на путь научно-технологического развития. При этом «стандартизация общественной жизни не отвергает возможности разнообразия культур, индивидуального своеобразия личностей, однако она доминирует над ними в том смысле, что допускает только такое их своеобразие, которое, по меньшей мере, не сковывает научно-технический прогресс» [2, с. 299].

Формирование постиндустриальной экономики означает формирование более сложного общества, основанного на знаниях. Знания сложного общества всегда реализуются через технологии. Только в виде технологии знание может дойти до производства, до изменения природы, до совершенствования общества и самого человека. В данном случае реализуется творческий потенциал технологизации, ее инновационность, созидательность и прогрессивность.

Таким образом, технологизация может рассматриваться в широком и узком смысле. В узком смысле слова технологизация, означая стандартизацию, противопоставляется творческому началу. В широком смысле – включает это творческое начало и означает рост значимости технологии в качестве условия выживания и развития современной экономической системы.

Именно технологизация обеспечивает устойчивость экономической системы в эпоху перемен. В данном случае реализуется узко технологический подход, в соответствии с которым технологизация несет в себе организующее начало, упорядочивающее систему. «В этих условиях технологизация становится эффективным способом снижения рисков за счет предсказуемости, стандартизации, подконтрольности всех процессов безумно сложной системы – человеческого сообщества» [7, с. 435]. Поэтому представляется неправомерной позиция известного философа Э. Янча в отношении дестабилизирующего эффекта положительной обратной связи социально-экономического развития с технологией [17, с. 462].

Таким образом, технологизация является условием сохранения и развития не только экономической, но всей системы общественной жизни. Она состоит в применении единых правил организации отношений людей, их поведения и деятельности, всего общественного устройства в соответствии с логикой прогресса производительных сил, приводимых в соответствие с потребностями жизнеспособности человечества. Являясь условием выживания экономической системы, технологизация развивается:

- *вширь* – путем распространения (диффузии) технологий в разные области человеческой жизни;
- *вглубь* – путем качественного изменения роли технологии и приобретения ею роли базового экономического ресурса.

Технологизация как эволюционное явление в своей основе означает единство трансформационного и транзитивного аспектов как двух сторон процесса хозяйствования.

Обе формы, трансформационная и транзитивная, имеют противоречивую взаимосвязь: любое транзитивное преобразование имеет определенную степень свободы, объективности, независимости и, наоборот, любой спонтанный процесс корректируется целенаправленными действиями, усилиями и манипуляциями. Если траектория технологически детерминированного развития объективно предопределена спонтанным порядком (трансформационность первична, транзитивность вторична), то в состоянии смены технологических укладов на первое место выходит проблема выбора (транзитивность первична, трансформационность вторична)¹.

Возможность компромисса между эволюционной и телеологической составляющими технологизации обеспечивается пониманием телеологичности не как стремления реализовать идеальный проект, а как поиска лучшего из возможных в конкретных условиях решения.

Двойственная природа технологизации реализуется на цивилизационном, институциональном и коммерческом уровнях развития экономической системы. Каждый из них является необходимой составляющей общего эволюционного процесса, заключая системообразующие технологические изменения в рамки соответствующей технологической парадигмы.

Цивилизационный уровень технологизации определяет характер смены технологических способов производства и технологических укладов. *Институциональный* уровень связан с транзитивными преобразованиями соответствующих этим изменениям норм и правил, не только экономического, но социального, политического, культурного порядка. *Коммерческая* технологизация характеризует текущие технологические модификации и тиражирование технологий.

Каждый из уровней, с одной стороны, развивается на основе своих собственных законов (технократических, институциональных, рыночных). С другой стороны, параметры каждого последующего уровня, формируясь в рамках параметров каждого предыдущего, оказывают на него непосредственное воздействие.

Верхний уровень технологизации относится к внутренним законам научно-технологического прогресса, к его автономной логике. Она не зависит от внешних факторов, которые в реальном развитии человеческого общества также оказывают влияние на постоянно меняющийся облик техносферы. В этом контексте процесс технологической трансформации можно определить в соответствии с характеристикой эволюции по Ламарку как градацию или мегаэволюцию, связанную с цивилизационными изменениями технологий и последующими модификациями технологической культуры. Последняя, по мнению В.Л. Глазычева, складывается вместе с цивилизацией, трансформированной отрефлексированной технологией [6].

В свою очередь, институциональный уровень технологизации, будучи «встроен» в процесс технологических преобразований, влияет на их направление и динамику. Кроме того, его роль заключается в том, что он «осуществляет трансферт» технологических изобретений в область коммерческой реализации. В свою очередь, коммерческая технологизация, будучи предопределена соответствующими цивилизационными и институциональными изменениями (правовыми, социальными, нравственными и т.д.), формирует требования к их корректировке.

При этом, не все результаты технологизации, обеспеченные объективными процессами и субъективными установками, находят адекватное коммерческое воплощение. При прочих равных условиях аналоги массовых технологий, будучи эффективнее функционально, не всегда могут конкурировать с традиционными технологиями экономически [1, с. 425]. Это связано не только с коммерческой привлекательностью проектов, но и событиями, имеющими случайный,

¹ Данное противоречие проявляется в двух принципиально противоположных подходах к описанию динамики научно-технического прогресса: онтологическом (изобретения и нововведения рассматриваются как результаты саморазвития экономической системы) и телеологическом (появление изобретений и нововведений является результатом общественной, рыночной или государственной потребности) [3, с. 46–47].

вероятностный характер. Исторические и институциональные факторы могут обусловить эволюционный рыночный отбор неэффективных технологий в ситуациях, когда рынку доступны более выгодные альтернативы [18].

В дальнейшем нереализованные технологии-аналоги все в большей мере проигрывают уже применяемым массовым технологиям по критериям эффективности. Это не зависит от их конкурентных преимуществ, а связано с тем, что по мере тиражирования этих технологий, издержки целенаправленного отказа от их применения последовательно возрастают. В результате отвергнутым в свое время технологиям-аналогам уже практически невозможно занять причитающуюся им нишу в техносфере. Кроме того, будучи отвергнутыми, такие технологии остаются на начальных стадиях усовершенствований, в то время как принятые варианты уходят далеко вперед. В подобных историях случается так, что неудачливые варианты со временем все же находят свои «ниши» в мире техники, но весьма скромные по сравнению с теми, какие могли бы занять. Это касается обычно уникальных вещей, когда экономический критерий эффективности отходит на второй план по сравнению с функциональным.

Таким образом, транспонирование технологизации с верхнего цивилизационного на нижний коммерческий уровень не всегда стимулирует торжество более совершенных технологий.

Это связано еще и с тем, что каждый из рассматриваемых уровней может существовать автономно, не соотносясь с законами эволюции друг друга. Однако в конечном счете конкурентоспособность любой экономики связана не столько с институциональными преобразованиями или коммерческой деятельностью, сколько с принципиальными цивилизационными технологическими изменениями.

Технологические изменения глобальны по своей природе. При этом внутренняя логика прогресса науки и техники безразлична к тому социально-экономическому окружению, в котором этот прогресс реально осуществляется. Внешние факторы такого рода неспособны отменить действия внутренних законов. Они способны лишь замедлить или ускорить движение науки и техники в соответствии с этими законами. То есть факторы второго и третьего уровней оказывают влияние на глубину, характер и скорость научно-технологического развития, не отменяя или создавая его.

Научная и технологическая составляющая эволюционируют по-разному. Наука в своем развитии конвергентна. Процессы познания могут начинаться с самых разных исходных позиций в смысле первых достоверных фактов и стимулирующих частных задач, но сходятся они к выработке одних и тех же понятий, к открытию одних и тех же законов.

Внутреннее развитие техносферы дивергентно, то есть имеет вид ветвящихся и расходящихся линий. В отличие от простой группы целей фундаментального познания, субъективные практические цели, преследуемые людьми в технологиях, безмерно многообразны. В этом плане технология развивается по модели ветвящегося «бифуркационного дерева». И в точках таких бифуркаций, когда возникает проблема выбора одного из многих возможных сценариев дальнейшего развития, внешние факторы могут играть решающую роль.

Совокупное воздействие внутренних и внешних факторов на процесс технологизации предопределяет *закономерности* его развития. Они состоят в следующем:

- современная технологическая парадигма формируется, исходя из исторической траектории общественного развития, определяемой состоянием «технологического разрыва» – смены технологических укладов и технологических способов производства;
- условием выживания и развития современной экономической системы является ее технологизация – превращение технологии в базовый экономический ресурс постиндустриального общества;

- процесс технологизации характеризуется двойственной природой, связанной с противоречивым сочетанием его естественно-эволюционной (трансформационной, ненаправленной) и реформаторско-эволюционной (телеологической, направленной, транзитивной) составляющих;
- эффективность процесса технологизации обеспечивается целостностью и неразрывностью его многоуровневого (цивилизационного, институционального и коммерческого) характера.

Современные технологии все в большей степени очеловечивают мир в том смысле, что не только позволяют реализовывать человеческие интересы, но и в том, что мир все в большей мере цивилизуется и становится подвластным человеку. В результате институциональные и коммерческие факторы все в большей мере оказывают влияние на глубину, характер и скорость технологических изменений. А эти технологические изменения становятся столь принципиальными, что отрицают всякую возможность «встраивания» в индустриальную форму.

Поэтому призыв к реиндустриализации, особенно в России, звучит как призыв «назад в будущее».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абачиев С. К. Эволюционная теория познания : опыт сист. построения / С. К. Абачиев ; Ин-т соц.-экон. прогнозирования и моделирования. – М. : УРСС, 2004. – 516 с. : ил.
2. Антонюк Г. А. Объективная цель человечества и его стандартизация / Г. А. Антонюк // Восточнославянские страны в эпоху глобализации: выбор путей развития : материалы Международной научной конференции, Гродно, 26-27 ноября 2003 г. / УО «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы», Учеб.-образоват. учреждение БГУ «Республиканский ин-т высшей школы»; под ред. Ч.С. Кирвель ; редкол.: Ч. С. Кирвель, А. А. Бородич, В. В. Карпинский. – Гродно, 2003. – С. 295–299.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – CLXX, 783, [3] с.
4. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация должна стать базовой идеей создания новой экономики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novostispb.ru>.
5. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: инициативы, потенциал, риск / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России – 2013. – № 1 – С. 19–49
6. Глазычев В.Л. Технология и технологизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.shkr.ru.
7. Калашников М. Третий проект: точка перехода / М. Калашников, С. Кугушев – М.: АСТ, 2006. – 736 с.
8. Реиндустриализация России: споры о методе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delonovosti.ru>.
9. Реиндустриализация – стратегический шаг к обеспечению безопасности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-investor.ru>.
10. Рогозин Д.О. Шестой технологический уклад как стратегический вектор развития России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forumtechnoprom.com>

11. Романова О.А. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий / О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов // *Фундаментальные исследования* – 2014. – № 6-1 – С. 151–155
12. Сато С. Реинжиниринг окружающей среды / С. Сато, Х. Кумамото [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/KUMAMOTO/reenginiring.txt>
13. Сделано в США – вызов Китаю и новая американская мечта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tpp-inform.ru>.
14. Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения / О.С. Сухарев // *Приоритеты России* – 2013. – №24 – С. 2–24
15. Толкачев С.А. Государственная политика содействия реиндустриализации экономики США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vpk.name>
16. Эйрес Р. Научно-технологическое прогнозирование и долгосрочное планирование / Р. Эйрес. – М.: МИР, 1971. – 296 с.
17. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса / Э. Янч. – М.: Прогресс, 1974. – 585 с.
18. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY / P.A. David // *The American Economic Review*. – 1985. – Vol. 75. – P. 332–337

О МАГИСТРАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ СБАЛАНСИРОВАННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Владимиров Сергей Арсеньевич

доктор экономических наук, профессор. Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра общего менеджмента и логистики, профессор
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ideal_ideal@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи – теоретическое обоснование возможности достижения максимально возможных общественных эффективностей государственных расходов, инвестиций и налогов в идеальном состоянии сбалансированной открытой экономической системы. Предложенная модель всегда может привести в идеальном случае («нулевых потерь» общественных эффективностей государственных расходов и инвестиций) к максимально возможному темпу экономического роста, что позволяет обосновать основные направления соответствующей макроэкономической (финансовой, налоговой и бюджетной) политики.

Ключевые слова: эффективность; макроэкономика; качество; политика; налоги; возможность

Код УДК: 339.924

Annotation. The purpose of this article is a theoretical substantiation of the possibility of DOS reaches the maximum possible public efficiencies of government spending, investments and taxes in perfect condition coordination bath open economic system. In the ideal case of «zero-loss» of public efficiencies of government expenditures and investments the proposed model can always bring to the maximum possible rate of economic growth, that allows to substantiate main directions of the relevant macroeconomic (fiscal, tax and budget) policy.

Keywords: efficiency; macroeconomic; quality; policy; taxes; opportunity

«Пусть только наша идея будет правильной, и тогда, несмотря на наличие препятствий, стоящих на пути к ее осуществлению, она не будет невозможной». И. Кант [1, с.129].

(Идея совершенного, справедливо управляемого государства, сбалансированной открытой эффективной экономики – С.В.)

Общественное развитие находит свое конкретное выражение в статистических (в том числе макроэкономических) показателях, без установления и измерения численных значений которых невозможно управление. Устойчивое развитие без разрушения в течение неограниченно длительного периода времени единой системы «природа – человек», должно не ставить под сомнение способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Такое развитие

определяется тремя переменными: а) эффективностью экономики, б) экологической стабильностью, в) социальной справедливостью [2, с. 59].

Показатели уровня и темпов экономического и социального развития, в частности показатели уровня жизни, являются важнейшими для оценки эффективности проводимой в стране экономической политики и, в конечном счете, существующего в ней общественного строя. В то же время, высокие темпы экономического развития не всегда являются критерием соответствующего роста уровня жизни населения [11, с. 468]. В ходе подлинного экономического роста происходит инновационное обновление производственного капитала страны, устаревшее оборудование заменяется новым, с лучшими качественными характеристиками, так что степень износа основных фондов в целом по экономике, по меньшей мере, не увеличивается [3, с. 6].

Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы. Более шестидесяти лет в западной, а теперь и в нашей экономической науке и преподавании доминирует модель экономического выбора «экономиста всех времен и всех народов» П. Самуэльсона [4, с. 5, 22]. Он утверждал, что язык математики является единственно возможным для изложения положений современной экономической теории. Из этой модели выводятся якобы прямая (жесткая) связь между большими объемами накоплений и соответствующим уровнем потребления, экономические законы возрастания дополнительных затрат, убывающих эффективности и производительности/доходности, экономии на масштабе производства и др. Развитие современных развивающихся и развитых экономик зачастую противоречат этой модели экономического выбора.

Ниже рассматривается общепринятая математическая модель сбалансированной открытой экономики (СОЭ) и взаимосвязи между абсолютными значениями основных макроэкономических показателей: планируемой (прогнозируемой) госорганами величиной валового внутреннего продукта; государственными расходами, инвестициями, потреблением, налоговым бременем, сальдо платежного баланса страны и их нормами, общественными эффективностями, темпом экономического роста сбалансированной открытой экономики (СОЭ), ставкой ссудного процента Центробанка страны и инфляцией.

Вышеуказанные соотношения между важнейшими макроэкономическими показателями могут быть представлены в математической и графической форме (рис. 1).

Главное отличие авторской модели в том, что разделяемое большинством экономистов утверждение о прямой зависимости между объемами накоплений и ростом потребления (где большие объемы накоплений неизбежно приводят к резкому повышению уровня потребления), вытекающее из модели П. Самуэльсона, заведомо неточно. Как показала мировая практика (в том числе в Российской Федерации 2001–2013 гг.), значительные объемы накоплений не всегда приводят к высокому приросту потребления, иногда вплоть до «проедания» накопленных стратегических резервов, что и находит отражение на авторском графике.

При этом в соответствии с историческим опытом и культурными традициями средняя норма налогового бремени в макроэкономических системах не может снижаться ниже десяти процентов («библейская десятая», близкая, по мнению автора, к анархии) [6, с. 34]. В то же время, ни при каких обстоятельствах средняя налоговая нагрузка не может превышать своего максимального значения, отраженного на графике кривой $\theta_{s=0}^{\max} = g^{\max} = 1/\psi$.

Эта кривая соответствует административно-командной экономике АКЭ(С) (системе) (например, СССР), в которой инвестиции (капитальные вложения) являлись «перераспределенными» государственными расходами, поскольку государственная собственность была абсолютно преобладающей (более 98%) [9, с. 67]. Весьма показательным, что характер этой кривой позволяет сделать теоретически корректный вывод, что в АКЭ(С) нет никаких оснований

заведомо идеологически ограничивать $F^{AKЭ(C)} \leq F^{РЫНОЧНОЙ} = F^{ид} = 1/4\psi^2$, поскольку не форма собственности, а качество организации и управления и перераспределения валового продукта – суть экономического потенциала любого общества [10, с. 187].

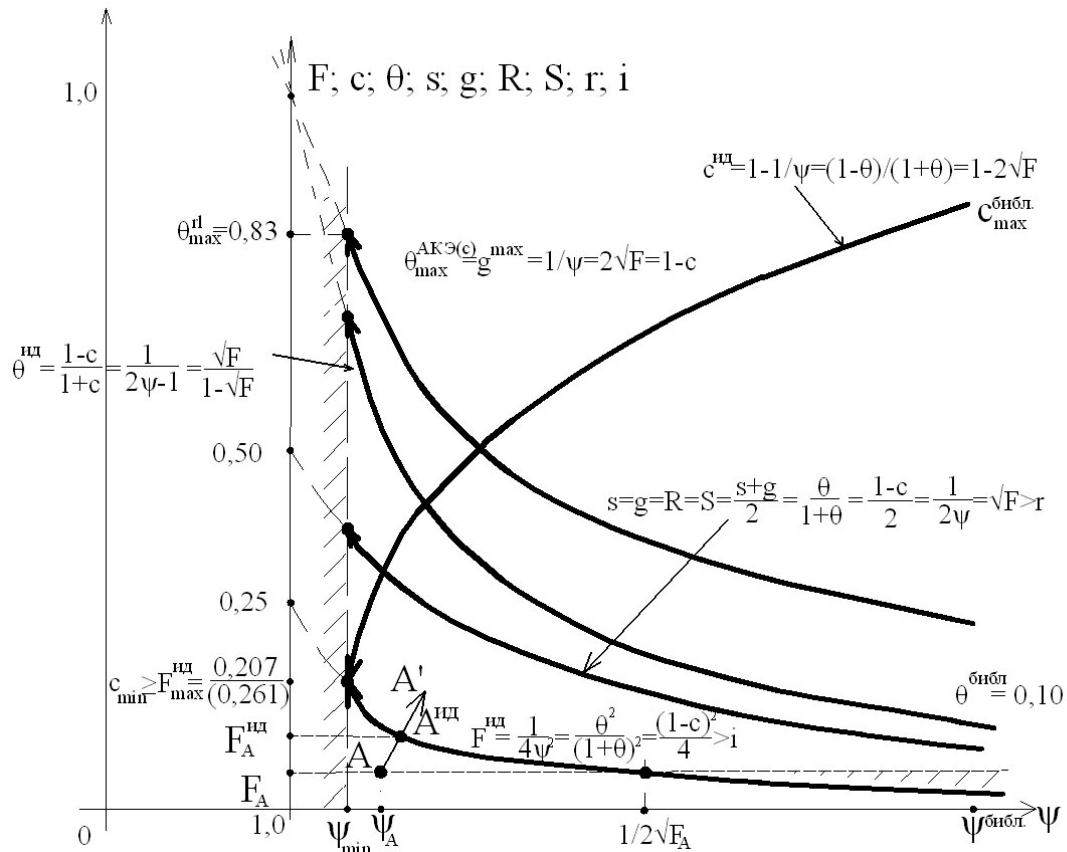

Рис. 1. Взаимосвязь основных макроэкономических показателей СОЭ с нулевым сальдо платежного баланса (заштрихованы области невозможных значений: меньших, чем $\psi_{min} = 1/(2\sqrt{F_A})$ и больших, чем $\psi_{бнл}$).

Важно также иметь в виду, что средняя налоговая нагрузка в идеальной СОЭ не минимальная для любых соотношений основных МЭП, но именно сбалансированная относительно соответствующих максимальному теоретически возможному экономическому росту показателей норм государственных расходов, инвестиций и их общественных эффективностей, одновременно равных корню квадратному из численного значения экономического роста [7, с. 30].

Бесконечное множество реальных состояний СОЭ располагается на площади ниже кривой максимально возможного темпа экономического роста – $F^{ид} = 1/4\psi^2$. Эти состояния определяются соответствующими точками, например, на графике точкой А с координатами: $A[\psi_A; F_A; \Omega_A]$. Из этой точки возможны следующие очевидные направления развития (повышения эффективности и качества) макросистемы:

а) идеальное (единственное, стратегическое) – по кратчайшему направлению к кривой максимально возможного темпа экономического роста (то есть в направлении перпендикуляра AA' к касательной из точки А). Более подробно: направление развития реальной экономики выбрано государственными органами близким к идеальному (наилучшему теоретически возможному), если оно сопровождается повышением экономического роста при снижении суммы норм

государственных расходов и инвестиций, а также и средней налоговой нагрузки при одновременном повышении нормы потребления (в том числе за счет положительного сальдо платежного баланса страны, вызванного прежде всего экспортом высокотехнологичной продукции), сбалансированностью основных макроэкономических параметров;

б) неидеальные – стремящиеся (близкие) к идеальному;

в) заведомо неэффективные для общества – такие направления развития реальной экономики, которые сопровождаются снижением экономического роста и нормы потребления при одновременном росте суммы норм государственных расходов и инвестиций, средней налоговой нагрузки, несбалансированностью всех или большей части основных макроэкономических параметров (коррупционные или заведомо некомпетентные направления экономического развития – «на авось», вплоть до умышленного развала, деградации собственной экономики по советам «экономических убийц»: общеизвестная проблема «псевдоинвестиций» западных инвесторов в предприятия российского высокотехнологичного комплекса, которые зачастую приводят к ликвидации этих предприятий (например, уничтожение конкурентов, скупка земли под предприятиями и др.) [8, с. 31].

Достижение равновесия в реальной макроэкономической системе является труднейшей финансово-политической задачей (в том числе государственного долга), включающей выпуск госзаймов, ужесточение налогообложения, печатание денег. При этом несбалансированность экономической системы может быть объективной (войны, периоды крупных социально-экономических реформ, катаклизмов), случайной и преднамеренной, выгодной определенным (как правило, властным или оппозиционным, в том числе теневым структурам) «группам влияния» но, безусловно, невыгодной обществу в целом.

Несложный математический анализ соотношений между основными МЭП при конкретной заданной государственными органами численной величине темпа экономического роста позволяет жестко выделить следующие «иерархические ряды (ИР) МЭП» с соответствующими диапазонами ограничений их «дрейфа» внутри конкретного ряда.

1) Равновесные СОЭ

а) Идеальные ИР СОЭ с нулевым сальдо платежного баланса и нулевой инфляцией (наиболее простые, имеющие очевидный «геометрический смысл», отражены на рис.1). Их бесконечное множество, определяются они конкретным значением, как правило, (для удобства) ОПСЭ, автоматически строго определяющем все остальные МЭП (и, наоборот, также строго определяемым любым другим основным МЭП). Например: пусть государственными органами утверждены следующие нормы государственных расходов и инвестиций: $s = g = \frac{1}{4}$ (то есть нормы государственных расходов и инвестиций равны 25%),- следовательно $\Psi = 2,0$. Кроме того, их общественные эффективности равны также 25%, то есть: $R = S = 25\%$. Идеальное налоговое бремя равно: $\theta = 1/(2\Psi - 1) = 0,33$ (33%). Норма потребления: $c = 1 - 1/\Psi = 0,50$ (50%). Темп экономического роста (идеальный, максимально возможный для этой совокупности МЭП): $F^{ид} = 1/4 \Psi^2 = 1/(4 \times 4) = 6,25\%$.

Поэтому иерархический ряд будет в этом случае выглядеть так:

$$c \succ \theta \succ s = g = R = S = \sqrt{F} \succ F \succ i = 0,$$

где: i - инфляция.

б) Реальные, определяемые конкретно заданными государственными органами численными величинами темпа экономического роста, государственных расходов (их нормой) и соотношениями («перестановками») между основными МЭП и фундаментальной величиной: корнем квадратным из темпа экономического роста. Например (два экстремальных случая):

$$c > S > s > \sqrt{F} > R > \theta > g > F > i,$$

здесь обращает на себя внимание высокая норма потребления при значительных общественной эффективности государственных расходов и норме инвестирования, малых норм налогового бремени и государственных расходов, весьма удовлетворительной общественной эффективности инвестиций;

б) «войны, периоды сложных, крупных социально-экономических реформ (управляемых)»:

$$\theta > g > R > \sqrt{F} > s > S > c > F > i.$$

В этом ряду очевидны высокие нормы налогового бремени и государственных расходов, незначительная норма потребления и общественной эффективности государственных расходов. Норма потребления для этих двух случаев «дрейфовала» от максимальной к минимально возможной («биологического прожиточного минимума»).

Не представляет трудностей скомбинировать другие промежуточные равновесные иерархические ряды (число их ограничено соответствующими перестановками, читатель легко может сделать это самостоятельно).

II) Неравновесные (с заведомым нарушением иерархии МЭП)

Как уже указывалось, неравновесность (несбалансированность) макроэкономической системы является следствием нарушения основных требований иерархичности отношений между МЭП в СОЭ, несбалансированностью финансовых интересов государства и налогоплательщиков, чрезвычайных обстоятельств (например, войн, некомпетентных действий правительства), безусловной причиной инфляции. Например, заведомо несбалансированной при заданном соответствующими госорганами темпе экономического роста является следующая, часто встречающаяся экономическая система (нарушенный иерархический ряд МЭП):

$$c > g > \theta > \sqrt{F} > s > R > S > i > F > 0,$$

В этом ряду норма государственных расходов с весьма низкой их общественной эффективностью больше нормы налогового бремени (заведомое перенапряжение экономического потенциала), а норма инвестиций и их общественная эффективность одновременно меньше корня квадратного из темпа экономического роста, что свидетельствует о недопустимо низкой эффективности инвестиционной политики (государственной инвестиционной программы) и, что интересно, заведомо завышенном (возможно в пропагандистских целях перед очередными выборами) утвержденном госорганами темпом экономического роста, в свою очередь, численно меньшим уровня инфляции.

Примером катастрофического состояния макроэкономической системы является следующий иерархический ряд МЭП:

$$i > g > \sqrt{F} > \theta > s > R > S > c > 0 \text{ (ноль)} > F,$$

с чрезвычайно высокой инфляцией (гиперинфляцией) и низкой нормой потребления, неудовлетворительной собираемостью налогов и отрицательным темпом экономического роста («проеданием запасов»).

Ниже на рис. 2 приводится графическое отображение возможных вариантов налоговой политики (бесконечное множество выбора («поле»)) практически всех теоретически возможных значений средней налоговой нагрузки – налогового бремени).

Основное пространство («налоговое поле») выбора численного значения налогового бремени заключено между четырьмя границами, определяемыми:

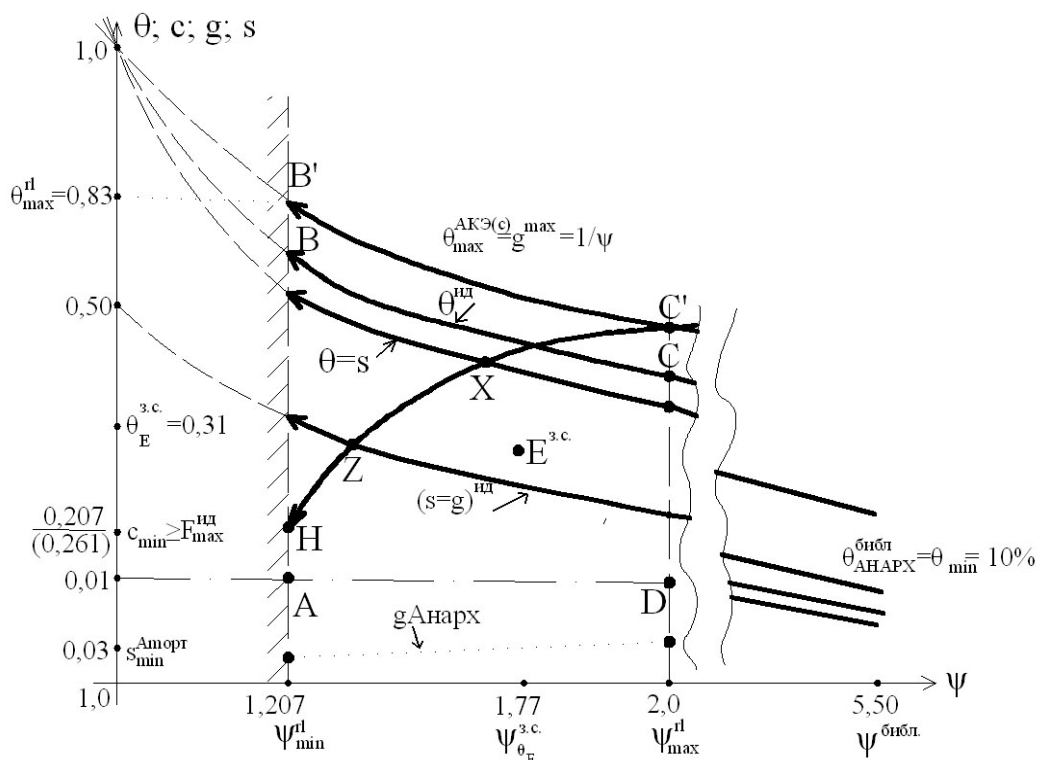

Рис. 2. Графическое отображение «поля множества значений налогового бремени» и основных направлений (параметров) налоговой макроэкономической политики (заштрихованы области невозможных значений Ψ : меньших, чем Ψ_{\min}).

а) линией (отрезком) AD, – знаменитым библейским требованием «десятины», по авторскому мнению, сродни анархизму, то есть наименьшему налоговому бремени в социально организованной (в том числе анархически или религиозно) группе людей: $\theta_{\text{Анарх}}^{\text{Библ}} = 0,10$;

б) кривой (отрезком) B¹C¹, – соответствующей максимально возможному значению налоговой нагрузки, – $\theta^{\text{MAX}} = g_{s=0}^{\text{MAX}} = 1/\Psi$, имевшему место в административно-командных экономиках (системах АКЭ(С) – «единых фабриках» с господством государственной собственности (например, в СССР); или BC – кривой идеальной средней налоговой нагрузки; $\theta_{\text{дд}} = 1/(2\Psi - 1)$

в) прямой (отрезком AB¹), параллельной оси θ , определяющей минимально возможное значение обобщенного показателя структурной эффективности СОЭ, равное: $\Psi_{\min} = 1,207$ [6, с. 33];

г) прямой (отрезком DC¹), параллельной оси θ , определяющей максимально возможное значение обобщенного показателя структурной эффективности СОЭ в реальных, исторически и статистически подтвержденных границах, равное: $\Psi_{\text{макс}}^{\text{реал}} = 2,0$.

Очевидны два характерных (экстремальных, геометрических) направления макроэкономической политики («налоговый крест»):

а) по прямой из точки A[$\Psi_{\min} = 1,207$; $\theta_{\text{Анарх}}^{\text{Библ}} = 0,10$] в точку C¹[$\Psi_{\text{макс}}^{\text{реал}} = 2,0$; θ^{MAX}], что эквивалентно переходу от «от анархической к административно-командной экономике-АКЭ(С)»;

б) по прямой из точки B¹[$\Psi_{\min} = 1,207$; $1/\Psi_{\min} = 1,207$] в точку D[$\Psi_{\text{макс}}^{\text{реал}} = 2,0$; $\theta_{\text{Анарх}}^{\text{Библ}} = 0,10$], что эквивалентно переходу «от суперАКЭ(С) к архианархической экономике».

Легко высчитываемая точка E пересечения этих направлений определяет, по мнению автора,

«золотосерединное» значение средней налоговой нагрузки в «усредненной экономике», равное $\theta_E^{3.c.} = 0,31$ (весьма близкое к показателю среднего налогового бремени в США и Японии, – около 30%), при $\psi_E^{3.c.} = 1,77$ (также очень близкое к японскому, равному 1,81), определяющее «ядро» налоговой политики и его исторический «дрейф».

Интересными являются также три характерные «тройственные» точки налогового поля, расположенные на кривой нормы потребления $HC^I = 1 - 1/\psi$, в которых одновременно соблюдается равенство трех (и более) разных МЭП:

а) точка X, пересечения кривых нормы потребления и кривой равенства нормы налогового бремени и инвестиций, в которой $c = \theta = s$;

б) точка C^I, пересечения кривых нормы потребления и кривой равенства максимальных значений средней налоговой нагрузки и государственных расходов в АКЭ(С), в которой $c = \theta = g$;

в) точка Z, пересечения кривых нормы потребления и кривой равенства максимальных значений государственных расходов и инвестиций и их общественных эффективностей: $c = g = s = R = S$ – идеальная цель идеальной макроэкономической стратегии – «магистральная траектория» любого развитого государства (как близкий реально существующий вариант – «шведский социализм»).

На рис. 2 приведена высчитанная автором на основании [6, с. 32] «анархистская» кривая нормы государственных расходов, минимальное значение которой равно 1,9%, а максимальное – 4,4%. Мировая статистика настаивает на минимальной норме инвестирования, не меньшей средней нормы амортизационных отчислений, – $s_{Амортз}^{MIN} = 3\%$, которая и указана на этом же рисунке. Приведено также максимально возможное значение средней нормы налоговой нагрузки: $\theta_{max}^{rl} = 0,83$, которое делает понятным близкое к нему значение налогового бремени в Швеции. Для более подробного анализа вариантов налоговой политики (выявления и обоснования соотношений между основными МЭП) приведены также из рис. 1: кривая идеальной нормы налогового бремени: $\theta^{ИДЕАЛ} = 1/(2\psi - 1)$ и кривая идеальных значений норм государственных расходов и инвестиций: $(s=g=R=S)^{ид} = 1/2\psi$.

Безусловно, размер, знак и структура сальдо платежного баланса страны оказывают сильное влияние на качество макроэкономического состояния. Например, положительное сальдо соответствующей экономики, безусловно, в денежном (количественном) отношении повышает ее эффективность. И наоборот, отрицательное сальдо платежного баланса снижает качество макроэкономической политики. При этом особое значение приобретает товарная структура экспорта и импорта. Очевидна неперспективность преобладания в структуре экспорта ограниченных природных ресурсов в обмен на продовольствие и невысокотехнологичную (заведомо отсталую от передового мирового уровня) продукцию.

Несомненно, авторская модель экономики (несмотря на ее кажущуюся парадоксальность), имела место в период 1879–1897 гг. в реальной экономике США («Золотая эпоха» золотого стандарта, введенного в 1879 г.). В результате США вышли на первое место в мире по объему ВВП и промышленного производства, на лидирующие позиции в мировой экономике [12, с. 30]. Модель хорошо отражает известные периоды парадоксальных взлетов экономических систем в СССР и Германии, Японии, Южной Корее, Китае.

Автор полностью сознает основные ограничения своей модели, которая не может быть полностью адекватна реальности, поскольку речь идет о человеческой деятельности, развивающейся в необратимом времени, несводимости общественного прогресса, развития человека к увеличению денежных доходов или к преумножению материального богатства, темпов экономического роста. Несовершенство людей и их отношений делает значимым фактор случайности, неопределенности.

Аналитические методы, назначением которых должно служить преодоление субъективизма в принятии решений, на деле нередко используются в качестве одного из инструментов политической борьбы. Следовательно, экономисты в любых обстоятельствах не должны слепо копировать политический процесс, обязаны стать блюстителями общественной дальновидности в экономических вопросах.

Автором приведены в связи с этим соответствующие зависимости [9, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: Энциклопедия, 1994. – 576 с.
2. Овсиенко Ю.В. Устойчивое развитие: концепция и стратегические ориентиры / Ю.В. Овсиенко, Е.Н. Бизяркина, Н.Н. Сухова // Экономика и математические методы. – 2007. – № 4. – С. 57–71.
3. Губанов С. Рост без развития и его пределы / С. Губанов // Экономист. – 2006. – № 4. – С. 5–19.
4. Самуэльсон, П. А. Экономика: вводный курс: [пер. с англ.] / П.А. Самуэльсон ; редакторы: А.В. Аникин, А.И. Шапиро, Р.М. Энтов; вступ. статья А.А. Арзуманяна; общ. ред. и послесловие А.С. Кудрявцева. – М.: Прогресс, 1964. – 842 с.
5. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
6. Владимиров С.А. О моделировании сбалансированной экономики / С.А. Владимиров // Общество и экономика. – 2010. – № 6. – С. 31–48.
7. Владимиров С.А. О научном обосновании экономической эффективности стратегической сбалансированной программы государственных инвестиций / С.А. Владимиров // Инновации. – 2006. – № 2. – С. 28–34.
8. Владимиров С. А. Методология оценки и анализа экономической эффективности инвестиционных проектов в строительстве : автореф. дис. ... эконом. наук : 08.00.05 / С. А. Владимиров ; Санкт-Петерб. гос. инжен.-эконом. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 26 с.
9. Владимиров С. А. Экономическая эффективность инвестиционной деятельности в строительстве: теория и практика : науч. изд. / С. А. Владимиров ; Федеральное агентство по образованию, Санкт-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. – Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2006. – 168 с. : ил.
10. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. – М.: Госиздат, 1924. – 223 с.
11. Экономико-математический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Данилова-Данильяна. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 688 с.
12. Иноземцев В.Л. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность / В.Л. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения – 2008 – № 5 – С. 27–36.

ПРОБЛЕМЫ И ДИСПРОПОРЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ермолаев Михаил Борисович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
кафедра экономики и финансов, профессор
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: ermol_mb@mail.ru

Миролюбова Анастасия Александровна

доктор экономических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
кафедра экономики и финансов, доцент
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: ermol_mb@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем и диспропорций в научно-образовательном секторе постсоветской России. Авторы анализируют соответствующую статистику по Центральному Федеральному округу РФ. В результате анализа сделан вывод о неэффективности указанного сектора. Авторы статьи показывают, что результаты деятельности высших учебных заведений РФ не оказывают существенного положительного воздействия на реальный сектор отечественной экономики. В российском материальном производстве в настоящее время используются, замечают авторы статьи, преимущественно не оригинальные, а заимствованные технологии.

Ключевые слова: проблемы и диспропорции; высшие учебные заведения РФ; научная и образовательная деятельность; влияние науки и образования на реальный сектор экономики; Центральный Федеральный округ РФ; развитие

Код УДК: 330.1

Annotation. Article is devoted to research of problems and disproportions in scientific and educational sector of Post-Soviet Russia. Authors have analyzed the corresponding statistics on Central Federal District of Russian Federation. Inefficiency of the specified sector is concluded as a result of this analysis. Authors show that results of activity of higher educational institutions of the Russian Federation don't make essential positive impact on real sector of domestic economy. Authors notices that Russian production of goods uses mainly not the original but borrowed technologies.

Keywords: problems and disproportions; higher educational institutions of the Russian Federation; scientific and educational activity; influence of science and education on real sector of economy; Central Federal District Russian Federation; development

Экономическое предназначение образования состоит в его активном влиянии на повышение эффективности общественного труда и развитие производительных сил страны. Поэтому рассмотрение науки и образования, очевидно, следует увязывать с реальным сектором экономики, что можно достаточно условно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

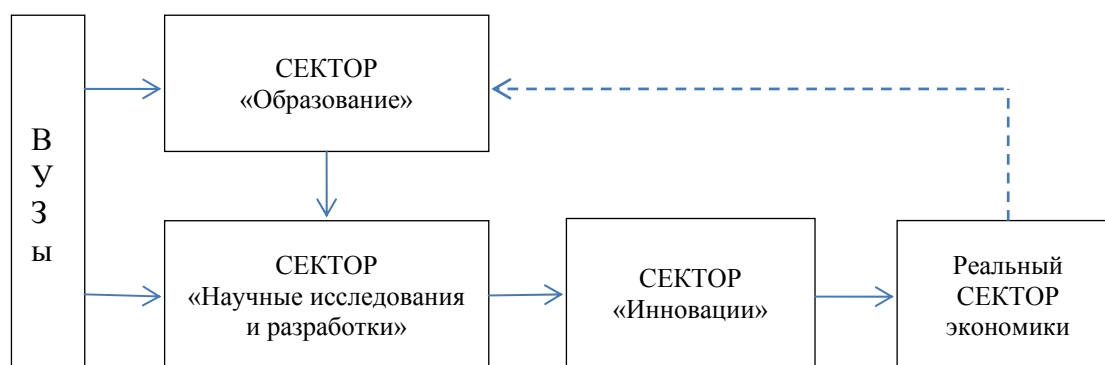

Рис. 1. Место образования в воспроизводственном процессе

Высшие учебные заведения готовят кадры как для научно-исследовательского, так и для реального секторов экономики. В рамках вузов (в том числе и организаций, занимающихся НИР) создается интеллектуальная собственность (патенты, инновационная продукция, услуги и т.п.), являющаяся основой для стратегического развития территории и повышения эффективности реального сектора экономики. Мы попытались проанализировать динамику показателей на примере Центрального федерального округа, в той или иной мере отражающих каждый из выделенных блоков за достаточно длительный промежуток времени (~ 20 лет).

Первый блок показателей (табл. 1) отражает динамику номинальной результативности образовательного сектора. Достаточно отчетливо прослеживается тенденция роста численности студентов и числа вузов до 2008 года. Однако драйвером данного явления, по-видимому, было повышение спроса со стороны работодателей, а по большей части менталитет людей («пригодится» в силу доступности получения образования, стало модным иметь два высших образования; для молодых людей отсрочка от службы в армии и др.).

Таблица 1

Статистические показатели, характеризующие сектор «Образование» по ЦФО

Наименование показателя	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Число высших учебных заведений, на начало учебного года	250	321	378	428	417	410	377
Численность студентов высших учебных заведений на начало учебного года, тыс. чел.	901,4	1489,9	2167,2	2215,9	2005,5	1852,9	1746,9
Прием студентов в высшие учебные заведения на начало учебного года, тыс. чел.	222,2	388,3	499,8	416,3	350,4	380,8	380,5
Выпуск специалистов высшими учебными заведениями на начало учебного года, тыс. чел.	134,2	213,2	343,5	483,2	472,1	454,9	417

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики [1]

Любопытно отметить, что увеличение числа высших учебных заведений и, как следствие, числа студентов происходило параллельно с ростом нефтегазовых доходов, которые занимали и занимают существенную долю ВВП России более половины доходной части государственного бюджета (более 50%). Данный рост был обусловлен, в первую очередь, значительным повышением цен на энергоносители (рис. 2).

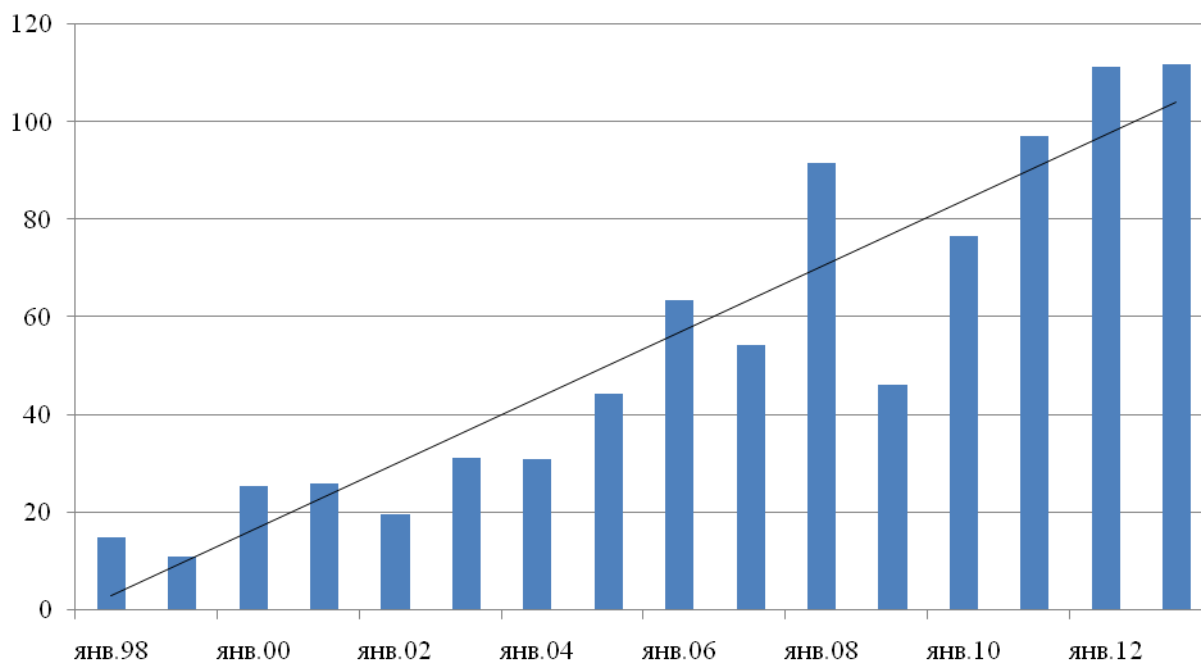

Рис. 2. Динамика цен на нефть Brent (ICE.Brent), USD/баррель

Источник: Обзоры цен на нефть и металлы [2]

На наш взгляд, увеличение выпуска специалистов по большей части не сопровождалось повышением интеллектуального потенциала и, в конечном итоге, стоимости внутреннего интеллектуального капитала страны. Начиная с 2009 года, число высших учебных заведений и численность студентов медленно, но верно сокращается (сокращение выпуска студентов наблюдается с 2011 года). С одной стороны, это связано с демографическими процессами, с другой стороны, с повышением требований и оптимизации сети учреждений профессионального образования.

Второй блок (табл. 2) характеризует динамику научно-исследовательской деятельности и свидетельствует о существенном сокращении числа организаций и персонала, занимающихся НИР в анализируемый период времени. На этом фоне за тот же период прием в аспирантуру вырос более чем в 2 раза; в докторантуру – в 1,4 раза. Эта тенденция объясняется отчасти с возросшими потребностями в профессорско-преподавательском составе в силу увеличения численности студентов, а по большей мере престижностью иметь ученую степень, в частности, среди работников государственного и финансового сектора управления. Вместе с тем, можно отметить, что доля численности выпускников с защитой диссертации в общей численности выпускников на протяжении рассматриваемого периода остается примерно постоянной и колеблется от 0,2 до 0,3. Таким образом, эффективность деятельности института аспирантуры и докторантуры представляется весьма сомнительной.

Таблица 2

Статистические показатели, характеризующие сектор «Научные исследования и разработки» в ЦФО

Наименование показателя	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Число организаций, выполняющих исследования и разработки, ед.	1569	1631	1393	1358	1365	1318	1327
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	544759	455985	408330	381795	380363	373461	375087
Исследователи с учеными степенями	69715	61887	56385	61113	61360	59687	59890
Прием в аспирантуру	11714	18210	19395	22011	20315	19029	16003
Выпуск из аспирантуры, чел.	6180	10990	14176	14223	14182	14322	14443
Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, чел.	1372	3098	4260	3871	3980	3712	3720
Прием в докторантуру, чел.	451	577	534	595	612	573	570
Выпуск из докторантуры, чел.	256	477	522	457	469	496	480
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации, чел.	66	207	213	117	135	148	110
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. руб.	6077	3827	120183	288960	331759	369070	398597

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики [1]

Третий блок (табл. 3) демонстрирует динамику показателей инновационной деятельности. Имеет место рост практически всех инновационных показателей. Например, число выданных патентов за период с 1997г. по 2013г. выросло примерно на 30%, число разработанных передовых производственных технологий – на 40%. Характерно, что число *используемых* передовых производственных технологий выросло более чем в 4 раза. То есть в производстве использовались в основном не оригинальные, а заимствованные технологии.

Таблица 3

Статистические показатели, характеризующие инновационный сектор в ЦФО

Наименование показателя	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Поступление патентных заявок	7185	11903	19571	19571	17939	20032	20360
Выдача охранных документов	12897	8423	11654	15296	15446	15772	16271
Затраты на технологические инновации, млн. руб.	1921	20999	30869	103963	275677	304872	305199
Разработанные передовые производственные технологии	362	259	200	361	411	382	509
Используемые передовые производственные технологии	14537	22632	46683	68945	63078	62796	60829
Инновационная активность организации, %	н.д.	10	10,3	8,6	10,2	10,9	10,7
Объем инновационных товаров, услуг, %	н.д.	7,4	5,6	4,3	5,5	10,2	11,4

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики [1]

В контексте сопоставления показателей второго и третьего блока опять же заметим, что увеличение числа выпускников с защитой кандидатских диссертаций, которые потенциально являются производителями научных идей и объектов интеллектуальной собственности, не приводит к увеличению объема инновационных товаров. Соответствующий коэффициент корреляции между этими показателями равен $(-0,114)$. Для полноты исследования нами был проведен корреляционно-регрессионный анализ воздействия девяти показателей, традиционно фигурирующих в разделе «Научные исследования и инновации» в сборниках Росстата, на душевые валовые региональные продукты в рамках ЦФО. Данный анализ проводился по данным отдельно за 2000, 2005, 2010 и 2013 г. Как оказалось, построенные статически значимые линейные регрессии содержали по одному инновационных фактора. Ни в одном из четырех случаев в качестве фактора, значимо воздействующего на душевой ВРП, не фигурировал показатель научно-исследовательского блока. Тем самым, статистическим путем была выявлена проблема разрыва между показателями образования и НИР, с одной стороны, и реального сектора экономики, с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия, Белоруссия и Казахстан объединились в Евразийский экономический союз // Российская газета. – 2014. – 30 мая.
2. Обзоры цен на нефть и металлы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fx-commodities.ru/oil/>

О СУДЬБЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ФРАЙМОВИЧА Д.Ю.)

Брагина Зинаида Васильевна

доктор технических наук, профессор. НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий», проректор.
Заслуженный деятель науки РФ.
г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: bragzv@yabdex.ru

Аннотация. Автор, член диссертационного совета по экономике и инновациям, размышляет о судьбе – практическом применении защищаемых работ по «инновационной» теме. На примере диссертации Д.Ю. Фраймовича, представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук, она показывает, как потенциально высоки научная новизна, актуальность и реальная значимость защищаемых работ. В то же время автор с сожалением замечает, что их положения и выводы зачастую не получают должного применения на практике, в результате задача новой индустриализации не получает достаточного теоретического подкрепления. По мнению автора, поправить положение может соответствующее вмешательство государства, правительства РФ.

Ключевые слова: оценка; инновационное развитие; методология; динамика; диссертация; внедрение

Код УДК: 330.1

Annotation. The author being, the member of dissertation council on economy and innovations, thinks of a destiny and practical applications of works on an «innovative» subject. On the example of D.Y. Fraymovich's work submitted to the competition of an academic degree of the Doctor of Economics she shows how potentially high are scientific novelty, relevance and the real importance of the protected thesises. At the same time the author notices with regret that their provisions and conclusions often don't receive due practical application, as a result the problem of new industrialization doesn't receive a sufficient theoretical reinforcement. According to the author, the corresponding intervention of the state (Government of the Russian Federation) should fix the situation.

Keywords: valuation; innovation development; methodology; dynamics; dissertation; introduction

В диссертационном совете при Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова 19 июня 2015 года защищена докторская диссертация. Автор её – Фраймович Денис Юрьевич. Работа интересная. А главное, она полезна нашей хозяйственной практике. Результаты работы нужны, они нужны были еще «вчера».

Несколько слов о сути диссертационного исследования. Модернизация Российской экономики касается всех сфер жизнедеятельности человека: производственно-технологического сектора, социальной сферы и организации управления современной экономикой. Фраймович Д.Ю. утверждает: организационные механизмы модернизации должны базироваться на качественном мониторинге происходящих в регионах инновационно-воспроизводственных процессов.

(Правильно: чтобы знать, куда идти, надо понимать, а где ты находишься). Он разработал систему методов и алгоритмов (обеспеченных композицией программных продуктов) анализа функционирования российских территорий, обеспечивающих объективное и качественное исследование их состояния и разработки направлений их развития. Чтобы осознать масштабность разработки Фраймовича, **назову некоторые инструменты:**

1. Комплексного мониторинга по источникам региональных капиталовложений, приоритетным объектам инвестирования, эффективности финансирования различных сфер регионального хозяйства, альтернативам инвестиционной привлекательности.

2. Распределения налоговых и других стимулирующих преференций между регионами или районами внутри регионов.

3. Сопоставления предпринимательского климата социально-экономических систем и формирования на этой основе мероприятий, повышающих эффективность внедрения нововведений на конкретных территориях.

4. Сопоставления модернизационного потенциала региона, что позволяет выявлять недоиспользованные ресурсы внутри федерального округа.

5. Оценки инновационно-воспроизводственного развития региона.

6. Оценки инновационной динамики территориального образования, аккумулирующей ретроспективный массив данных по освоению высоких технологий в нем.

7. Группировки территориальных образований, которая дает обоснованное представление об их реальных позициях и возможных векторных источниках высокотехнологичного развития.

8. Выявления отраслевых перспектив с целью максимально-эффективной реализации ресурсно-воспроизводственного потенциала региональной и национальной социально-экономических систем.

Безусловно, этим практико-ориентированным разработкам предшествовала огромная теоретическая работа. Диссертационный совет признал, что соискатель разработал концептуальный механизм осуществления инновационной модернизации в России, определяющий предпосылки и направления необходимых трансформаций на основе детализации ключевых взаимосвязей между сферами (промышленно-предпринимательской, научно-образовательной, институциональной) народно-хозяйственного комплекса. А чтобы такой механизм разработать, соискатель изучил классические представления об устойчивости и определил базовые характеристики устойчивости процессов в социально-экономических системах в виде статистически предсказуемых траекторий развития. Он раскрыл наиболее проблемные аспекты мониторинга инновационных процессов, предшествующие адекватному восприятию реальных позиций региона как с точки зрения ее внутренней динамики высокотехнологичного развития, так и на фоне других территорий. И, наконец, он модернизировал существующий методический аппарат оценки инновационно-воспроизводственного развития территорий посредством обоснованной композиции экономико-математических методов, обеспечивающих получение количественного аналитического материала по разным аспектам стратегий развития регионов.

С моей точки зрения, соискатель предложил методологию, которой сегодня надо пользоваться в практике управленческой деятельности. Если еще раз проанализировать разработанные инструменты и методы, то можно заметить, что он предлагает когнитивно-креативные технологии подготовки управленческих решений. Когнитивные потому, что они позволяют получить в формализованном виде оценку неявных, латентных процессов. Никто из нас электрический ток своими глазами не видел, мы можем наблюдать его проявления посредством разных устройств. Многие экономические процессы мы тоже не можем наблюдать, пока не сотворим «устройство»

проявляющее течение или результат этого процесса. Соискатель нам предложил такие «устройства» в виде новых системных показателей, характеризующих проявление или результаты экономических процессов, связанных с инновационным развитием территорий. Он это теоретически обосновал и проверил на практике. Убедился: работает.

Креативные потому, что каждый из предложенных методов концентрирует в себе многомерное пространство признаков. Человеческие способности в осмыслении объективной реальности или обособленных процессов ее позволяют ему ориентироваться не более чем в трех измерениях. Методы многомерного статистического анализа работают с информационными массивами, в тысячи раз превышающими человеческие возможности. Это и позволяет получить версии решений, более адекватные позитивному развитию проблемы. Поиск решения в многомерном пространстве признаков позволяет дополнить (укрепить) профессиональные компетенции аналитиков–сотрудников органов государственного и муниципального управления региона – искусственным интеллектом.

Но как работают когнитивно-креативные технологии подготовки управленческих решений? Почему им надо придавать столь большое значение. Конечно, это связано далеко не только с автоматизацией обработки информации и, как следствие, сокращением трудоемкости, а, следовательно, численности сотрудников государственных и муниципальных органов управления

Чтобы подготовленное решение было наиболее объективным, рабочее место специалиста (чиновника) должно быть вмонтировано в единое информационное пространство, наиболее полно характеризующее состояние проблемы, на которую распространяются полномочия специалиста. Мы привыкли к калькулятору. Мы утратили навык умножения или деления цифр, или извлечения корня из числа. Зато владеем новым навыком: знаем, какие клавиши надо нажать для получения результата. Что в этом хорошего? Мы не вникаем в технологию процесса вычисления, мы верим, что устройство это сделает быстрее и лучше нас, поскольку ради обеспечения этой уверенности много лет работали ученые разных научных направлений и специалисты разных профессий. То же самое должно произойти с функциональным и методическим оснащением рабочего места. Специалист должен владеть комплексом функциональных компетенций на уровне их информационного и модельного представления. Осознавая вверенные ему полномочия и возложенную на него ответственность, он фиксирует пространство условий – ресурсов, влияющих на его решение.

Персональный компьютер, оснащенный унифицированным программным обеспечением, используя информацию из единого информационного пространства, готовит версию решения. Вот эта часть работы публична. (Я понимаю, что даже мысль о такой возможности вызовет протест в душе специалиста) Я называю эту работу публичной потому, что ввод данных в базу систематически (не одноразово) выполняют сотрудники органов статистики, налоговых инспекций, регистрационных палат, таможни и др. служб и организаций. Специалист «имеет доступ» к сегменту информационной базы. Точнее, доступ имеет даже не специалист, а программный продукт, который воспроизводит конкретную сферу его профессиональной деятельности. Проект решения формируется программным продуктом, при создании которого были учтены все тонкости моделируемого процесса. Есть основания считать, что результат, т.е. проект решения будет наиболее объективным. Такую версию решения получит ответственный сотрудник. У него не было затрат времени на подготовку информации, на выполнение расчетов. В этих условиях его основная работа – анализировать версию решения, основываясь на профессиональной интуиции и, конечно, своей компетентности. И еще одно немаловажное обстоятельство. Проект решения публичный, он доступен многим. Его непросто встроить в сеть коррупционных интересов личности или группы лиц.

В заключение в связи с высказанным считаю необходимым заметить следующее. Докторская диссертация – это большая, ответственная работа. Это, по меньшей мере, решение народнохозяйственной задачи.

Но существует ли у нас в России управление внедрением предложенного способа решения актуальной государственной задачи? Естественно, что этого нельзя ждать от соискателя. Он исследователь, у него нет ни полномочий, ни ресурсов. Какой механизм обеспечит получение нашим государством эффекта от использования результатов проведенного исследования, причем признанных научным сообществом как достоверных результатов? Да, созданы бизнес – инкубаторы, организованы в регионах центры трансферта технологий, в региональных администрациях есть департаменты, курирующие инновационное развитие территории, наконец, есть министерство регионального развития. Но в чьи полномочия включена актуализация результатов научных исследований, выполненных в качестве диссертаций? Разве в диссертационных работах не сконцентрированы креативные способности наших современников? Или, выполняемые ими исследования не являются актуальными для экономики России? Если «да» – сконцентрированы и «да» – актуальны, то почему этот уникальный ресурс не востребован практикой? Кому даны полномочия по организации использования креативности молодого поколения России для обеспечения эффективного развития ее экономики? На кого возложена ответственность за эффективность использования креативности наших научных работников?

Не сомневаюсь: если бы этой проблеме в нашей России было уделено достойное внимание, не уезжали бы молодые талантливые ученые за границу ради реализации своего креативного потенциала. Тогда ограниченные ресурсы на модернизацию экономики России активнее бы способствовали исполнению важнейшей суверенной функции государства: поддерживать уровень качества жизни населения во всех регионах России уж если не на одном уровне, то хотя бы на близком уровне, мало отличающемся от высокого.

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЭВОЛЮЦИИ БАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ

Кладова Анна Анатольевна

соискатель ученой степени кандидата экономических наук. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: kladova.aa@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты выполненного автором в ключе политэкономической концепции конкуренции и ее развития исследования особенностей диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России. Автор выделяет три этапа такого взаимодействия, а также предлагает модель спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

Ключевые слова: банковская конкуренция; угасание; обострение конкуренции; развитие; возможность; преимущество

Код УДК: 339.137.2

Annotation. The article presents the results of the author's research of the specifics of dialectic relationship between the tendencies of extinction of competition and aggravation of competitive struggle in the development of bank competition in Russia. The author covers three stages of such relationship and suggests a model of spiral development of competition in Russian banking market.

Keywords: bank competition; extinction; aggravation of competition; development; opportunity; advantage

В науке и философии категория «диалектика» понимается в двух основных значениях: в широком, общем смысле слова и в узком понимании. В соответствии с первым из них под ней понимаются взаимно увязанные противоречия и их разрешения в различных сферах природы и общества, а сам термин в этом значении применяется, например, когда говорят о диалектике Платона, о диалектике природы, о диалектике «Капитала» К. Маркса, о диалектике общественного развития и т.д. Узкое значение термина «диалектика» подразумевает учение о всеобщих категориях, систематически развернутых в целостную логическую систему, которых, по мнению А.С. Казеннова, к настоящему времени разработано всего три:

- логическое учение Аристотеля, изложенное в комплексе трактатов, в том числе наиболее полно в работе «Категории»;

- учение о трансцендентальных категориях И. Канта, систематизированное И. Фихте и И. Шеллингом;

- логическое учение Г. Гегеля, изложенное в «Науке логики» [7, с. 33].

Еще одним подходом к пониманию диалектики является выделение двух ее проявлений: всеобщей диалектики как объективно действующей системы законов (логос) во всех сферах: природе, обществе и в самом мышлении, присущей всему миру в целом и каждому предмету в отдельности, и частной диалектики как проявления и выявления всеобщей диалектики в конкретных сферах, применения всеобщей диалектики к какой-то конкретной предметной области. При этом частная диалектика может быть (и чаще всего является) субъективной по форме, однако ее содержание всегда объективно. С этой точки зрения, применение всеобщей диалектики к частной предметной области может рассматриваться как диалектический метод соответствующей науки [7, с. 34]. Отталкиваясь от сказанного, а также опираясь на три выделенных философией основных закона диалектики (закон единства и борьбы противоположностей как источник развития, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания [14, с. 182]), в настоящей статье на основе представленных в ряде предыдущих публикаций [5; 6] анализа конкурентной среды российского банковского сектора, сущности банковской конкуренции в России, ключевых тенденций ее эволюции мы выявим особенности взаимодействия указанных тенденций в конкретно-исторических условиях современной российской экономической действительности и определим траекторию движения конкуренции в отечественном банковском секторе в ходе ее развития. Отправной точкой наших рассуждений являются описанные нами в предыдущих публикациях две противоположные тенденции в развитии конкурентных отношений между субъектами, оперирующими в рамках российского банковского сектора: тенденции угасания конкуренции и тенденции обострения конкурентной борьбы.

На первый взгляд, может показаться, что, угасая и двигаясь по траектории «совершенная конкуренция – монополистическая конкуренция – слабая олигополия – тесная олигополия – монополия», банковская конкуренция в России должна изживать ситуации острой конкурентной борьбы посредством комплекса традиционных и в какой-то степени «инновационных» методов, особенно учитывая изначально неравный модифицированный состав субъектов, конкурирующих на российском банковском рынке. Тем не менее, поверхностное противоречие указанных тенденций, как и самих монополии и конкуренции в целом, может рассматриваться как субъективная форма их взаимодействия, тогда как содержательный аспект такого взаимодействия, по нашему глубокому убеждению, состоит в их диалектическом единстве, порождающем развитие конкурентных отношений по той или иной траектории.

Вызовы упрощенному пониманию, противопоставляющему монополизацию как угасание конкуренции и конкуренцию, были брошены еще в позапрошлом веке. В частности, К. Маркс отмечал, что в практической жизни присутствуют не только конкуренция, монополия и их антагонизм, но и их синтез, который представляет собой не формулу, а движение [4, с. 237]. Более сложную, чем простой антагонизм, связь между конкуренцией и монополией отмечал и В.И. Ленин, по утверждению которого «свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» [9, с. 8]. Более того, В.И. Ленин считал порождение монополии концентрацией производства общим и основным законом современной для него стадии развития капитализма [9, с. 9], однако при этом, по его мнению, «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют её, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» [9, с. 70].

Стремительное развитие идеи о наличии взаимосвязи и взаимодействия между монополией и конкуренцией получили в связи с созданием Э. Чемберлином теории монополистической конкуренции, которая «есть, безусловно, нечто отличающееся и от чистой монополии, и от чистой конкуренции» [13, с. 119]. Благодаря дифференциации, понимаемой как «специфические особенности любого единичного предприятия, которые не могут быть воспроизведены» [13, с. 173],

рыночный агент получает возможность получения монопольного дохода, оставаясь при этом конкурентом.

Современная отечественная экономическая наука (как правило, вне ее мейнстрима) также исследует разнообразные аспекты взаимодействия между монополизацией экономики и обострением в ней конкурентной борьбы. Как упоминалось выше, один из наиболее комплексных, системных взглядов на диалектическое взаимодействие тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии конкурентных отношений предложен в работах В.А. Гордеева [4], выполненных в ключе нового парадигмального мейнстрима экономической науки – теоретической экономики.

Опираясь на неоклассический инструментарий, вопросы ограничения и модификации конкуренции в монопольных рыночных структурах освещает в своем диссертационном исследовании М.В. Петрищев. По мнению ученого, чистая монополия устраняет рыночную конкуренцию, однако, учитывая, что на эмпирическом уровне понятие «чистая монополия» фактически отвергается, речь о ее существовании предлагается вести в пределах производства и продажи одного рода товара и в определенных границах его рынка [12, с. 181–182]. Отталкиваясь от описанных неоклассическими экономистами структур рынка, М.В. Петрищев выделяет семь типов таких сочетающих монополию и конкуренцию структур, располагая их в порядке убывания конкуренции, причем точкой отсчета (что мы считаем справедливым) служит совершенная конкуренция. Актуальным для нашего исследования является тезис М.В. Петрищева о том, что в «неравнодолевой» олигополии (то есть олигополии, немногочисленные участники которой имеют разные доли рынка) возможно существование иерархической структуры с выделением лидера, вице-лидера и аутсайдеров, то есть фактическое наличие в рамках монополизирующейся структуры рынка вертикальной и горизонтальной конкуренции [12, с. 198–199].

Н.Н. Никитина справедливо отмечает, что «конкуренция и стремление к монопольной позиции заложены в самом суверенитете товаропроизводителей с их индивидуальными экономическими интересами, в их экономической свободе, хозяйственной свободе, стремлении к максимизации прибыли. При этом конкуренция по своей сути представляется динамичным, обновляющим, вместе с тем нарушающим началом отживающих систем, а монопольные механизмы – это консервативное, ограничивающее, упорядочивающее начало. Конкуренция порождает движение, развитие, монополия вводит его в организационные берега, охраняет его плоды, обеспечивает устойчивость нового уровня богатства и потребления. Указанные начала универсальны: их синтез формирует любое движение в экономике» [11, с. 8].

С учетом указанных теоретических положений мы в самом общем приближении рассматриваем диалектическое взаимодействие тенденции к угасанию конкуренции и тенденции обострения конкурентной борьбы как берущий начало от совершенной конкуренции процесс попеременных пиковых состояний каждой из указанных тенденций в рамках общего развития конкуренции. Исходя из сказанного, обе из рассматриваемых тенденций одновременно присутствуют в экономике в целом и в ее отдельных секторах, в частности. Однако при этом в ходе развития конкуренции (при этом «развитие» вовсе не означает ее восходящего движения от менее совершенного к более совершенному состоянию) то одна, то вторая из этих тенденций являются ведущими, поскольку на соответствующих этапах конкурентная среда, эндогенный и экзогенный ее каркасы обуславливают то необходимость динамического, обновляющего движения системы, то потребность в некотором торможении, успокоении, стабилизации ее состояния. Смена этих потребностей системы в соответствии со вторым законом диалектики происходит при превышении «меры», то есть границы, после перехода которой «накапливающиеся» в системе элементы монополизации или, напротив, обострения конкурентной борьбы приводят к скачку в развитии системы и переходу ее в новое качественное состояние.

При попытке наложить предлагаемую нами модель общего случая диалектического взаимодействия между тенденциями угасания и обострения на конкуренцию в банковском секторе России, мы сталкиваемся с рядом специфических аспектов создания и функционирования данного сектора, которые обуславливают потребность в некоторой модификации данной модели. В первую очередь, особенностью российского случая является то, что стартовой позицией процесса диалектического взаимодействия угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в отечественном банковском секторе была не совершенная, а скорее монополистическая конкуренция, возникшая в связи с отчасти принудительным генезисом сектора на руинах государственно-монополизированной сети кредитных учреждений (именно учреждений, а не организаций). Генетически унаследованная от административно-командного периода мощная роль государства в рассматриваемой сфере изначально не могла бы быть совместима даже с краткосрочным периодом совершенной конкуренции, хотя формально период экстремального роста числа банков в России с началом либерализации ее экономики может создавать впечатление именно такой структуры рынка.

Во-вторых, специфической российской особенностью диалектического взаимодействия тенденций угасания и обострения в развитии банковского сектора является тот факт, что обе они порождаются (прямо и / или косвенно) конкурентным поведением государства как субъекта конкурентной борьбы на банковском рынке и как одного из ключевых институтов социально-экономической системы страны. Это придает самим тенденциям (вернее, их внешнему проявлению) и их взаимодействию некоторую механистичность, произвольность, отграничивающую их от общего случая рассматриваемого взаимодействия, которое, как мы полагаем, должно в большей степени происходить благодаря внутренним особенностям рынка.

В-третьих, полноценным началом внешнего проявления тенденции обострения конкурентной борьбы на российском банковском рынке в том значении, которое в нее вкладывается нами в настоящей статье (то есть как, в первую очередь, активизации комплекса методов конкурентной борьбы государства на данном рынке), мы считаем период после 1998 г. (условно – 2000 г.), поскольку именно в период, предшествовавший кризису 1998 г., по данным А.В. Верникова, «в России произошло лавинообразное обрушение системы государственных специализированных банков, госсектор банковской системы России практически «схлопнулся» до уровня примерно 1/3 всех активов и лишь затем начал восстанавливаться» [3, с. 14–15]. Именно упоминаемое А.В. Верниковым «восстановление» мы и рассматриваем в качестве первого этапа «накопления» элементов тенденции обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России.

Таким образом, диалектическое взаимодействие тенденций угасания и обострения конкуренции в российском банковском секторе, по нашему мнению, представляет собой происходящий под контролирующим воздействием государства как субъекта банковской конкуренции процесс попеременных пиковых состояний указанных тенденций в ходе перемещения банковской конкуренции по траектории «монополистическая конкуренция – слабая олигополия – тесная олигополия – монополия». Первым признаком последовательной смены интенсивности проявления тенденций в развитии банковской конкуренции в России, на наш взгляд, могут служить особенности изменения доли активов подконтрольных государству банков в совокупных активах сектора в течение последних четырнадцати лет. В частности, стартовав с посткризисных 35,9% от совокупных активов российского банковского сектора, блок подконтрольных государству банков в период с 2000 г. по 2014 г. смог нарастить значение данного показателя практически вдвое до 60% [16, с. 14]. Столь мощное для довольно короткого промежутка времени разрастание конкурентной позиции государства в пределах конкурентного пространства банковского рынка, концентрация в его руках более половины активов сектора объективно указывают на последовательную монополизацию сектора и, соответственно, угасание конкуренции в нем.

Однако одновременно с этим нельзя не отметить тот факт, что указанное разрастание не было последовательно стабильным, а, напротив, имело ступенчатый характер. Проанализировав проиллюстрированную в работах А.В. Верникова [16, с. 168] динамику изменения доли активов государства в совокупных активах российского банковского рынка, мы пришли к выводу о том, что пиковые скачки указанного показателя приходятся на следующие годы: 2005 г., 2009 г., 2014 г. Между указанными годами, характеризующимися мощными всплесками присутствия государства в банковском секторе, расположились условно «спокойные» и стабильные периоды относительно ровной, практически горизонтальной конфигурации графика динамики рассматриваемого показателя. Таким образом, становится очевидным, что, с формальной точки зрения, ключевым фактором, своеобразным «спусковым крючком» стремительного взлета позиции подконтрольных государству банков по шкале долей в совокупных активах банковского сектора являются имеющие место в экономике вообще или в банковской сфере, в частности, кризисные явления. В разделяющие эти пиковые годы промежутки времени государство в лице подконтрольных ему банков, образно выражаясь, «перегруппируется» и готовится при первых признаках очередного кризиса снова расширить масштабы своего присутствия на рынке.

Первый этап диалектического взаимодействия между тенденцией угасания конкуренции в российском банковском секторе и тенденцией обострения конкурентной борьбы в нем имел место в 2000–2004 г. На указанный период развития банковского рынка в России пришлось, с одной стороны, «низкий старт» конкурентной позиции государства на нем, а с другой – начало активной экспансии на него иностранного капитала [15, с. 114]. Стимулом для государства «собраться с силами» и захватить более широкий сегмент конкурентного пространства в банковском секторе были характерные для этого периода колоссальные темпы активности вкладчиков, которые на фоне роста национальной экономики снизили обычно высокий порог сформированного вследствие кризисов 1992 г., 1995 г. и 1998 г. недоверия к банковской системе. В предшествовавшие кризису 2004 г. два-три года банки, осознавая проблему исчерпания роста за счет корпоративной клиентуры, стали переключать внимание на население, а граждане, сталкиваясь с обесцениванием доллара, понесли деньги в банки. Депозиты населения росли со скоростью 40–50% в год. Причем, население чутко следило за состоянием валютного рынка, принимая решение о форме сбережений. Укрепление доллара относительно рубля обычно приводило к ускорению роста валютных сбережений относительно рублевых и замедлению общего притока средств граждан в банки [2, с. 4].

На фоне столь объемных вливаний поставляемой населением ликвидности в банковский сектор, которые, однако, по большей части поступали в контролируемые иностранным капиталом и частные отечественные банки, государство как субъект банковской конкуренции, дабы обеспечить себе более устойчивое положение, постепенно наращивало интенсивность своей конкурентной борьбы. Основными методами, которые применяло в этот период государство, были лишение сырья и зачистка сектора, пиковые моменты которых пришлось на лето 2004 г. Первый из указанных методов на практике проявлялся в изъятии формально озабоченными целями снижения инфляции до уровня 8-10% по итогам года Банком России ликвидности из банковского сектора за счет депозитных операций и сделок обратного РЕПО. За два первых месяца 2004 г. таким образом он дополнительно привлек около 160 млрд. руб.

В результате реализации данных мер к концу марта 2004 г. вдвое сократился объем средств на корреспондентских счетах коммерческих банков в Банке России и существенно выросли процентные ставки по межбанковским кредитам [2, с. 1]. «Раскачав» этим способом через своего «посредника» банковский сектор, государство добилось того, что уже к концу апреля 2004 г. остатки средств на корреспондентских счетах банков в Банке России сократились до 150 млрд. руб., а процентные ставки межбанковского рынка достигли рекордных за 2003–2004 гг. значений в 20–25%. Поскольку банки активно использовали рынок межбанковских депозитов для финансирования средне- и долгосрочных вложений, то рост процентных ставок и снижение объемов рынка означал

для них одновременно увеличение процентных расходов и сокращение возможностей по управлению ликвидностью [2, с. 3].

Органичным дополнением первого метода, оказавшимся способным «добить» рынок и позволившим государству добиться поставленных перед собой в рамках конкурентной борьбы целей, стал «пилотный проект» Банка России по отзыву банковской лицензии на основании обвинения в отмывании незаконных доходов. Вызванная сопровождавшими эти действия заявлениями официальных лиц паника вкладчиков обусловила в конечном итоге первый мощнейший перелив вкладов населения в подконтрольные государству банки (больше всего выиграли от этого ВТБ, Сбербанк и Ак Барс) и, соответственно, передел данного сегмента российского банковского рынка. Доля государства в совокупных активах банковского сектора превысила 40% [17, с. 4].

Справедливости ради следует отметить, что вторым по значимости бенефициаром пика обострения конкурентной борьбы в банковском секторе России на данном этапе оказались некоторые крупные банки, контролируемые иностранным капиталом, в частности Ситибанк и Райффайзенбанк. Проигравшими битву оказались частные отечественные банки. Больше других пострадали Гута-банк, Московский кредитный банк, Менатеп Санкт-Петербург и Бин-банк, объем вкладов населения в которых сократился более чем на 20% за аналогичный период. Альфа-банк также декларировал отток вкладов в 300 млн. долл. в июне–июле 2004 г., но этот отток был оперативно компенсирован взносами акционеров [2, с. 5].

Таким образом, очутившись благодаря пику тенденции обострения конкурентной борьбы к 2005 г. в новой банковской реальности, субъекты банковской конкуренции и, в частности, государство вступили во второй этап диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы. Данный период длился с 2005 г. по 2008 г. включительно и сопровождался последовательным сокращением количества оперировавших в секторе кредитных организаций на фоне одновременного роста числа контролируемых иностранным капиталом банков. Так, в рассматриваемый период количество функционировавших в России банков с участием нерезидентов выросло почти вдвое: со 131 кредитной организации в 2005 г. до 202 кредитных организаций в 2008 г. [15, с. 114].

В то же время присутствие государства в секторе, по крайней мере, в плане количества подконтрольных государству банков, было стабильным почти на всем протяжении данного периода: в 2005 г. и в 2007 г. их число составило 41, в 2006 г. – 40 кредитных организаций. И лишь в 2008 г. этот показатель вырос на 27%, когда число подконтрольных государству банков увеличилось до 52 [16, с. 11]. Доля государства в активах банковского сектора в 2005-2007 гг. не превышала 45%, однако в конечной фазе периода – в 2008 г. – перевалила за 50% [16, с. 4]. Таким образом, как и в предыдущем периоде диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в российском банковском секторе, государство в рассматриваемый период, хотя и занимало уже значимую конкурентную позицию на рынке, но, тем не менее, формально играло роль «второй скрипки» на многих его сегментах, а масштабы государственного присутствия на нем не спешили стремительно расти.

Согласно данным доклада, подготовленного сотрудниками Института экономики РАН, в августе 2007 г. в российской банковской системе стали проявляться первые признаки серьезного финансового кризиса (объем рефинансирования возрос в 350 раз), который через год (август–сентябрь 2008 г.) привел к массовому неисполнению банками своих обязательств по сделкам РЕПО. Уже первые проявления кризиса в России показали, что основной механизм его развития отличается от практики развитых стран. В России неизбежность развития системного кризиса была предопределена сложившимися в 2000-х годах механизмами финансирования банков и предприятий, предложения денег, ценообразования на финансовом рынке. Банк России эмитировал

рублевые средства под аккумуляцию иностранной валюты в официальных резервах. Сокращение экспортной выручки российских экспортеров в результате падения мировых цен привело к относительному сжатию денежной массы. Повышение процентных ставок на мировом финансовом рынке и ограничение кредитования заемщиков из развивающихся стран привело к удорожанию заимствований для крупнейших российских банков. Это вызвало коллапс российского межбанковского кредитного рынка [1, с. 8].

Разразившийся в 2008 г. кризис ликвидности «на выходе» привел к тому, что разрыв между различными категориями функционирующих на российском банковском рынке кредитных организаций по уровню финансовой устойчивости стал существенно более резким. По мнению М.Е. Мамонова, «ключевые параметры, по которым произошло расслоение, — это динамика роста бизнеса и защищенность от рисков» [10, с. 20]. Группа подконтрольных государству банков оказалась основным бенефициаром девальвации рубля и расширения рефинансирования банковской системы со стороны Банка России. С одной стороны, это позволило им значительно нарастить собственный вес, с другой — стать лидерами по долгосрочному кредитованию нефинансового сектора и оказывать существенную поддержку межбанковскому рынку. Кроме того, только подконтрольные государству банки смогли продемонстрировать положительные размеры чистых иностранных активов (с тенденцией к их дальнейшему наращиванию) в размере 15,2 млрд. долл. США на 1 января 2009 г. [10, с. 20]. М.Е. Мамонов полагает, что «все эти факты свидетельствуют о наличии некоторой спекулятивной стратегии, успешно проводимой госбанками в течение последних четырех кризисных месяцев 2008 г.» [10, с. 21].

Очевидно, что немалую роль в удивительной способности подконтрольных государству банков сохранять финансовую устойчивость и платежеспособность, а также наращивать размер своих активов в условиях острого кризиса ликвидности, сыграл такой метод конкурентной борьбы государства, как лишение сырья. Зачистка сектора в рассматриваемый период, хотя и двигалась по восходящему тренду, по нашему мнению, была в большей степени следствием кризисных явлений и применения метода лишения сырья, нежели играла самостоятельную роль в достижении обострявшейся конкурентной борьбы своего пика на данном этапе. Как и на этапе 2000–2004 гг., логическим следствием турбулентных событий на банковском рынке явился перелив вкладов населения в подконтрольные государству банки. Только за последние четыре месяца 2008 г. такой приток составил 9% (или 306 млрд. рублей.), а отток — всего 3% (или 116 млрд. рублей) от суммарного депозитного портфеля на 1 сентября 2008 г. [10, с. 21].

Примечательно, что в этот период государство через подконтрольные ему банки применило и третий из традиционных методов борьбы монополиста — лишение сбыта. Так, прирост кредитов, выданных подконтрольными государству банками нефинансовым предприятиям за сентябрь–декабрь 2008 г., составил 956 млрд. рублей (или 18% от суммарного портфеля соответствующих кредитов по состоянию на 1 сентября 2008 г.) [10, с. 21]. По мнению М.Е. Мамонова, «такого существенного влияния на нефинансовый сектор не оказывала ни одна другая группа банков ни до, ни после сентября 2008 г. Следовательно, несмотря на те или иные кризисные явления в экономике, население продолжало рассматривать госбанки как наиболее безопасных и защищенных хранителей своих сбережений, а предприятия реального сектора продолжали получать от них самые длинные кредиты. Таким образом, госбанки обеспечивали самую крепкую опору для нефинансового сектора в период кризиса» [10, с. 21].

Неудивительно, что очередной пик обострения конкурентной борьбы на российском рынке банковских услуг привел к перераспределению не только ликвидности, обеспечиваемой вкладами населения, но и к знаковому «переходу через перевал» 50%-ного уровня присутствия государства на этом рынке. Немаловажным «побочным эффектом» кризисных событий 2008 г. стал если не массовый, то все же довольно заметный «исход» контролируемых иностранным капиталом банков

Неудивительно, что очередной пик обострения конкурентной борьбы на российском рынке банковских услуг привел к перераспределению не только ликвидности, обеспечиваемой вкладами населения, но и к знаковому «переходу через перевал» 50%-ного уровня присутствия государства на этом рынке. Немаловажным «побочным эффектом» кризисных событий 2008 г. стал если не массовый, то все же довольно заметный «исход» контролируемых иностранным капиталом банков из российского банковского сектора. Несмотря на формально продолжающийся (хотя и в разы менее стремительный, чем в 2005–2008 гг.) рост количества кредитных организаций с участием нерезидентов в России, фактически иностранный банковский бизнес в последовавший за кризисом период был вынужден постепенно сворачивать масштабы своего присутствия в секторе [15, с. 115].

Третий этап диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы на отечественном банковском рынке имел место в период с 2009 г. по 2013 г. и отличался еще большим, чем в предыдущий период, масштабом прямого воздействия государства на разворачивание кризисной ситуации и ее поддержание. Тем не менее, как и прошлые этапы такого взаимодействия, в течение большей части составляющего его временного промежутка третий этап отличался относительно спокойным процессом постепенного снижения числа функционировавших на рынке кредитных организаций (по большей части – с участием нерезидентов), минимальных темпов роста рыночной концентрации и довольно низких за исключением 2009 г., объемов отзыва лицензий у кредитных организаций. Завладев более чем 50% совокупных активов банковского сектора к 2009 г., государство плавно подняло значение данного показателя до 55,8% в 2012 г., причем этот рост не был последовательным, а в 2010 г. было отмечено небольшое снижение значения данного показателя [17, с. 3]. Однако даже с учетом этого «конкурентный путь», который проделало государство в борьбе на банковском рынке к 2010 г. является поистине колоссальным: если в 2001 г. совокупные активы подконтрольных государству банков составляли всего 854 млрд. рублей, то в 2010 г. эта цифра составила 15 805 млрд. рублей, то есть их рост за девять лет составил 18,5 раз.

В течение 2009–2012 гг. государство, перегруппировываясь, постепенно меняло структуру своей собственности в банковском секторе, снижая долю очевидного, прямого присутствия в пользу косвенного, но не менее действенного контроля за подконтрольными банками как своим воплощением на банковском рынке. В частности, по данным А.В. Верникова, к 2011 г. объем косвенного присутствия государства в банковском секторе составил четверть от общего числа подконтрольных государству банков [17, с.4]. Часть банков (например, Росэксимбанк) была переведена из прямой собственности государства в собственность Внешэкономбанка. Кроме того, после 2008 г. государство поручило государственным корпорациям (в том числе, Агентству по страхованию вкладов и Внешэкономбанку) миссию по «спасению» путем выкупа обанкротившихся частных банков, что, естественно, финансировалось за счет бюджетных средств. Результатом такой перегруппировки государство стало масштабное расширение его присутствия на банковском рынке через «корпоративные пирамиды» – многоуровневые холдинги с «закольцованной» структурой собственности [17].

А.В. Верников выделяет две группы возможных мотивов, которыми руководствовалось государство, осуществляя указанные процедуры. К группе конструктивных мотивов он относит следующие:

- результат активных действий по предупреждению банкротства;
- необходимость более гибкой системы управления и принятия решений, нейтрализации политических импульсов.

Деструктивными мотивами ученый считает, в частности, такие:

- попытка «размыть» государственный контроль;

- создание условий для оппортунизма топ-менеджеров, бесконтрольности, прямых хищений;
- «строительство империй» [17].

Полагаем, что, с точки зрения методологического индивидуализма, государство как один из субъектов банковской конкуренции вполне могло руководствоваться любым из указанных мотивов, в том числе и явно оппортунистических, или какой-либо их комбинацией. В любом случае конечной целью государства – антагониста в условиях конкурентной среды было дальнейшее упрочение своего положения на рынке, которое в случае оптимистического сценария развития событий могло сопровождаться и максимизацией его прибыли от такого положения. К 2011 г. смещение акцента государства с его прямого присутствия на банковском рынке на косвенное принесло свои плоды: число контролируемых государством банков формально снизилось до уровня 2006 г., составив 40 кредитных организаций. По данным А.В. Верникова, по состоянию на начало 2015 г. эта цифра не изменилась [16, с. 11].

Спокойное течение рассматриваемого этапа закончилось очередным, поистине беспрецедентным по своим масштабам, пиком конкурентной борьбы государства в форме жесточайшей зачистки банковского сектора, начавшейся летом 2013 г., и увенчавшего эту чистку кризиса в декабре 2014 г. Именно зачистка сектора как метод конкурентной борьбы государства был ведущим на данном этапе диалектического взаимодействия тенденций развития конкуренции в отечественном банковском секторе, тогда как вторым по значимости, но не по общему эффекту, с нашей точки зрения, являлся имиджевый метод укрепления образа подконтрольных государству банков как «острова надежности и стабильности» в бушующем море рискующих пойти ко дну банков иных категорий. Итогом действий государства стало достижение им контроля над 60% совокупных активов банковского сектора России в 2013 г. и 61% – в 2014 г. [16, с. 3].

Происходящие в настоящее время в экономике страны и в ее банковском секторе, в частности, события существенным образом осложняют задачу однозначной классификации временного промежутка, начавшегося с 1 января 2015 г., как очередного – четвертого – этапа диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в банковской сфере. Выделенные и описанные нами три предыдущих этапа, так или иначе, отличались периодами относительного «затишья» между разграничивавшими их кризисами, в течение которых на фоне «успокаивавшейся» (хоть немного) национальной экономики по мере приближения к очередному кризису интенсивность процесса угасания конкуренции снижалась, уступая авансцену все более резкой конкурентной борьбе ведущего рыночного агента на банковском рынке России. В то же время прошедшие с начала 2015 г. месяцы, несмотря на несколько стабилизировавшийся курс национальной валюты и падение темпов зачистки банковского сектора, не производят впечатления хоть малейшего «успокоения» национальной экономики. Исходя из этого, по состоянию на момент написания настоящей статьи мы условно относим прошедшую часть текущего года к предыдущему – третьему – этапу диалектического взаимодействия тенденций эволюции конкуренции на отечественном рынке банковских услуг

Последним – но не по важности – аспектом, который, с нашей точки зрения, необходимо осветить в настоящей статье для создания целостного видения эволюции конкуренции в банковском секторе России, является общая форма траектории ее развития как процесса перемещения к все более монополизированному состоянию. Убедительно, как нам кажется, доказав скачкообразный характер эволюции в банковском секторе России, а также обозначив выше, что развитие для нас, несмотря на направленный, закономерный характер, – это движение ради движения, вне условностей о необходимости все более совершенного состояния системы на каждом последующем этапе ее развития, мы убеждены что конкуренция в банковском секторе России развивается нелинейно и даже не волнообразно.

Руководствуясь третьим законом диалектики, мы полагаем, что траектория развития банковской конкуренции в России имеет спиралевидную форму. Действительно, в периоды преобладания тенденции угасания конкуренции банковский сектор как система относительно спокойно движется от точки к точке, в то время как в его «недрах» постепенно назревает внутреннее сопротивление, как правило, исходящее от государства – субъекта конкуренции. Именно это сопротивление в конечном итоге выплескивается на поверхность в виде пика, отесняя тенденцию угасания и вызывая скачок, в результате которого банковская конкуренция переходит на новый этап своего развития – то есть на новый относительно спокойный период преобладания тенденции угасания на фоне нового накопления элементов обострения конкурентной борьбы.

Каждый из этих этапов имеет черты, свойственные предыдущему, генетически связан с ним, однако в то же время на каждом из них конкуренция в российском банковском секторе приобретает и закрепляет в себе новые черты, особенно ярко проявляющиеся в сдвигах внутри элементов конкурентной среды рынка. Именно в силу таких особенностей развития банковской конкуренции в России, соответствующих диалектическому закону отрицания отрицания, складывается спиралевидная форма траектории этого развития.

Определившись со спиралевидной формой траектории развития конкуренции в отечественном банковском секторе, мы должны выяснить, на каком количестве уровней – или слоев – развития банковской конкуренции имеет место – это движение по спирали. Если принять как предпосылку спиралевидного движения системы ее возвращение в, казалось бы, исходное состояние, в то, что уже когда-то было, но на новой ступени, обладая, помимо свойственных предыдущим ступеням, еще и новыми характеристиками, то такая широкая трактовка позволяет нам выделить несколько уровней спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

Первый уровень – микроуровень – это движение российской банковской конкуренции по спирали, берущей начало с момента образования современного банковского сектора (при том, что, как мы упоминали выше, начало непосредственной смены этапов диалектического взаимодействия тенденций угасания и обострения в ее развитии мы условно связали с 2000 г.). Такое движение не выходит за пределы сектора, предусматривая модификацию отдельных характеристик банковской конкуренции на каждом новом витке спирали, однако отрицая с каждым таким витком само себя на предыдущем витке. Это самая тугая спираль, каждый новый виток которой банковская конкуренция в России проходит в среднем раз в четыре года.

Тем не менее, если рассматривать особенности развития банковской конкуренции в нашей стране с учетом периода административно-командной экономики, то текущее движение конкурентных процессов к монополизации – государственной монополизации – банковского сектора можно рассматривать как перемещение к новому витку более крупной спирали, в которой пиковыми точками являются смены господствующего типа национальной экономической системы, а промежуточными периодами – длительные периоды адаптации конкурентных отношений в секторе к новым институциональным (экзогенным и эндогенным) пределам своего функционирования. «Это все уже было, но немного по-другому» в данном случае означает движение конкурентных отношений в банковском секторе России от исходной точки государственной монополии в банковском секторе через промежуток переходной экономики, формально стремящейся к рынку, снова к ведущей роли государства, но уже как обладающего монопольной властью участника конкурентных отношений. С этой точки зрения, банковская конкуренция в России перемещается по спирали мезоуровня, менее туго скрученной, чем предыдущая спираль. Если условно принять 1991 г. в качестве даты окончания предыдущего витка данной мезоспирали и предположить, что российская банковская конкуренция уже близка к повторению прошлого состояния, но на новом уровне, то временную «длину» витка спирали можно условно принять за 15–20 лет.

И, наконец, мы полагаем необходимым выделить третий – наиболее масштабный уровень спиралевидного развития банковской конкуренции в России, захватывающий период с начала прошлого века. Предыдущим витком спиралевидного развития конкуренции в банковском секторе России, понимаемого максимально широко, является присущее экономике России накануне Великой Октябрьской социалистической революции состояние империализма, тремя из пяти ключевых признаков которого, в частности, являлись:

- концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;
- слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии;
- особо важное значение вывоза капитала в отличие от вывоза товаров [9, с. 71].

Очевидно, что первые три признака напрямую и более чем точно характеризуют процессы, протекающие в рамках современного российского банковского сектора, с той лишь основной разницей, что инициатива их появления, особенно применительно к первому и второму, исходила не «снизу», как в описываемый В.И. Лениным период, а «сверху», от государства как субъекта, обладающего мощной монопольной властью на большинстве отечественных рынков. Данный вид спирали мы предлагаем именовать макроспиралью развития банковской конкуренции в России и в качестве «длины» ее витка с определенной долей условности рассматриваем период продолжительностью в сто лет.

Нерешенным пока что остается последний вопрос – вопрос о направленности движения банковской конкуренции по всем трем из описанных спиралей в ходе своего развития. Иными словами, учитывая наш широкий взгляд на сущность категории «развитие», мы должны обозначить, являются ли выделенные и описанные нами спирали восходящими, как это традиционно принято в диалектике, или нисходящими. Для ответа на этот вопрос мы должны определить, что мы понимаем под «верхом» спирали – то есть ее условно (обязательно условно!) более высокой ступенью, а что – под ее «низом». Учитывая, что «полюсами» данной спирали, как мы ранее определили, являются совершенная конкуренция и монополия, мы, гипотетически, должны распределить указанные крайности по шкале от менее желательного к более желательному. Абстрагируясь от какого-либо абсолютизирования преимуществ любой из этих структур рынка, мы исходим из предложенного М.В. Петрищевым тезиса о том, что монополия убивает рыночную конкуренцию [12, с. 181]. Сочетая указанный тезис с позицией И. Кирцнера о том, что рыночный процесс по природе своей является конкурентным, а прекращение конкуренции – это прекращение рыночного процесса [8, с. 21–22], мы примем совершенную конкуренцию как недостижимую вершину спирали, а чистую монополию – как ее также почти недостижимую нижнюю точку. Отталкиваясь от такого видения полюсов спирали (причем как в ее микро-, мезо-, так и в макрварианте) развития банковской конкуренции, мы приходим к выводу о том, что имеющее место в действительности ее движение в сторону монополизации структуры банковского рынка означает нисходящий характер рассматриваемых спиралей.

Таким образом, проанализировав ключевые аспекты эволюции конкуренции в банковском секторе России, мы приходим к выводу о том, что, как и в общем случае эволюции конкуренции, описанном сформированной в русле теоретической экономии политэкономической концепции конкуренции и ее развития, ведущими тенденциями эволюции банковской конкуренции в нашей стране являются диалектически взаимодействующие, хотя и формально противоположные тенденции угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы. Интенсивность их проявления, систематически снижаясь и вновь нарастая, обуславливает их попеременно ведущую роль в развитии банковской конкуренции. Под развитием банковской конкуренции в нашей стране в этом смысле понимается происходящий под контролирующим воздействием государства как субъекта банковской конкуренции процесс попеременных пиковых состояний указанных тенденций

в ходе нисходящего перемещения банковской конкуренции по спиралевидной траектории в направлении дальнейшей монополизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковская система России в условиях мирового экономического кризиса [Текст] / Доклад на заседании Ученого совета Института экономики РАН. – М.: ИЭ РАН, 2009. – 50 с.
2. Бузгалин А.В. Кризис и его эхо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: buzgalin.ru/text/eho.pdf. – Дата доступа: 15.05.2015.
3. Верников, А. В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе [Текст]: научный доклад / А.В. Верников. – М., 2007. – 52 с.
4. Гордеев В.А. Конкуренция и ее развитие [Текст]: Монография / В.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299 с.
5. Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info
6. Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info.
7. Казеннов А.С. Диалектика как высший метод познания [Текст] / А.С. Казеннов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 96 с.
8. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство [Текст] / Пер. с англ. Под ред. проф. А.Н. Романова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 239 с.
9. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 117 с.
10. Мамонов М.Е. Структурные сдвиги и адаптация ключевых групп банков [Текст] / М.Е. Мамонов // Банковское обозрение для бизнеса. – 2009. – №3. – С. 20–26.
11. Никитина Н.Н. Диалектика конкуренции и монополии [Текст]: автореферат дисс. ... к.э.н. : 08.00.01 / Н.Н. Никитина. – Уфа, 2005. – 24 с.
12. Петрищев М.В. Методология и теория конкуренции, ее процессы и результаты в современных рыночных структурах [Текст] : дисс. ... д.э.н. / М.В. Петрищев. – Тверь, 2014. – 394 с.
13. Чемберлин Э.Х. Теория монополистической конкуренции / Э.Х. Чемберлин. – М.: ДиректмедиаПублишинг, 2008. – 403 с.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст]. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с.
15. Kladova A. The Influence of Foreign Bank Entry on the Development of Regional Financial Markets [Текст] / A. Kladova, L. Parfenova, J. Vytaitas // Regional Formation and Development Studies. – 2012. – №3. – С.106-117.
16. Vernikov A. A Guide to Russian Bank Data: Breaking Down the Sample of Banks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goo.gl/rmRovf>. – Дата доступа: 07.05.2015.
17. Vernikov A. The Impact of State-Controlled Banks on the Russian Banking Sector [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2399486>.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. Курский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, заведующий кафедрой экономических дисциплин
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomerovnik@gmail.com

Двадцать пять лет назад в России и других республиках СССР под видом «рыночных реформ» началась реставрация капитализма. Необходимым условием победы пробуржуазных сил было подавление пропаганды марксистско-ленинской идеологии и ее вытеснение из всех сфер воздействия на умы граждан.

В сфере образования это, в частности, выразилось в замене, – на основе постановлений и под нажимом властных структур, – дисциплины «политэкономика» на «экономическую теорию» («микро - и макроэкономику»). Содержание последней, по сути, копировалось с англоязычных учебников «Economics», основанных на ряде немарксистских теорий, прежде всего – неоклассике и неоклассическом синтезе. Поэтому многие преподаватели стали называть ее «экономикс», подчеркивая специфичность ее методологии, положений и выводов.

Издание первых российских учебников по этой дисциплине финансировалось Фондом Дж. Сороса (который, кстати, в настоящее время вполне раскрыл свое подлинное отношение к нашей стране, советуя странам ЕС принять участие в прямой военной конфронтации на стороне Украины против России) [1].

Позднее к «экономикс» добавилась еще одна дисциплина, заимствованная главным образом из англоязычных источников, – «институциональная экономика», в основе которой лежит новая институциональная теория, представляющая собой, по сути, применение неоклассической методологии к анализу разнообразных институтов.

Бывшим политэкономам пришлось обучать студентов вновь введенным дисциплинам. Одни это делали, полагая, что преподносят молодежи самые передовые знания. Другие же в большей или меньшей степени критически оценивали научную состоятельность положений и выводов экономикс, способность экономикс стать основой для решения животрепещущих проблем общественного развития. Часть их осталась на позициях марксистской политической экономии, или, по крайней мере, не ушла с них полностью, пытаясь продолжать применение ее методологии для изучения новых явлений. Но многие двинулись на поиски альтернатив, как марксистской политэкономии, так и экономикс и неоинституционализму.

Похожая ситуация сложилась и в целом в экономической науке. Экономисты-теоретики разделились на сторонников экономикс, – в котором будто бы отражен mainstream современной науки об экономике, – и на тех, кто искал истину в рамках других направлений, в том числе – политической экономии.

Двадцать пять лет «перехода к рынку» не привели Россию к процветанию. Напротив, пройдя через тяжелые 90-е, кризис 2008–09 гг., страна сегодня вновь оказалась в сложной ситуации. Это – и усиливающийся сырьевой характер экономики (посадка на «нефтегазовую иглу»), и глубочайшее социально-экономическое неравенство, и разрушение значительной части научно-технического потенциала страны, и низкий уровень производственных инвестиций при огромном оттоке капитала за рубеж и высокой степени износа технической базы большинства предприятий, и т.д., и т.д.

Негативные последствия реставрации капитализма, активизировали усилия экономистов в научном поиске и обосновании путей развития Отечества, в большей степени отвечающих интересам народа. Поскольку же реставраторы капитализма для обоснования своих деяний ссылались на неолиберальную доктрину, теоретическим оформлением которой служит неоклассика, то экономисты, не ставшие адептами неоклассики, стали объединяться для преодоления засилья неолиберализма в сфере идеологии и создания равных условий для проповедования иных взглядов, в том числе – в преподавательской деятельности. Усилились стремления к разработке научных направлений, альтернативных неоклассике.

Преподавание экономикс, как уже говорилось, было навязано по политическим мотивам, для вытеснения политической экономии и в качестве ее антипода. Поэтому перед сторонниками альтернатив неоклассике одними из первых неизбежно встали вопросы о том, сохраняет ли политэкономия познавательный потенциал в современном мире, способна ли она стать фундаментом для определения путей возрождения России.

Необходимость широкого обсуждения этих вопросов привела к проведению в 2010 году Международной конференции по проблемам развития политической экономии. В 2011 году состоялась учредительная конференция Международной политэкономической ассоциации стран СНГ. В ней приняло участие более 80 ученых из России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Такие конференции стали регулярными. В 2012 году в Москве прошли два международных конгресса: Первого политэкономического конгресса стран СНГ (апрель 2012 г.) и Первого международного конгресса политэкономов-марксистов (ноябрь 2012 г.). Инициаторами Первого политэкономического конгресса стран СНГ выступили Институт экономики РАН, ряд ведущих вузов страны и общественных научных организаций. В работе конгресса приняли участие не только российские экономисты, но и ученые из других стран – Украины, Белоруссии, Казахстана, США, Германии, Франции.

Вопросам политэкономии был посвящен Форум марксистов, прошедший 25–26 октября 2014 года (Инициатор – Международная ассоциация политэкономов-марксистов).

3–14 мая 2015 года состоялся II Международный политэкономический конгресс, посвященный проблеме возрождения политико-экономической науки и проводившийся под девизом: «Возвращение политэкономии» (главные организаторы: Международная политэкономическая ассоциация, Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Институт экономики РАН.).

В русле нарастания интереса к политической экономии была подготовлена и рецензируемая коллективная монография: Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» под редакцией В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича¹. Книга посвящена 400-летию политической экономии.

Монография дает представление о последних разработках достаточно авторитетного коллектива ученых. В ее написании приняли участие 63 автора, представляющих Украину, Россию, Белоруссию и Казахстан. В их числе – 11 академиков, 6 членов-корреспондентов, подавляющее большинство имеют ученую степень доктора наук.

¹ Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В. М. Гейца, В. Н. Тарасевича.– Киев.: ЦУЛ, 2014. – 1058 с.

Как указано в предисловии (В.Н. Тарасевич), материалы монографии разнородны, «... плюралистичны, но едины в приверженности идеалам и нормам нашей науки и наших учителей, готовности достойно ответить на вызовы современности» [с. 9].

В монографии обсуждается широкий круг вопросов, так или иначе связанных с политической экономией. Остановимся на тех из них, которые представляются нам наиболее важными.

Это прежде всего вопрос о *предмете политической экономии*. Без четкого ответа на него невозможно идентифицировать политическую экономию, выделить ее из круга дисциплин, так или иначе изучающих общество, и определить ее место в системе этих дисциплин.

Авторы монографии не проявили единогласия в понимании как предмета политической экономии, так и ее роли в системе наук об обществе. Остановимся на ряде сформулированных в монографии позициях в понимании этих вопросов.

А.В. Сидорович [с. 210], А.В. Бузгалин [с. 556], М.И. Воейков [с. 288], У.Ж. Алиев [с. 30] под предметом политической экономии, по сути, понимают производственные отношения с добавлением того или иного их уточнения. Из такого понимания следует трактовка политэкономии «в широком смысле», т.е. изучающей самые различные системы производственных отношений. По их мнению, политическую экономию необходимо развивать дальше, как основу понимания общественных явлений. М.И. Воейков даже подчеркивает, что без «политэкономического самопонимания, самосознания» «...Россия рискует превратиться в полуколониальную страну, даже хорошо не понимая этого» [с. 290]. Правда, У.Ж. Алиев полагает, что политэкономия «перерастает» в «теоретическую экономию», которая «...призвана *воссоединить, синтезировать, а в будущем синергетизировать теоретическую составляющую не только собственно экономического как такового, но и отчасти неэкономического знания через ее предметную специфику в условиях усиливающейся другой тенденции современности – интеграции всего массива знания как такового, научного знания в частности о сущем (и где-то о должном) по принципу межзнаниевого, межнаучного и междисциплинарного взаимоположения, взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения*» [с. 32].

Ю.М. Осипов, напротив, суживает предмет политической экономии, ограничивая его рамками лишь капиталистической экономики, и поэтому полагает, что «время политэкономии ... уже ушло», поскольку «объект познания» в современной действительности, т.е. хозяйство – «не материалистический и не механический, не тотально научный и совсем не физический», «а почти сплошь эзотерико-метафизический» [с. 663–664]

В.Н. Тарасевич, в свою очередь, расширяет предмет политэкономии за рамки производственных отношений, включая в него различные формы богатства экономического и социального богатства. Причем производственные отношения рассматриваются им лишь в связи со стоимостной формой экономического богатства, наряду с которой им выделяется также полезностная форма экономического богатства [с. 185–187]. При этом автор считает политическую экономию «общей кровной матерью» всех «современных многочисленных экономических наук» [с. 182].

По мнению А.А. Гриценко, «Политическая экономия изучает совместно-разделенные отношения во всех экономических явлениях и процессах. В этом состоит специфика ее собственного предмета». Как пишет, автор, «... исходным экономическим отношением, порождающим человека и общество, ... является совместно-разделенный труд. ... Нет ни одного экономического явления, которое не являлось бы конкретной формой совместно-разделенных отношений и не содержало бы их в себе» [с. 217]. При этом А.А. Гриценко не указывает, почему он предпочитает термин «совместно-разделенные отношения» термину «производственные отношения», в чем отличие первых от последних. Автор, по существу, полагает, что

определенность совместно-разделенным отношениям (сущности) придают институты, и ратует за развитие «институциональной политической экономии» [с. 218]. Поэтому можно сделать вывод о том, что он расширяет предмет политэкономии за рамки производственных отношений, включая в него всевозможные социальные нормы (в том числе нормы права, морали, религии и т.д.).

Г.В. Задорожный полагает, что политическая экономия связана с «поверхностно-схематическим упрощением в постижении реальности», а необходимо «...сущностное углубление научных исследований человеко-размерности, где именно личность должна стать началом координат анализа. ...» [с. 758]. Поэтому он выступает за развитие «метафизики», «... выводящей на первый план целостность хозяйства как сферы жизнедеятельности человека (дом человеческий), той сферы, где множеством форм и уровней длится синкретичность личности посредством любви и творчества» [с. 759].

Е.П. Семенюк Е. П., Т.Ю. Туница и Ю.Ю. Туница для решения экологических проблем ратуют за развитие новой дисциплины – социальной экологии, объект которой – социозкосистемы [с. 1030]. При этом они не указывают, как соотносится эта дисциплина с политической экономией.

Ю.К. Зайцев считает, что «политическая экономия в рамках предмета и методологии XIX и XX столетий» не может обеспечить «проникновения в глубинные центростремительные основы функционирования системы, в данном случае системы экономической (а значит, социальной)», не может составлять «методологическую основу формирования целей экономической политики, конкретных моделей мотивации эффективного использования факторов производства, всех видов ресурсов цивилизационного характера для удовлетворения потребностей человека и общества». По мнению автора, «... современная политическая экономия в исследовании природы мотивов и характера отношений, как человека экономического, так и технологического, информационного (человека знаний), институционального (а, значит, и менталитетного), социального, политического, духовного может и должна использовать и формационный, и технологический, и функционально-факторный, и институциональный, и цивилизационный подходы, исходя из цели познать мотивационную сущность человека» [с. 224–225]. Иначе говоря, Ю.К. Зайцев выступает за расширение предмета политэкономии за рамки производственных отношений.

Бодров В.Г. усматривает необходимость во включении в предмет политической экономии таких вопросов, как «причинно--следственные связи и отношения процесса общественного воспроизводства», «проблематика собственности, экономической и социальной справедливости, цикличности и стадийности развития, экономической политики». Автор также выступает за «институционализацию политической экономии», т.е. за включение в ее предмет институтов [с. 677].

П.Г. Никитенко полагает, что для изучения проблем ноосферы необходима новая дисциплина: «ноосферная экономика» [с. 1004]. Однако автором не раскрывается соотношение ноосферной экономики и политэкономии.

Нам представляется, что в основе разногласий в трактовке предмета и роли политической экономии лежит прежде всего понимание самой категории «производственные отношения». Дело в том, что реальные общественные отношения представляют собой многостороннюю целостность, в которой одновременно присутствует и материальное содержание, и его отражение в сознании людей в разнообразных формах – в форме права, морали, религии, этики и т.д. Все эти стороны влияют друг на друга, взаимодействуют между собой. Производственные отношения – это не какая-то отдельная часть общественных отношений, занимающая некую нишу, а материальная сторона общественных отношений в целом. По известному определению К. Маркса, производственные отношения – это «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения», в которые люди вступают «в общественном производстве своей жизни» и «которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил»; это – «способ

производства материальной жизни» (выделены нами – Н.В.), который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

П.Г. Никитенко полагает, что для изучения проблем ноосферы необходима новая дисциплина: «ноосферная экономика» [с. 1004]. Однако автором не раскрывается соотношение ноосферной экономики и политэкономии.

Нам представляется, что в основе разногласий в трактовке предмета и роли политической экономии лежит прежде всего понимание самой категории «производственные отношения». Дело в том, что реальные общественные отношения представляют собой многостороннюю целостность, в которой одновременно присутствует и материальное содержание, и его отражение в сознании людей в разнообразных формах – в форме права, морали, религии, этики и т.д. Все эти стороны влияют друг на друга, взаимодействуют между собой. Производственные отношения – это не какая-то отдельная часть общественных отношений, занимающая некую нишу, а материальная сторона общественных отношений в целом. По известному определению К. Маркса, производственные отношения – это «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения», в которые люди вступают «в общественном производстве своей жизни» и «которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил»; это – «способ производства материальной жизни» (выделены нами – Н.В.), который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

Разумеется, материальная сторона общественных отношений не существует вне идеальной. Ее выделение в отдельный предмет изучения представляет собой абстракцию от других аспектов общественных отношений. Но это абстракция правомерна, поскольку производственные отношения обладают собственными, относительно самостоятельными законами функционирования и развития. Так же, как правомерно отдельное изучение правовых аспектов общественных отношений, политических, нравственных, психологических, религиозных и т.п., – чем и занимаются соответствующие научные дисциплины.

Более того, если стоять на материалистической точке зрения, – а именно соглашаться с тем, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [2], – то следует признать, что производственные отношения образуют *объективную* сущность общественных отношений, а правовые, нравственные, религиозные и прочие аспекты общественных отношений являются формами проявления этой сущности в сознании людей.

Законы функционирования и развития производственных отношений объективны, но проявляются только посредством субъективной деятельности людей, которая, разумеется, влияет на то, каким образом реализуются эти законы. Люди, пользуясь знаниями, добытыми политической экономией, могут использовать объективные законы в своей деятельности, но могут препятствовать им, что, разумеется, не может не воздействовать на ход общественного развития.

Материалистический подход к изучению общества, таким образом, отнюдь не означает ни механизма, ни автоматизма действия объективных законов, ни жесткой детерминированности поведения людей. Он позволяет установить, какие тенденции в обществе являются прогрессивными и что нужно для их реализации, как можно ускорить общественное развитие и что его затрудняет.

Противники материалистического подхода к исследованию общества нередко выдвигают тезис о том, что материалисты, де, забывают о «человеке», ради которого в конечном счете и ведется производство; что «человеку» материалисты отводят роль некоего «винтика» в действующем независимо от него механизме. В действительности же материалистический подход к изучению общества позволяет понять *сущность* поведения людей как *субъектов определенных производственных отношений*, поскольку производственные отношения определяют «материальный способ производства жизни» и объективные интересы их участников. В том числе

этот подход дает основу и для понимания того, каким образом и в каком направлении люди преобразуют сами производственные отношения. При этом, конечно же, не отрицается и влияние прочих факторов на поведение людей – всевозможных формальных и неформальных институтов и индивидуальных особенностей, но все они не относятся к предмету политической экономии. Это – предмет других общественных наук.

Причем необходимо отметить, что, изучая объективную сущность общественных отношений, политическая экономия создает научную основу для исследования всех других аспектов общественных отношений. Анализ правовых норм, норм морали, религии и т.п., если он ведется независимо от политико-экономического содержания общественных отношений, превращается в бесплодные хождения по «логическим порочным кругам». А если же он осуществляется на политико-экономической основе, то позволяет конкретизировать знания об обществе, представляет собой движение от сущности к формам ее проявления, от абстрактного к конкретному.

В этой связи вряд ли можно согласиться с одним из авторов монографии А.М. Колотом, который утверждает, что положение о первичности производственных отношений устарело. «Наличие подобных убеждений, – пишет автор, – может значить лишь одно: экономическое мышление, которое и по сей день доминирует в этой отрасли, сформировано у многих членов общества, включая ученых, на псевдонаучных трактовках непроизводственного, непродуктивного, исключительно затратного характера социальной сферы» [с. 810].

«Социальная сфера», – т.е. наука, образование, медицина, культура, социальные услуги и т.д., – это тоже разновидности производственных отношений («виды экономической деятельности»). И какую роль они играют в обществе, – «затратную» или «незатратную», – определяется в первую очередь именно *системой производственных отношений*.

Не соглашаясь с первичностью производственных отношений, А.М. Колот призывает «осознать как первостепенную духовную, моральную ипостась (человека – Н.В.), ее особую роль, специфику, как фундаментальное качество, которого лишены другие живые существа» [с. 814]. По мнению автора, «...следует осознавать самим и убедить других в том, что для того, чтобы стать на путь стойкого развития, необходимо, чтобы абсолютное большинство экономически активного населения и общество в целом пересекли «социокультурный», «социоморальный» барьер, иными словами, утвердились высокие общественные ценности, устранились существующие ментальные перекосы, сформировалась современная корпоративная культура» [с. 816].

Проповедь духовно-нравственных ценностей, на наш взгляд, конечно же, имеет важное значение. Но придавать ей первостепенное значение в деле переустройства общества, на наш взгляд, было бы очередной социальной утопией наподобие раннего христианства.

Авторы монографии В.Д. Базилевич и В.В. Ильин считают, что «видимая экономическая реальность» не является «последней, конечной реальностью». Истина, по их мнению, лежит за ее «пределами» [с. 164]. Для ее постижения, считают авторы, нужна метафизика, которая поднимает «проблемы «духа» и «души» экономики в качестве извечных метафизических проблем» [с. 167].

На наш взгляд, взятие за основу экономического исследования первичность «духа», «души» лишает исследователя твердой почвы, – каковой является именно «экономическая реальность», – и обрекает его на совершенно бесплодные умозрительные конструкции.

Приведенное выше определение производственных отношений – это наиболее общее их выражение. Процесс их познания выражается в развитии понятия производственных отношений – от наиболее общего и абстрактного ко все более сложному и конкретному. На этом пути каждое новое определение производственных отношений является уточнением и отрицанием предыдущего и в то же время отрицается и уточняется последующим, более развитым определением.

В этой связи различия в определениях производственных отношений, которые приводятся А.В. Сидоровичем, А.В. Бузгалиным, М.И. Воейковым, У.Ж. Алиевым, не носят принципиального характера. Каждое из них есть лишь определенная ступень развития понятия «производственные отношения». Поскольку производственные отношения образуют развивающуюся систему, то их научное понимание идет от наиболее общего и простого выражения системы («клеточка») ко все более конкретному – через исследования объективного хода становления и развития системы и ее перехода в иную систему.

Каждая система производственных отношений возникает при наличии соответствующего уровня производительных сил общества, сменяя предшествующую, которая создала эти производительные силы и являлась формой их существования. Заимствуя производительные силы, созданные предшествующей системой, новая система вначале своего становления сохраняет и обусловленные производительными силами *разделение труда и обмен деятельностью* между людьми. Последние, хотя и являются производственными отношениями, но отношениями, свойственными и старой, и новой системе на этапе становления новой системы. Поэтому разделение труда и обмен деятельностью не исчерпывают определенность систем производственных отношений. На стадии становления новая система отношений отличается от предшествующей прежде всего *типом присвоения* средств и результатов труда, хотя в последующем развитии она преобразует и производительные силы, и обусловленные ими разделение труда и обмен деятельностью, а также и экономическое содержание самого типа присвоения.

Рассмотрим в этой связи позицию А.А. Гриценко, изложенную выше. «Совместно-разделенные отношения», которые он считает предметом политической экономии, суть не что иное, как разделение труда и обмен деятельностью. Однако они не представляют собой *определенную* систему производственных отношений, хотя и присутствуют во всех системах этих отношений. Изучение такого предмета не может дать ничего, кроме абстрактно-всеобщих умозаключений. Поэтому для дальнейшей определенности предмета исследования А.А. Гриценко предлагает изучать институты, которые, по его мнению, являются «первой закрепленной формой совместно-разделенных отношений» [с. 218], т.е. придают определенность разделению труда и обмену деятельностью. В итоге автор выступает за развитие «институциональной политической экономии».

На наш взгляд, такой подход означает не только расширение предмета политической экономии за рамки производственных отношений, но и, по сути, уход от изучения самих производственных отношений в сферу правовых норм, нравственности, религии и прочих институтов. Автор как бы предлагает от разделения труда и обмена деятельностью сразу перескочить через производственные отношения в сферу общественной надстройки.

Разумеется, все более конкретное изучение производственных отношений закономерно выводит процесс познания на формы проявления производственных отношений – правовые, нравственные, религиозные нормы, т.е. на то, что принято называть институтами. И тут возникают два направления анализа: 1) изучение формирования и развития институтов как обусловленных производственными отношениями; 2) исследование влияния институтов на функционирование и развитие производственных отношений.

Первое из этих направлений, на наш взгляд, означает выход за рамки предмета политической экономии, и относится к задачам других наук, изучающих соответствующие аспекты общественных отношений, – политологии, правоведению, истории и т.д. Влияние же институтов на производственные отношения, по нашему мнению, образует предмет системы экономических наук, построенных на базе политэкономии, изучающих особенности проявления экономических законов, таких, как мировая экономика, национальная экономика, государственное регулирование экономики, экономика фирмы и т.д.

Научное направление, получившее название «институциональная экономическая теория», по существу пытается рассматривать оба указанных направления в их единстве. На наш взгляд, это направление уже не может называться политической экономией, раз оно имеет существенной иной предмет исследования.

В то же время нельзя не согласиться с одним из авторов монографии, В.Г. Бодровым, который отмечает, что «... институционализация политической экономии значительно расширяет и обогащает предметную и методологическую области процесса познания закономерностей хозяйственного развития, что имеет сегодня исключительное значение для понимания поливариантной сути глобального кризиса и поиска путей его преодоления» [с. 677]. Однако при этом необходимо иметь в виду, что при рассмотрении взаимодействия производственных отношений и институтов необходимо опираться на материалистическое понимание общества – на тот факт, что определяющим в этом взаимоотношении все же являются производственные отношения, а не институты. И если недостаточно изучены законы производственных отношений, то исследование институтов само по себе может мало что дать для понимания процессов в современном мире.

Оригинальную точку зрения отстаивает Ю.М. Осипов. Он разделяет понятия «хозяйство» и «экономика». Хозяйство в трактовке автора, это – «реальное жизнеотправление человека» (производство, распределение, потребление благ). А «экономика», по мнению автора, «... вся в сфере сознания, в ноосфере, в людях, в их, можно надеяться, головах». Экономика, как «частный случай хозяйства», отождествляется Ю.М. Осиповым с «хрематистикой», стоимостью, капиталом, иначе говоря, – с буржуазным обществом. Стоимость, по мнению автора «не материальна». «Стоимость – ... это совершенно идеальная, духовная, эфирная вещь» [с. 662]. Ю.М. Осипов полагает, что «... Экономика наверху, – это надстройка, а хозяйство внизу – это базис, но с тем условием, что не базис определяет функционально надстройку, а надстройка – базис» [с. 666].

Ни «нынешнему финансизму», ни социализму, по мнению Ю.М. Осипова, политэкономия не нужна. «Время политэкономии, – пишет он, – видно, и в самом деле уже ушло» [с. 665].

На наш взгляд, цитируемый автор под хозяйством понимает производственные отношения вне их определенности типом присвоения. А капиталистический тип присвоения, выросший из товарного обмена, отказывается признать материальным, целиком относя его к сфере идеального. Причем автор полагает, что идеальное («экономика») играет определяющую роль по отношению к материальному («хозяйству»). Отсюда следует, что для преодоления «экономики» нужно лишь изменить сознание людей. Но что же заставит людей отказаться от «стоимости» и перенести в свое сознание недеформированный стоимостью образ «хозяйства»? Изучение «философии хозяйства»?

Кроме того, в «хозяйстве» не определен тип присвоения. Поэтому, руководствуясь «философией хозяйства», вряд ли возможно выяснить, какой тип присвоения должен закономерно образоваться после устранения «экономики», т.е. капиталистического производства. Тем более на основе такой «философии» не удастся определить, каким образом будет создан новый тип присвоения и через какие этапы он будет проходить в своем развитии.

На поставленные актуальнейшие вопросы сможет ответить только политическая экономия, которая рассматривает процесс производства и присвоения прибавочной стоимости как *материальный*, – а не идеальный, – процесс, лежащий в основе буржуазного общества; политэкономия, которая за «стоимостью» видит определенное *материальные* отношения между людьми, хотя бы и отражаемые в разнообразных вариантах в головах людей.

Поэтому научная политэкономия необходима для преобразования нынешнего «финансизма» в более прогрессивное общество, для становления и развития этого нового общества. Поэтому большинство авторов рецензируемой монографии и ратуют за возрождение политической экономии.

В своем развитии производственные отношения, будучи формой существования производительных сил, опосредуют взаимодействие общества и природной среды. Общественное производство, с одной стороны, преобразует окружающий мир, но, с другой стороны, само изменяется под влиянием имеющейся и преобразуемой им природы.

Отсюда, в частности, следует, что для понимания функционирования и развития производственных отношений, необходимо исследовать влияние природной среды на содержание и формы производственных отношений. Этот аспект входит в предмет политической экономии и других, более конкретных экономических наук (экономика природопользования, государственное регулирование экономики, национальная экономика и др.). Но необходимо также изучение и влияния производственных отношений на состояние окружающей среды, что является уже предметом не политической экономии, а других наук (экологии, обеспечение жизнедеятельности и т.п.).

Есть основания и для исследования единства двух моментов: влияния производственных отношений на природную среду и обратного влияния окружающей среды на производственные отношения, а в более широком смысле – взаимодействия всей с общественной системы и природной среды, ноосферы. Видимо, такое научное направление имели в виду авторы монографии Е.П. Семенюк Е. П., Т.Ю. Туница и Ю.Ю. Туница, предлагая ввести новую дисциплину – «социальную экологию», предмет которой обозначен ими как «социоэкосистемы» [с. 1030]. Правда, авторы не приводят каких-либо новых результатов, полученных ими в рамках этой дисциплины. Думается, что новые выводы, относящиеся к решению экологических проблем, могут быть получены прежде всего на основе политико-экономического анализа, детализированного другими научными дисциплинами.

Другой автор, П.Г. Никитенко, предлагает развивать направление, названное им «ноосферной экономикой», под которой он понимает разработку проекта совершенного во всех отношениях общества будущего [с. 1004–1022], чем-то напоминающего социальные утопии 16–19 вв. А хотелось бы увидеть анализ реальной картины взаимодействия экономической системы и природной среды и рассмотрение реалистических путей разрешения нарастающих глобальных проблем. И сделать это можно, на наш взгляд, только на основе политической экономии.

Своеобразную трактовку предмета политической экономии предложил В.Н. Тарасевич. С его точки зрения, политическая экономия, это – «наука о богатстве». Автор различает две основные формы богатства: «экономическое» и «социальное», которые дополняются «синтетическим» и «переходным». В рамках «экономического богатства» В.Н. Тарасевич выделяет «стоимостную» и «полезностную» «формы богатства» [с. 185–187].

В «стоимостной форме богатства» автор видит три «уровня»: I – «стоимостные формы богатства и видимые взаимосвязи между ними»; II – «причины и источники стоимостного богатства»; III – «социально-экономическая проблематика богатства, отношения людей в производстве жизни». При этом производственные отношения связываются им только с третьим уровнем.

Создается впечатление, что автор допускает возможность анализа «стоимостных форм богатства и видимых взаимосвязей между ними»; «причин и источников стоимостного богатства» вне производственных отношений. Но ведь эти аспекты «стоимостного богатства» – не природные явления, а формы именно производственных отношений. Поэтому, кроме внешнего описания, о них вряд ли что-то удастся узнать без анализа производственных отношений.

К «полезностному богатству» В.Н. Тарасевич относит, по-видимому полезные свойства продуктов и услуг. На его взгляд, с изучением этого аспекта «богатства» связаны «теория факторов производства и триединый источник богатства», «теория предельной полезности», «полезностное

богатство с позиций субъекта-потребителя», «микроэкономические и макроэкономические аспекты богатства». Причем производственные отношения автор не указывает в качестве объекта анализа «полезностного богатства». Иначе говоря, В.Н. Тарасевич полагает, что полезные свойства продуктов и услуг должны рассматриваться вне и независимо от производственных отношений [с. 185–187]. В таком случае, как писал К. Маркс, они являются объектом вовсе не политэкономии, а товароведения². Товароведы намного лучше разберутся с этими свойствами продуктов, чем политэкономы.

Что же касается теории факторов производства, теории предельной полезности, то они предполагают измерение «капитала» и продуктов *ценами*, т.е. именно стоимостными формами. Вне цен ни размер капитала, ни величина «реального объема продукции» в них просто не определены. В указанных теориях изучается принятие решений рыночными субъектами на основе заданных цен, т.е. опять-таки производственные отношения. Соизмерение полезности товаров в них считается заданным извне. Для товароведения они ничего нового дать не могут, да и не ставили такой цели. Цены и обмен отсутствуют только у Робинзона, живущего на необитаемом острове и не участвующем в общественных отношениях.

Если говорить о «микроэкономических» аспектах богатства, – т.е. богатства на уровне отдельных субъектов экономики, – то и здесь никак не обойтись без анализа производственных отношений, в которых эти субъекты участвуют. Иначе не понять, как оно формируется и воспроизводится. И тут требуется анализ обмена и стоимостных измерителей продуктов и услуг.

Это же относится и к «макроэкономическим аспектам богатства». Для понимания его воспроизводства требуется анализ производственных отношений. В основе многих макроэкономических показателей лежат стоимостные измерители (система национальных счетов). Неясно, какие именно «полезностные» аспекты автор имеет в виду. Если полезность для общества, то как ее измерить, в чем она выражается?

Что касается «социального богатства», то его «главной составляющей», по мысли В.Н. Тарасевича, является «человек-личность». Судя по тексту, автор полагает, что и для анализа «социального богатства» не требуется изучение производственных отношений. «Субстанцией» «социального богатства» автор считает «очеловечивающую деятельность». Завершается анализ социального богатства, по его замыслу, рассмотрением «деятельного человека» «как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального» [с. 187–188].

Однако если «человек-личность» занимается «очеловечивающей деятельностью», то он никак не может обойти производственные отношения. Участвуя в них, он неизбежно становится представителем определенного класса, слоя, группы, а не просто «человеком-личностью». У него появляются объективно определенные интересы, которые обуславливают его действия, в том числе – в «очеловечивающей деятельности». Он начинает подстраиваться к экономическим законам, лежащим в основе материального процесса производства его жизни, определенными производственными отношениями.

Поэтому понятие деятельность «человека-личности» «как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального» невозможно вне и независимо от производственных отношений. Анализ производственных отношений необходим и для того, чтобы выяснить, при каких производственных отношениях достигается социально-экономическое равенство людей, обеспечивается полное благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества, а не некоего абстрактного «человека-личности». Он требуется и для того, чтобы понять, каким образом перейти к этим производственным отношениям. Иначе говоря, анализ «экономической» и «социальной» «форм богатства» – это анализ в первую очередь именно *производственных отношений*. Это же относится и к прочим «формам богатства», названным В.Н. Тарасевичем [с. 186–187].

¹ «Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения» [3].

Попытки же взять «личность» в качестве исходного пункта понимания общества неизбежно ведут в мир «духа», а далее – к религиозным догматам. Так примерно и получилось у Г.В. Задорожного – одного из авторов монографии. Отрицая материалистическое понимание общества, он предлагает начать анализ общества с «человека», «личности», «духовного» (которое, по его мнению, первичнее и «реальнее» материального) и в итоге призывает перейти на позиции христианства (почему не иудаизма, ислама или буддизма?)

Похожие взгляды излагают и Л.Р. Лыско с Т.Ю. Туницей [с. 190–201].

Другой вариант исследования «человека» предлагает Ю.К. Зайцев. Он полагает, что «современная политическая экономия» для познания «мотивационной сущности человека системного» должна изучать его «как человека экономического, так и технологического, информационного (человека знаний), институционального (а, значит, и менталитетного), социального, политического, духовного» [с. 233]. В таком случае предмет политической экономии расширяется до предмета, по сути, всех общественных наук. На наш взгляд, от политической экономии требуется доскональное изучение хотя бы экономических законов, а с прочими сторонами его жизнедеятельности лучше справятся соответствующие научные дисциплины, опираясь на экономические законы, лежащие в основе «поведения» людей.

(Продолжение в одном из следующих номеров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров О. Карт-бланш. Сорос призывает Брюссель не бояться войны с Россией [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2015-04-07/3_kartblansh.html
2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. – Т.13. – С.7-8.
3. Маркс, К.Капитал. Т.1 /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.23. – С. 45.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: СТРАТЕГИИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА»

Николаева Елена Евгеньевна

доктор экономических наук, доцент. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
заведующий кафедрой экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: politeconom@rambler.ru

Иродова Елена Евгеньевна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: elirodova@yandex.ru

Берендеева Алла Борисовна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: abab60@mail.ru

Солдатов Вадим Владимирович

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории
г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: vv_soldatov@rambler.ru

Ознакомление с коллективной монографией, подготовленной на основе докладов, сделанных на международной конференции «Неравенство и экономическое развитие (Россия в глобальном контексте)», состоявшейся 23–24 мая 2013 г., позволяет сказать, что вопросы, поднимаемые авторами, не утрачивают своей актуальности. Тема социальной справедливости в распределении доходов, противоречия между эффективностью и равенством, неравномерности распределения, перераспределения доходов, создания стимулов для экономического роста будоражит умы людей с глубокой древности. Развитие самого человека, общества, экономики, мирового хозяйства расставляет новые акценты в этих вопросах с учетом специфики разных стран и порождает новые решения указанных проблем.

Рецензируемая книга состоит из шести разделов, каждый из которых посвящен определенному кругу вопросов.

Предвосхищает сборник статья одного из редакторов сборника *Рудольфа Трауба-Мерца «Неравенство и выход из экономического кризиса»*. Автор обращает внимание на тенденции в сфере распределения доходов (обострение проблемы социального расслоения общества во всем

¹ Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерц, М. Воейкова. – М.: Изд-во «Культурная революция», 2014. – 406 с.

мире, снижение доли оплаты труда в структуре доходов населения при возрастании доли доходов от собственности и предпринимательства, снижение роли госсектора при формировании доходов населения и др.). В статье поднимается вопрос об измерении степени неравенства в распределении доходов по странам (предлагается три подхода к определению базы для постранового сравнения, выявляются преимущества каждого из них). Подчеркивается, что неравенство вновь стало актуальной темой в мировом сообществе в связи с мировым финансовым кризисом 2008/09 годов. Делается вывод, что «сильный рост неравенства является следствием неолиберальной политики последних лет и десятилетий. Другой вывод состоит в том, что неравенство стало одной из главных причин мирового финансового кризиса и продолжает влиять на динамику до сих пор не преодоленного мирового экономического кризиса. В принципе речь теперь идет о том, что кризис следует преодолевать через наращивание доходов широких масс населения. С восстановлением взаимосвязи между распределением доходов и общеэкономическим спросом, – которую начисто игнорировали неолиберальные экономические школы (см. статьи Герра (Herr) и Палли (Palley) в настоящем сборнике) – сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» [с. 13–14].

Р. Трауб-Мерц обращает внимание читателей на эмпирические исследования, представленные в данном сборнике, и проблемы, поднимаемые в них. Так, он отмечает, что для Китая «привязка заработной платы к показателям производительности труда становится одним из главных требований, на которое должны ориентироваться политики и участники тарифных переговоров» [с. 14]. Бразилия стала первой из крупных стран с переходной экономикой, которая «превратила сокращение социального расслоения в стимул роста экономики. Сокращение коэффициента Джини в течение одного десятилетия с 0,62 до 0,5 было достигнуто благодаря повышению МРОТ» [с. 15]. А «стратегия ЕС по преодолению кризиса евро сама становится одной из причин дальнейшего обострения социального неравенства в Европе» [с. 17]. Кратко описываются социальные проблемы, стоящие перед политиками Европейского Союза и требующие неотложного решения всеми странами, входящими в объединение.

Первый раздел сборника «Социальная справедливость, свобода и экономический рост» включает статьи Александра Бузгалина, Руслана Гринберга, Майкла Сишона и Томаса И. Палли. Социальная справедливость – это одна из важнейших ценностей человека. Интерес к данной проблеме издавна проявляют философы, историки и социологи, экономисты, культурологи, праведы и др. Концепция социальной справедливости рассматривается как популярная и занимающая особое место в политической, этической, философской, экономической мысли. Идеи, высказываемые д-ром экон. наук Александром Бузгалиным в статье «*Социальная справедливость может быть стимулом экономического развития. Теоретический дискурс*», позволяют осовременить значение категории «социальная справедливость», пойти дальше дилеммы «социальная справедливость – рыночная эффективность» и выйти на проблемы инновационного развития экономики, превращения справедливости в принцип и источник развития, когда социальная справедливость, понимается не как уравниловка, «а как гарантированное удовлетворение витальных жизненных потребностей каждого при равном стартовом уровне и распределении благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от деятельности индивида» [с. 35–36].

Либеральная модель свободного рынка исчерпала себя. Мы видим рост социальной дифференциации современных развитых обществ, нарастающий экологический кризис («мы стоим на краю пропасти»), связанный, прежде всего, с хищническим использованием природных ресурсов, стремлением к максимизации прибыли, к краткосрочным выгодам в ущерб интересам настоящих и будущих поколений. На первый план выходят интересы правящей верхушки, корпораций, монополий и олигополий, идет блокирование использования альтернативных технологий, экологически чистых проектов (прежде всего, через лоббирование интересов корпораций). В связи с этим, как пишет А. Бузгалин, «требуется новая модель социально-ориентированного развития в смешанной экономике» [с. 23].

Ключевая проблема, которую должны решить сторонники социально-ориентированного развития экономики, заключается в том, как пишет А. Бузгалин, чтобы «определенную часть богатства создавать, производить по иным – нерыночным – «правилам игры», исходя из иных – нерыночных – целевых установок и критериев эффективности» [с. 24].

Автор отмечает, что «размышления о будущем социально-ориентированного развития в настоящее время могут смотреться как устаревшие благопожелания» [с. 23]. Однако для россиян исторически присущ тип ментальности, включающий составляющую «справедливость». Общинный характер ведения хозяйства, суровые природно-климатические условия, борьба за выживание способствовали развитию на генетическом уровне тяги к коллективности, совместному ведению хозяйства, справедливому распределению во благо каждого, сохранению социальной устойчивости социума. Поэтому можно согласиться с автором, что «реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источником развития должен стать массовый креативный класс (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества)» [с. 25].

А. Бузгалин рассматривает реализацию принципа социальной справедливости как путь к эффективному производству, к свободе и демократии, повышению социально-экономической активности гражданского общества, улучшению социальной атмосферы в стране, преодолению коррупции и бюрократии через развитие социальной демократии [с. 25]. Похожие идеи можно найти и в современной социологической мысли. Например, по мнению д-ра социол. наук, директора Института социологии РАН М. Горшкова, целью системной модернизации в России «следует считать не только очередную индустриализацию страны, ... но и построение справедливого, в полной мере реализующего творческие и предпринимательские способности россиян, капитализма, равно как и ясное самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве» [1, с. 32].

В данном разделе о справедливости упор делается на совершенствование инструментов государственной экономической политики (введение прогрессивного налогообложения [с. 26], участие безработных, пенсионеров, неработающей молодежи в производстве общественных благ [с. 28], развитие гражданского общества [с. 31], перераспределение расходов госбюджета [с. 31 и др.]. А. Бузгалин предлагает принцип обеспечения справедливости, согласно которому «максимально-возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества» [с. 29].

Соглашаемся с автором, что «в рамках нового проекта социально-ориентированного развития главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства» [с. 31], что необходимо» развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления», повышение политической роли социальных движений и неправительственных организаций [с. 32].

Вместе с тем, хотелось бы напомнить, что переход на вектор инновационного развития предусматривает, прежде всего, воспитание нового поколения людей с другой ментальностью, ценностными ориентациями, выявлением и развитием одаренных детей, сопровождением цепочки «одаренный – талантливый – гений» (в современных развитых странах этому уделяют серьезное внимание, создавая государственные и муниципальные школы для таких «белых ворон»). Автор этому не уделил должное место в своем повествовании, ограничившись тезисами, что необходимо производство человеческих качеств и экологической устойчивости [с. 25], что «социальные ценности должны рассматриваться как неотъемлемая часть стратегии, ориентированной на культурные и духовные приоритеты» [с. 33], что необходимо «формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности» [с. 36]. Вместе с тем необходима системная и комплексная

стратегическая государственная программа, позволяющая «выращивать» будущих субъектов того гражданского общества, о котором пишет А. Бузгалин.

Безусловно, идеи о значении социальной справедливости в современных условиях актуальны, востребованы. О «производстве справедливости», например, говорил президент РФ В.В. Путин в 2012 г. в своей предвыборной статье о социальной справедливости [6]. Вместе с тем можно было бы пожелать автору развить идеи социальной несправедливости как более актуальные для современной России и предложить механизмы и инструменты, с одной стороны, исключая воспроизводство социальной несправедливости, а, с другой, позволяющие безболезненно для экономики решать эти проблемы.

В статье Руслана Гринберга «Свобода и справедливость должны не исключать, а дополнять друг друга» поднимается проблема демонтажа социального государства в развитых странах мира вплоть до кризиса 2008 – 2009 гг., указывается, что «идея безоговорочной благотворности свободного рынка уже не продуктивна и начинает подрывать основы существования современного социума» [с. 38]. Делается вывод, что «чуть ли не весь мировой социум нуждается в ответственной альтернативной игре, уравнивающей современную финансовую олигархию. И здесь, по-видимому, нет альтернативы обновленному варианту социального либерализма, правившего бал в 1950–1970-е годы, и действиям по преодолению кризиса демократии, к которому как раз и привело господство квазирелигиозной идеи свободного рынка» [с. 40]. Следует согласиться с тем, что в современном глобализующемся мире возрастает значение наднациональных структур, наднациональных регуляторов в решении вопросов смягчения социального неравенства.

Майкл Шион в своей статье «Минимальные нормы социальной защиты: отстаивание прав на социальную защиту в период неопределенности» указывает на решение проблемы социальной справедливости в несправедливом мире, разрыва в уровне жизни населения развитых и развивающихся стран, неравномерности социального прогресса через перераспределительную деятельность государств, системы социального обеспечения. Как отмечает автор, «системы социальной защиты вышли на первый план в первое десятилетие нового тысячелетия как меры, которые позволят инвестировать в людей и недискриминационный рост. Однако именно глобальный финансовый и экономический кризис заставил политиков по всему миру открыто признать роль систем соцзащиты в качестве стабилизирующих факторов общества и экономики» [с. 44]. При этом сделан вывод, что экономический рост и перераспределение доходов не являются взаимоисключающими понятиями.

В статье обращено внимание на роль ООН, МОТ в создании «социальных гарантий» во всех странах мира. Автор отмечает, что для организации минимальной системы социальной защиты «требуется соблюсти два условия. Выделение значительной доли средств из доходной части бюджета на социальное обеспечение требует политической воли. Но еще больше усилий потребуется на то, чтобы направить эту волю и общественную поддержку в нужное русло и обеспечить эффективную систему контроля над распределением средств» [с. 48]. Таким образом, делается вывод в статье, системы социальной защиты и конкретно минимальные уровни, являются самым эффективным и быстрым инструментом решения проблем бедности и неравенства. Минимальные уровни социальной защиты становятся неотделимой частью современной, комплексной, человеческой и недискриминирующей политики социального и экономического развития.

В статье Томаса И. Палли «Альтернативные интерпретации финансово-экономического кризиса: борьба за будущее» речь идет о курсе экономической политики стран в условиях кризиса. Автором выделено 3 подхода к объяснению кризиса. Неолиберальная модель провала государства характеризует проблему кризиса как исключительно американский феномен. Мягкий неолиберальный подход считает, что кризис – чисто финансовый феномен (вызван неверным

финансовым регулированием). «Прогрессивная позиция «краха государства всеобщего благосостояния» состоит в том, что кризис укоренен в самой неолиберальной экономической парадигме, которая находилась в центре всех решений экономической политики страны последние тридцать лет» [с. 56].

Эти три подхода рекомендуют разные направления экономической политики. В рамках первого подхода рекомендуется проведение строгой кредитно-денежной политики, а также продолжение вывода государства из участия в экономике и введение мер жесткой бюджетной экономии для снижения уровня государственного долга, раздутого кризисом. В рамках второго предлагается ужесточить финансовое регулирование, но продолжать идти по существующему пути неолиберальной политики. В рамках третьего требуется полностью отказаться от неолиберальной парадигмы и заменить ее на «структурную кейнсианскую» модель с целью восстановления полной занятости и прямой связи между ростом зарплат и увеличением производительности [с. 61]. Автор не дает однозначного ответа на вопрос: какой из вариантов одержит верх, объясняя это тем, что сама жизнь расставит все по своим местам. Но авторскую позицию можно увидеть в одной из завершающих фраз: «Если доверие людей окажется на стороне кейнсианской макроэкономики, тогда победа будет за прогрессивным подходом» [с. 62].

Второй раздел рецензируемой книги «Доходы и заработная плата: мировые и региональные тенденции» включает три статьи зарубежных авторов (*Майкл Ф. Фёрстер и Джон П. Мартин «Уравновешивание экономической эффективности и социальной справедливости»; Хансйорг Герр «Дисперсия заработной платы и занятости – экономическое развитие и объяснение»; Сангьон Ли «Заработная плата и справедливый рост: возможность восстановления равновесия»*). Все они посвящены вопросам заработной платы и социальной справедливости.

Предметом исследования перечисленных выше авторов является рассмотрение изменение величины заработной платы и достижение социальной справедливости. В качестве методологического подхода использован эволюционный подход, предполагающий выяснение изменений, произошедших за определенный период времени (1960–2010 годы). По нашему мнению, этого подхода недостаточно, поскольку он позволяет лишь показать изменения, но не проникнуть в сущность изменений. Для этого целесообразно применять политэкономический эндотерический подход, изучающий суть явлений, рассматривающий экономические отношения между людьми, их интересы. На наш взгляд, это более адекватная для изучения заработной платы, современных тенденций в сфере доходов и их распределения методология. Наибольший эффект, как показывает опыт исследований на кафедре экономической теории ИвГУ, дает ее применение во взаимосвязи с институциональным подходом [2; 3; 5]. Авторам следовало, считаем, не просто определить тенденции, но и найти движущие силы этих изменений, то есть проникнуть в сущность явлений. Представляется, что отмеченное упущение указанных авторов было обусловлено недостаточным знанием эволюционного подхода, в частности, наработок А. Маршалла.

Положительным в исследовании является использование достижений основоположников политической экономии (Т.Р. Мальтус) и экономической теории (А. Маршалл и Дж. Б. Кларк) для анализа изменений. Особенно необходимо отметить собранный авторами обширный статистический материал по странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [*Майкл Ф. Фёрстер и Джон П. Мартин: с. 66–69, 73, 75; Хансйорг Герр: с. 78–79; Сангьон Ли: с. 96–99*].

Проведенное исследование позволило подтвердить следующие известные истины.

- О необходимости опережающего роста производительности труда по сравнению с увеличением заработной платы:
- Об отставании доли трудового дохода от доли дохода от капитала.

- Об относительном снижении доли трудового дохода в ВВП и соответственно уменьшении совокупного спроса.

- Об отличии рынка труда от рынка продуктов.

Вместе с тем указанными авторами были выявлены следующие новые явления.

- Изменилось соотношение между величиной заработной платы низкоквалифицированного и высококвалифицированного труда. Причем в рамках различных групп неквалифицированного труда соотношение не изменилось.

- Рост безработицы искажает равновесие на рынке труда.

- Рост продукта, произведенного работником, идет быстрее роста реальной заработной платы, что выражается в увеличении разрыва между ростом производительности труда и величины реальной заработной платы.

- Глобализация в производстве приводит к увеличению разрыва в величине дохода работников низкой и высокой квалификации.

- Рост потребительского спроса за счет кредита не является устойчивым.

- Государственная политика в области заработной платы привела к росту занятости, сокращению неравенства величины заработной платы различных видов труда и падению трудовой активности.

- Каждый процент снижения доли трудового дохода устойчиво сопровождается более низким уровнем частного потребления и более высоким частным экспортом.

Таким образом, указанные авторы не только подтвердили теоретические положения, разработанные основоположниками экономической теории, но и внесли свой вклад в исследование вопросов заработной платы, тенденций в ее изменении, распределения доходов и социальной справедливости.

Третий раздел «Бразилия, Китай, Индия: неравенство и перераспределение доходов» включает пять статей авторов из этих стран.

В первых двух (*Мария Хелена Лавинас де Мораисия «Бразилия: подъем экономики, снижение уровня бедности и сокращение неравенства. Предстоящие вызовы»*; *Андре М. Бьянкарелли и Камила Унис Крепски «Экономический рост и социальное развитие: опыт Бразилии»*) справедливо подчеркивается тот факт, что в 2000-е годы Бразилия (страна с численностью населения 192 млн. человек) стала свидетелем устойчивого подъема экономики [с. 109–112, 126–129]. Однако современный период в ее развитии существенно отличается от экономического чуда 1970-х годов. В частности, данный период экономического роста предопределил развитие широкомасштабного процесса рыночной и социальной интеграции. Указанные авторы отмечают, что в 1970-х годах рост в значительной степени основывался на потреблении верхних слоев общества, свидетельствуя о росте неравенства, несмотря на общие процессы снижения уровня бедности под влиянием ускоренного процесса урбанизации.

Авторской заслугой является обоснование новой модели экономического роста, формирующейся в 2000-е годы в экономике Бразилии. Исследуются такие внутренние объективные причины подъема бразильской экономики, как расширение внутреннего рынка благодаря созданию 12 миллионов рабочих мест нового формата в течение десятилетия с 2003 по 2012 год, что практически обрушило безработицу; доступ к кредитным ресурсам, показатель которого достиг 49% ВВП в 2010 г. против 22% в 2001 г., и растущую заработную плату – в особенности, минимальную заработную плату в стране, выросшую более чем на 90% между 2001 и 2012 гг. в

своем реальном значении. При этом авторы опираются на широкий статистический материал в части годовых темпов роста ВВП в 1995–2010 гг., числа созданных рабочих мест в Бразилии в 2003–2011 гг. и т.д.

Особое внимание уделяется новой политике правительства в отношении уровня и динамики оплаты труда. В частности, отмечается, что утверждение на национальном уровне минимального размера оплаты труда выступило своеобразным ориентиром для оплаты труда в неформальном секторе экономики и послужило объективной основой сокращения регионального неравенства в стране. Мария Хелена Лавинас де Мораис, Андре М. Бьянкарелли и Камила Унис Крепски приходят к выводу, что переоценка минимального уровня оплаты труда в сочетании с более высокими государственными инвестициями в менее развитые регионы (Север и Северо-Восток), особенно в их инфраструктуру, уменьшила трудовые диспропорции между полами и между регионами и фактически доказала, что служит эффективным механизмом значительного роста потребления как движущей силы развития современной экономики Бразилии.

В то же время авторы подчеркивают особую роль еще целого ряда таких факторов, как, например, благоприятная мировая конъюнктура, в частности, растущие цены на сырьевые товары, способствующих консолидации золотовалютных резервов страны (более 370 миллиардов долларов США в начале 2013 г.), снижению среднегодового уровня инфляции с 9,1% в 1995–2003 гг. до 5,5% в 2004–2012 гг., макроэкономической стабилизации с последующим снижением ставки по кредитам.

Авторской заслугой также является вывод о том, что в Бразилии сложилась совершенно нехарактерная для предыдущих периодов экономическая ситуация, сочетающая в себе экономический рост и стабилизацию, с гораздо более благоприятной средой для бизнеса, снижением неравенства и социальной интеграцией [с. 112]. При этом особый акцент, по мнению авторов, необходимо сделать на факторах, способствующих снижению неравенства и сокращению бедности, среди которых – система социального обеспечения Бразилии, объединяющая три направления: социальное страхование (солидарная пенсионная система, на основе взносов), единую систему здравоохранения (общественного), программы пособий по социальному обеспечению (проверка имущественного положения) [с. 113]. Исследователи отмечают, что государственные пособия, например, уменьшили численность пребывающих в состоянии нищеты с 12 млн. человек до 8 млн. человек в 2011 г., продемонстрировав более масштабный эффект по сравнению с 2001 г. благодаря более широкому охвату системой социальной защиты в течение продолжительного периода. Представляют интерес выводы авторов, согласно которым, в течение 10 лет Бразилия сократила на $\frac{3}{4}$ масштабы крайней формы бедности и на $\frac{2}{3}$ – умеренной бедности.

В этой связи, авторы обнаруживают в развитии Бразилии принципиально новые аспекты, в частности, они подчеркивают, что в современных условиях особую роль играет внутренний спрос, в то время как внешние факторы после 2006 года стали действовать отрицательно. В настоящее время основным компонентом внутреннего развития стало потребление, расширение емкости потребительского рынка как стимула экономической деятельности.

Вместе с тем авторы пытаются прогнозировать те условия, при которых, наметившиеся позитивные социально-экономические тенденции усилят свое влияние на рост национальной экономики. В их числе: проведение налоговой реформы (поскольку налоговая система Бразилии в основном базируется на косвенных налогах, затрагивая в основном наиболее уязвимые слои населения); внедрение более широкой модели перераспределения, включив в модель перераспределения доходов налоговую систему; расширение социальной инфраструктуры (жилье, улучшение санитарных условий, чистая вода); доступность таких универсальных программ, как государственное образование всех уровней).

В статьях Ианнан Гуо, Заичао Ду и Лин Жанг «Гуаньси (*Guangxi*) и неравенство доходов в Китае», а также Хэн Куан и Хайрон Луо «Рост заработной платы, положительное сальдо торгового баланса и внутреннее развитие: пример Китая и его значение» делается акцент на проблеме неравенства и динамики доходов в Китае. На основе развернутого анализа с привлечением широкого статистического материала авторы справедливо отмечают тенденцию растущего неравенства доходов в Китае [с. 145–149]. Указывая на то, что разрыв в уровне доходов городов и сельской местности, а также неравенство доходов внутри самих городов и сельских районов становятся фактором, сдерживающим развитие экономики Китая, отмечается, что в 1960-е и 1970-е гг. концентрация доходов способствовала росту.

Представляют интерес суждения авторов относительно многоплановой концепции развития, получившей название «гуаньси» – это особые отношения, связи, общественный капитал и обмен [с. 144, 150–153]. Они показывают роль индекса *Гуаньси*, – включая в него такие характеристики, как размер домохозяйства, площадь домохозяйства, пол и рискоустойчивость главы домохозяйства, а также средний возраст работающих, средний уровень образования работающих, фиктивные показатели состояния здоровья главы домохозяйства и его супруги и средний профессиональный титул работающих; финансовые средства, основные средства, а также стоимость земли и сельхозтехники для фермеров. Заслуживают внимания выводы авторов о том, что с увеличением индекса *Гуаньси* на один процент, доход домохозяйства возрастает в среднем на 5,86 %, а также то, что наряду с концентрацией богатства и человеческим капиталом *гуаньси* является ключевым фактором, определяющим неравенство доходов [с. 154–155].

Другой аспект данных статей показывает, что неравенство в Китае существенно выходит за границы традиционной тревожной линии 0,5 по индексу Джини (при этом, подоходный налог не имеет влияния на неравенство и не выполняет свою целевую задачу перераспределения доходов).

Хэн Куан и Хайрон Луо обосновывают свои выводы о том, что в дальнейшем, если политика будет направлена на сокращение неравенства в Китае, перераспределение доходов или прямая помощь (например, совершенствование сети социального обеспечения) с целью помочь бедному населению увеличить свой человеческий капитал будут эффективными. Авторы подтверждают свою позицию, опираясь на данные Всемирного банка, согласно которым к 2008 году 235 млн. жителей Китая вышли из положения абсолютной бедности, при этом, особые успехи характерны для сельской местности.

Однако, по мнению авторов, проблема низких доходов сохраняется в силу целого ряда факторов: избыточное производство идет на экспорт, для обеспечения которого необходимы ценовые преимущества, в том числе более дешевая, чем в других странах, рабочая сила; низкий уровень образования и подготовки кадров приводит к появлению большого числа уязвимых и низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работников, особенно в сельской местности; несовершенное рыночное ценообразование ведет к недооцениванию стоимости вложений в основной капитал и стоимости природных ресурсов, что отрицательно влияет на уровень зарплат; низкая эффективность коллективных договоров и слабая система социальной защиты еще более усугубляют ситуацию.

В своей статье исследователи справедливо подчеркивают отрицательное влияние низких темпов роста зарплат на совокупный спрос. Сложившаяся ситуация делает экономический рост в Китае жестко зависимым от инвестиций и чистого экспорта [с. 170–174]. В настоящее время, по мнению авторов, большинство экономистов и политиков согласно с тем, что внешнеориентированный рост недостаточен для Китая и, хотя это и нелегкая задача, структуру доходов необходимо изменять.

Статья «Программы заработных плат и занятости в сельских районах современной Индии» Правин Джа включает в себя 4 блока: первый блок в общем виде характеризует официальную методику расчета бедности и некоторые связанные с этим вопросы; во втором блоке представлен краткий экскурс в программы борьбы с нищетой в стране; третий – посвящен последним крупным инициативам, закрепляющим «право на работу» в сельских районах Индии посредством широко обсуждаемой программы оплачиваемой занятости, а именно, «Закона о гарантии занятости сельского населения имени Махатмы Ганди» (MGNREGA); в четвертом блоке приведены некоторые выводы.

Автор делает вывод о том, что в социально-экономической системе Индии, которая стала причиной бедности, требуются принципиальные структурные изменения. Было однозначно установлено, что основными причинами бедности сельского населения являются: отсутствие гарантий занятости и чрезвычайно неравномерное распределение активов (главным образом земли). В этой связи, очень эффективным в этом направлении, по мнению автора статьи, может стать новый акцент на программы земельных реформ [с. 193–195].

Четвертый раздел «Россия: тренды дифференциации в постсоветских трансформациях» представлен статьями Галины Анисимовой «Социально-экономическая дифференциация российского общества: динамика и тенденции», Владимира Бобкова и Риориты Колосовой «Характеристика социальной дифференциации в России: 1990–2012 гг.», Эдуарда Соболева «основные тренды оплаты труда в постсоветской России» и Михаила Воейкова «Средний класс в динамике постсоветских трансформаций».

В первой статье речь идет об одной из главных социальных проблем современной России – наличии большого числа бедных в стране и необоснованном неравенстве населения по материальному уровню благосостояния. Приводятся статистические данные, подтверждающие, что по сравнению с советским периодом, в котором наблюдалось стабильное и весьма незначительное расслоение советского общества по уровню доходов [с. 199–202], в постсоветский период проявляется устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения [с. 203–207]. Г. Анисимова справедливо отмечает, что «различные аспекты неравенства в современном российском обществе необходимо рассматривать в комплексе, с учетом их противоречивого влияния на экономическое развитие» [с. 208]. Неравенство доходов сказывается на объеме и структуре потребительского спроса, величине сбережений населения, увеличении числа бедных, состоянии здоровья людей, уровне и причинах смертности и др. В подтверждение этого в статье приводятся статистические данные, результаты социологических опросов [с. 209–214].

Автор, считаем, прав, что одной из важнейших задач государства при решении вопросов выравнивания материального положения различных доходных групп населения является распределение национального богатства и механизм перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Следует согласиться с мнением Г. Анисимовой и многих других исследователей, что «необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов» [с. 215]. В подтверждение этого приводится опыт многих стран мира, применяющих прогрессивную шкалу налогообложения и получающих благодаря этому социальные эффекты. Россия же, с 2001 г. перейдя на единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%, мультиплицирует неравенство: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

Мы также считаем необходимым учитывать опыт других стран и специфику российской экономики для проведения эффективной социальной политики, поскольку распределительные отношения потенциально содержат в себе наибольший социальный накал. Несвоевременность и неполнота разрешения заключенных в распределительных отношениях противоречий (рост

дифференциации населения по доходам и имуществу, утрата социальной справедливости в обществе, предполагающей свободу личности и свободу выбора) ведут к возникновению социальных конфликтов, появлению множества социально-экономических и социально-политических проблем.

В статье В. Бобкова и Р. Колосовой даны оценки влияния на неравенство уровня жизни населения социально-экономических трансформаций 1991–2010 гг. В противовес позитивным оценкам результатов реформ представителями неолиберального направления авторы, являясь сторонниками социал-демократического направления, считают, что «капиталистические реформы 1992–2012 годов имели негативные последствия для широких слоев населения» [с. 219]. Показаны изменения в занятости (развитие неустойчивой занятости) и распределении работников и домохозяйств по заработной плате, доходам, использованным на потребление, среднедушевым денежным доходам и жилищной обеспеченности, зафиксированы значительное повышение потребительской нагрузки на заработную плату, рост масштабов бедности и избыточное социально-экономическое неравенство [с. 220–232]. С этими оценками мы абсолютно согласны и считаем, что устранение искажений распределительных отношений – один из наиболее значимых моментов функционирования экономики и социально-экономической политики. Здесь находится ключ к решению очень многих проблем, связанных, с одной стороны, со снятием социальной напряженности в обществе и устранением чрезмерного неравенства в доходах и имуществе, а с другой, – с решением экономических вопросов и приданием должного динамизма развитию экономики.

Э. Соболев исследует тренды в оплате труда в постсоветской России и приходит к выводу, что «резкое сокращение объема бесплатных и дотируемых услуг, а также отказ от регулирования цен на основные потребительские товары, в т. ч. по причине фактора глобализации российской экономики, приводит к тому, что основная тяжесть воспроизводства работника и его семьи ложится на заработную плату» [с. 235]. На основе статистических данных оказано, что падение уровня и качества жизни большинства населения, живущего в основном на заработную плату, было значительно глубже отражаемого средними показателями [с. 236].

Автором выделен ряд следующих тенденций в заработной плате за 1990-е – 2000-е годы:

- постепенный восстановительный рост заработной платы в период с 1999 до 2008 гг.;
- возрастание доли заработной платы в ВВП: 2000 г. – 40,2%, 2004 г. – 46,1%, 2012 г. – 50,4%;
- повышение минимального размера оплаты труда до социально значимой величины;
- рост коэффициента фондов по заработной плате по сравнению с дореформенными значениями;
- неравномерность темпов изменений в оплате труда различающихся по уровню оплаты категорий работников;
- избыточное неравенство по уровню заработной платы различных категорий работников;
- падение покупательной способности заработной платы половины работающего населения страны за период реформ (в настоящее время едва превышает два прожиточных минимума) [с. 235–245].

Указывая на значительную дифференциацию заработной платы в России, автор статьи выявляет факторы, способствующие этому. Э. Соболев приходит к выводу, что «важнейшей проблемой является искаженный характер дифференциации заработной платы. В российской экономике при определении заработка главную роль играют не факторы, связанные с развитием рабочей силы (квалификация, опыт, образование), а внешние по отношению к работнику факторы:

работа в более успешных и конкурентоспособных отраслях, в более богатом регионе, на преуспевающем предприятии» [с. 246–251]. К этому выводу приходят многие исследователи заработной платы, в том числе и в Ивановском государственном университете. Так, в докторской диссертации Е.Е. Николаевой «Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономии» была выявлена деформация «несоответствие заработной платы значимости отрасли по критерию «жизненно важные потребности людей» и сделан вывод, что «в распределительных отношениях нарушена связь между доходом в форме заработной платы и трудовым вкладом работников. Определяющими факторами при распределении полученных доходов становятся такие, как экспортные возможности отрасли и возможность регулировать финансовые потоки» [4, с. 32].

Э. Соболев, как и многие другие, видит решение проблемы дифференциации заработной платы в усилении перераспределительных процессов, в первую очередь, через налоговые механизмы.

Четвертая статья раздела посвящена вопросу среднего класса и его определения. М. Воейков указывает на различные подходы, существующие в современной литературе, к определению среднего класса, критически их рассматривает с точки зрения их применимости в условиях российской экономики и рассчитывает масштаб среднего класса на основе критериев уровень доходов и уровень образования, оценивая его в СССР (70–75% населения) и в постсоветской России (30% – в 90-е годы и 40% – в 2000-е годы) [с. 254–264]. Автор обращает внимание на значение среднего класса в обществе и справедливо считает, что «не стабильность есть функция среднего класса, а наоборот. Когда общество благополучно, социально благоденствует, то это означает, что подавляющее большинство людей здесь благополучны, материально обеспечены. В таком обществе появляется большой и мощный средней класс» [с. 265].

Пятый раздел «Европейский союз: кризис и неравенство» открывает статья *Михаэля Даудерштедта* «Кризис, неравенство и жесткая экономия в Европе», которая посвящена проблеме неравного распределения доходов внутри многих стран и дисбалансам, существующим между разными странами. Отмечается, что накануне кризиса, начавшегося в 2008 году, неравенство между государствами-членами ЕС заметно сократилось при одновременном росте неравенства внутри многих стран ЕС – прежде всего в Германии [с. 269–270]. Для оценки этих двух процессов автор предлагает использовать скорректированную оценку используемого Евростатом индикатора распределения доходов: квинтильное соотношение S80/S20. Выявлено, что в результате мер жесткой экономии в старых государствах-членах (ЕС 15) продолжилась тенденция роста неравенства: среднее квинтильное соотношение выросло с 4,6 в начале века до 5,3 единиц. В двенадцати новых государствах-членах внутригосударственное неравенство с 2004 года, напротив, сократилось, снова повысившись только в 2011 году [с. 272–273]. Тенденция к снижению преимущественно обусловлена процессом догоняющего развития более бедных стран, который прекратился лишь в 2010 году. Снижение темпов экономического роста в годы кризиса сильнее ударило по богатым странам, чем по бедным.

Автор, отмечая, что меры строгой экономии – это несправедливый, контрпродуктивный и особенно болезненный метод сокращения долгового бремени, поскольку он заставляет должников сокращать расходы, что, в свою очередь, снижает доходы других участников рыночных отношений, – предлагает сделать акцент в европейской макроэкономической политике на модернизации экономической структуры стран-должников. «Такая модернизация требует прежде всего инвестиций в инфраструктуры и человеческий капитал. Кроме того, номинальные зарплаты везде должны расти соразмерно росту производительности труда и при инфляции, не превышающей 2 процентов в год». Только такие меры могут обеспечить выравнивание стран-членов ЕС.

Четверка авторов – *Торстен Нихой, Ульрика Штайн, Сабина Штефан и Рудольф Цвинер* – сконцентрировали свое внимание на проблеме трудовых издержек в ЕС, которые, как важнейший элемент затрат, влияют на уровень цен и конкурентоспособность экономики страны и, следовательно, на показатели её экспорта. В качестве переменной доходов они влияют на потребительский спрос и, следовательно, импорт. В своей статье «*Кризис Европейского валютного союза и разнонаправленные тенденции в динамике трудовых издержек*» авторы отмечают, что внутри Евросоюза наблюдается увеличение различий между странами по уровню зарплат [с. 280–282]. Обращается внимание на взаимосвязь роста зарплат и производительности труда. Подчеркивается, что «в контексте ценовой конкурентоспособности для сравнения стран разумно использовать удельные трудовые издержки, поскольку при их расчете учитывается производительность. Таким образом, тенденции динамики удельных трудовых издержек по отношению к другим странам являются хорошим показателем изменений конкурентоспособности страны» [с. 282]. «Отношение заработной платы работников к производительности труда даёт удельные трудовые издержки» [с. 285]. Использование этого показателя позволило определить разнонаправленные тенденции изменений трудовых издержек, связанные с динамикой обменных валютных курсов, инфляцией, глубиной кризиса [с. 282–290]. Выявлено, что страны, в которых удельные трудовые издержки росли медленнее, чем в среднем в еврозоне, показали значительный рост экспорта благодаря росту своей конкурентоспособности (Германия, Нидерланды, Австрия). Отмечено, что «слабый рост зарплат приводит к низкому внутреннему спросу, особенно, со стороны потребителей, который, в свою очередь, приводит к снижению импорта. Вследствие этого, значительное перераспределение за счет доходов работников снизило уровень потребительских расходов в Германии. Это также способствовало порождению нынешних дисбалансов счетов текущих операций». Поэтому, «сохранить Европейский валютный союз в его нынешнем составе и избежать союза, основанного на трансфертах, возможно, лишь если зарплаты в Германии как ведущей стране ЕС будут расти заметно быстрее, чем они росли в предыдущее десятилетие. Для того, чтобы развернуть нежелательные тенденции, рост удельных трудовых издержек должен превышать 2% в течение нескольких лет» [с. 291].

В статье *Торстена Шультена и Торстена Мюллера «Новый Европейский интервенционизм? Воздействие новой европейской экономической политики на зарплаты и коллективные переговоры»* обращается внимание на сдвиг парадигмы в подходе ЕС к ведению коллективных переговоров от свободного ведения коллективных переговоров к прямому политическому вмешательству во внутренние национальные переговоры и процедуры в целях осуществления политики жесткой экономии и структурных реформ. Односторонняя позиция по жесткой экономии бюджетных средств и ценовой конкурентоспособности считает снижение гибкости заработной платы центральным корректирующим механизмом для нынешних макроэкономических дисбалансов.

Авторами представлен краткий обзор развития новой системы экономического управления, а также показано, как европейские политики, шаг за шагом, ужесточили контроль над национальной политикой заработной платы системой установления заработных плат [с. 294–297]. На основе анализа основных политических и экономических обоснований нового интервенционистского подхода [с. 298–302] описаны различные инструменты для вмешательства, проведены эмпирические наблюдения за ключевыми областями наднационального политического вмешательства в национальную политику заработной платы, куда также входит общественный сектор, и уровень минимальной заработной платы, децентрализация соглашений о договоренности с несколькими работодателями, и, наконец, влияние всех этих мероприятий на общую структуру заработной платы [с. 302–314]. В заключительной части статьи обсуждаются будущее европейской политики заработной платы и стратегические возможные варианты для профсоюзов по борьбе с

текущей стратегией европейского интервенционизма [с. 315–321].

Авторы отмечают, что «главной целью нового европейского интервенционизма было сокращение разрыва в конкурентоспособностях (в издержках) между «профицитными» и «дефицитными» странами Европы. Результатом такого одностороннего подхода, сконцентрированного на замораживании и сокращении заработных плат, стала выросшая конкуренция в понижении заработных плат, которая привела к спирали падения реальных заработных плат в большинстве стран членов ЕС. Как показали современные исследования, интервенционистский подход к жесткой экономии, с его узким фокусом на заработных платах как на ключевом механизме приспособления, был не только неэффективным в решении проблемы макроэкономических дисбалансов, но и даже усугубляющим проблемы долга и роста стран. Даже МВФ заключил, что политика жесткой экономии зашла слишком далеко, что она, очевидно, подавляет экономический рост и способствует резкому росту безработицы» [с. 315].

Завершается раздел еще одной статьей *Михаэля Даудерштедта «Немецкая модель: от конкурентоспособности к социальному росту»*, в которой исследуются противоречия немецкой экономики. Автор отмечает эволюцию социально-экономической модели Германии в направлении от «социальной рыночной экономики», основы которой были заложены в Западной Германии после Второй мировой войны к высококонкурентной современной модели, сформировавшейся благодаря целому ряду реформ, включая реформы рынка труда, за которыми последовало повышение возраста выхода на пенсию с 65 до 67 лет; значительное расширение низкоквалифицированного сектора экономики примерно с 13% в 1990-е до 22% в 2005 году и почти на 50% на современном этапе [с. 328–337].

Кроме того, автор обращает особое внимание на такое последствие новой немецкой модели, как дальнейшее углубление разрыва в уровне зарплат на фоне рыночного реформирования экономики Германии, когда увеличился сектор низких зарплат (с 15% в 1995 г. до 22,2% в 2006 г.), доля лиц с высокой зарплатой выросла с 21,8% до 26,3%, в то время как доля среднего класса снизилась с 63,2% в 1995 году до 51,5% в 2006 году. Он отмечает тот факт, что реформы столкнулись с серьезным противодействием, в особенности, со стороны профсоюзов, но тем не менее были реализованы без достижения соответствующих целей в части снижения безработицы и повышения темпов роста.

Главным, и, пожалуй, единственным положительным результатом реформ автор считает существенное повышение ценовой конкурентоспособности Германии на мировых рынках [с. 335]. Профицит экспорта увеличился до почти 5% ВВП. Михаэль Даудерштедт интерпретирует экономическую политику Германии как реальную внутреннюю девальвацию, когда зарплаты и цены росли намного медленнее, чем в большинстве других стран Европейского валютного союза. При этом, наряду с ростом экспортного спроса, наблюдались, по мнению автора, повышение темпов роста экономики и медленное снижение безработицы. К 2011 году Германию, по свидетельству Михаэля Даудерштедта, снова рассматривали как экономическое чудо, поскольку она, как представлялось, преодолела кризис относительно безболезненно, ВВП восстановился на прежнем уровне, занятость была на высоком уровне.

Однако гонка за ценовой конкурентоспособностью вынуждает Германию непрерывно обновлять «региональные площадки» своей второй экономики, поскольку глобализация открыла немецкие экспортные товары для конкуренции со стороны стран с низкой зарплатой; снижать степень профсоюзного охвата, особенно на востоке Германии.

Михаэль Даудерштедт указывает на рост бедности в Германии, который измеряется коэффициентом риска бедности (доля домохозяйств, имеющих 60% медианного чистого эквивалентного дохода), значения которого выросли с 10% в 1990-е годы до почти 15% в конце 2000-х (особенно на востоке Германии, где коэффициент вырос с 13% в 1998 г. до 23% в 2006 г.) [с. 336].

Автор справедливо подчеркивает, что для долгосрочной стабильности было бы лучше, если бы Германия приняла новую модель роста, основанную на внутреннем спросе, а не на профиците экспорта. Такое увеличение внутреннего потребления потребовало бы более высоких темпов роста заработной платы, более равномерного распределения доходов и больших государственных расходов, в особенности, в сфере социальных услуг, таких, как образование и социальная помощь, а также улучшенной системы образования, которая бы сглаживала классовые различия нынешней системы и увеличила бы производительность труда и пригодность к трудоустройству. В конечном итоге автор абсолютно прав, считая, что Германии необходимо скорректировать чисто рыночную модель роста, основанную на сдерживании роста зарплат и роли государства, на социальную, стимулирующую внутренний спрос, особенно, в тех сферах, где можно сформировать дополнительную занятость и доходы.

Шестой, заключительный раздел книги *«Перераспределение доходов и роль налогообложения»* представлен тремя статьями: *Петер Дитти и Томас Риксен «Оффшорные утечки» – как использовать политическую возможность»; Штефан Шульмейстер «Общий налог на финансовые операции: основания, последствия, проблемы»; Андрей Колганов «Социальная справедливость как императив стратегии опережающего развития: финансы и налоги»*. В них сделан акцент на роли налогообложения в осуществлении перераспределительной политики государств.

В первой статье обращено внимание на проблему уклонения от уплаты налогов и избежания налогов, которая негативно оценивается мировым сообществом. Утечка из страны мобильного на международном уровне капитала в связи с указанными целями вызывается налоговой конкуренцией, которая трактуется авторами как интерактивная установка налогов независимыми правительствами в несвязанной, стратегической манере [с. 352]. Правительства используют различные стратегии и налоговые инструменты в зависимости от вида целевого капитала (например, низкие или нулевые ставки налога, банковская тайна для портфельных инвестиций; для привлечения ПИИ правительства могут и понизить ставку общего налога на предпринимательство, и участвовать в разработке так называемых льготных налоговых режимов, которые предоставляют налоговые льготы только иностранцам (защита активов) [с. 354–355]. МНК в рамках «налогового планирования» через внутрифирменную торговлю, трансфертное ценообразование стремятся увеличить свои доходы за счет направления прибыли, полученной в странах с высокими налогами, в дочерние предприятия в странах с низкими налогами без перемещения существенной деятельности [с. 353].

Как отмечают авторы, «эмпирические данные показывают, что налоговая конкуренция подрывает налогово-бюджетное самоопределение. Хотя государства по-прежнему обладают формальным правом устанавливать налоговую политику (де-юре суверенитет), они не могут эффективно достигать желаемых целей этой политики (де-факто суверенитет). Развитые страны в состоянии поддерживать размер бюджета (первый компонент самоопределения), но это может быть достигнуто лишь путем снижения желаемой степени перераспределения (второй компонент самоопределения). Развивающиеся страны, напротив, не способны предотвратить потери доходов и, таким образом, теряют оба компонента налогово-бюджетного самоопределения. В этом отношении налоговая конкуренция увеличивает существующее неравенство между странами Севера и Юга» [с. 357].

В статье обращается внимание на объективную необходимость регулирования налоговой конкуренции, которое должно быть, в первую очередь, в отношении налоговой конкуренции на портфельные инвестиции и на корпоративную потенциальную нереализованную прибыль. При этом регулирование не ограничивает свободу передвижения капитала. Оно исключает разделение между капиталом и его владельцем. «Возьмем недавний пример, Жерар Депардьё может свободно

въезжать в Россию, но тем самым лишает себя права на французские общественные услуги, такие как здравоохранение и так далее. То же касается и многонациональных компаний. Они должны платить налоги независимо от того, где осуществляется экономическая активность» [с. 358]. Это справедливое, на наш взгляд, суждение, поскольку, как отмечалось в предыдущих разделах книги, налоги являются основой для сглаживания неравенства населения в странах.

Авторы полагают, что «международное сообщество должно создать международную налоговую организацию (ИТО) и дать ей достаточно сильный мандат для выполнения поставленных задач» [с. 359]. Необходимость и возможность такой организации мотивируется следующим. «Благодаря ВТО странам не нужно выплачивать субсидии, которые создают предвзятость в пользу отечественных отраслей. С налогово-бюджетной точки зрения налог является противоположностью субсидий. Поскольку мы регулируем субсидии во имя создания равных условий, мы должны сделать то же самое для налогов» [с. 359].

Ш. Шульмейстер в своей статье продолжает налоговую тему, говоря о налоге на операции по всем видам финансовых активов. О необходимости такого налога в Европе заговорили в 2008 году под влиянием финансового кризиса. «Общий налог на финансовые операции (ФТТ) преследует две главные цели: во-первых, смягчение последствий колебания наиболее важных цен активов, таких как цены акций, валют и цены на сырьевые товары и, во-вторых, обеспечение дохода правительствам» [с. 362]. В статье представлены основные характеристики этого налога, приводятся аргументы сторонников и противников такого новшества, анализируется динамика цен активов (периоды «быков» и «медведей») и ценовые тенденции, приводится динамика финансовых операций и перечень финансовых операций, подлежащих налогообложению [с. 360–384].

Эмпирические данные, представленные в настоящей статье, как отмечает автор, не «доказывают» эффективность внедрения общего налога на финансовые операции (ФТТ), а показывают, что всё более краткосрочная, нефундаментальная спекуляция сильно способствует чрезмерному росту цен на активы. Небольшой ФТТ в этом случае сгладил бы неустойчивость цен на активы в краткосрочной перспективе, а также масштабы колебаний в долгосрочной перспективе [с. 388].

Завершает шестой раздел и сборник в целом статья А. Колганова. В ней автор представляет «Стратегический проект опережающего развития» для решения актуальных задач экономики России, который был озвучен на Московском экономическом форуме (Москва, 20–21 марта 2013 г.). В центр стратегии поставлена идея социальной справедливости. Статья построена в виде тезисов-лозунгов, основная идея которых – усиление роли государства в обеспечении социально-экономического развития страны. Это касается и изменений системы отношений собственности, и системы социальных гарантий, и вопросов основных стартовых ресурсов [с. 389–394]. Автором представлены и ориентиры для финансовой системы [с. 395–400], а также основные принципы налоговой политики [с. 400–402].

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что рецензируемый сборник статей обращает внимание читателей на актуальные проблемы обеспечения социальной справедливости в распределении доходов и национального богатства как в нашей стране, так и в мире в целом. Колоссальная слабость российской экономики – в деформированности распределительной системы. Сложившиеся распределительные отношения неадекватны тем задачам, которые ставит государство – инновационный прорыв и повышение качества жизни населения. При этом деформированность в распределении характерна не только для страны в целом, но и для отдельных регионов.

В ряде статей сборника поднимается вопрос о том, что главным источником дохода абсолютного большинства трудоспособного населения развитых держав стал наемный труд. Получается, что в современной экономике передовых индустриальных стран закон трудовой

стоимости, обоснованный А. Смитом и развитый К. Марксом, получает своеобразное «второе дыхание». В связи с темой неравенства в распределении зарплаты и доходов в обществе встает множество вопросов, связанных с положением самого труда в общественном воспроизводстве. В фактах нарушения РО, особенно в части зарплаты, сказывается недооценка человеческого труда и самого труженика. Так, оплата труда занятых в финансовой сфере, государственных служащих значительно превышает оплату труда, например, в сельском хозяйстве, хотя продовольствие как результат деятельности в аграрной сфере имеет высокую значимость. Но доходы отрасли низки, и доходы занятых в ней мизерны. Приниженное положение труда связано с приниженной оплатой труда (работник физического труда «обижен» в сфере распределительных отношений). А ведь современные инновационные процессы в промышленности предполагают возвышение личности человека в отношениях с природой, познании и использовании ее потенциала. Эти серьезные экономико-теоретические и практические вопросы еще ждут своего решения.

Стоит вспомнить о восстановлении традиционных как для нас, так и для развитых стран и старых, как мир, ценностей: приоритета трудового образа жизни, равной оплаты за равный труд равной ценности, социальной справедливости. В современной России идея социальной справедливости в распределении доходов представляется гораздо более продуктивной, чем идея позитивности расслоения на богатых и бедных, ибо на наших глазах значительная часть «новых русских» приобрела свое богатство не умом и трудом, а полукриминальными способами и тратит его далеко не на общественно полезные цели. Социальная справедливость необходима не в виде абсолютной уравнительности (хотя дифференциацию в доходах просто необходимо сокращать), но прежде всего в виде справедливой цены труда, справедливого дохода мелкого производителя. Справедливой следует считать оплату, уровень которой корреспондируется с уровнем цен на товары и услуги, обеспечивает работнику и его семье нормальное воспроизводственное потребление и накопление, стимулирует более результативные трудовые усилия. Об этом много пишется в российской социально-экономической литературе. Изменения в распределении дохода, направленные на повышение социальной справедливости, имеют для благосостояния общества не меньшее значение, чем изменения в использовании факторов производства (повышение экономической эффективности), приводящие к изменениям в распределении дохода.

В связи с поднимаемой в монографии идеей удельных трудовых издержек актуальным для экономики России является восстановление прямой связи между производительностью труда и заработной платой. Если увеличится производительность труда, то будет расти и зарплата. Важное значение при этом имеет не только прирост ВВП, но и его распределение между субъектами: предприятием, работником и государством. Это требует определенных операций расчетного плана путем экономического анализа. С учетом распределения прироста ВВП будет скорректирована и оценка соотношения между темпами роста производительности труда и зарплаты (случаи равных темпов роста или опережения зарплаты по сравнению с производительностью труда не могут однозначно оцениваться как негатив. Проблема может быть в пропорциях распределения прироста ВВП).

Вместе с тем, на наш взгляд, остались без должного внимания авторов вопросы формирования мотивационного механизма на уровне работника, предприятия, отдельных регионов, общества в целом. А ведь это непосредственно связано с темой обеспечения экономического роста, выхода из кризиса в условиях неравенства доходов.

Многие авторы рецензируемой монографии отмечали чрезмерную дифференциацию доходов населения между странами и внутри них. При слишком высокой дифференциации доходов может оказаться, что значительной части населения не представится возможности выйти когда-нибудь из бедности, а это грозит серьезными социальными потрясениями. Поэтому справедливо отмечено, что необходимо перераспределение части непомерно высоких доходов через прогрессивное

налогообложение в пользу среднего и низшего (с точки зрения получаемых доходов) слоев населения.

Считаем, что рецензируемый сборник представляет интерес как для теоретиков, так и для практиков, занимающихся проблемами доходов населения, сглаживания неравномерности их распределения в обществе. Представленные в коллективной монографии эмпирические данные по разным странам могут использоваться при изучении не только политики доходов, но и различных социально-экономических моделей стран, вопросов региональной интеграции, формирования и распределения заработных плат на различных уровнях экономики и др. вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2010. – № 12.
2. Гурьева О. Ю. Пенсионное дело: взаимосвязь политико-экономического и институционального подходов: дис. ... д-р экон. наук; 08.00.01 / Гурьева Ольга Юрьевна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2010. – 324 с.
3. Корягина Т. М. Сбережения: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: дис. ... канд. экон. наук; 08.00.01 / Корягина Татьяна Михайловна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2014. – 201 с.
4. Николаева Е. Е. Распределительные отношения и их деформации в условиях современной российской экономики: аспект политической экономии: автореф. дис. ... д-р экон. наук; 08.00.01 / Николаева Елена Евгеньевна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2012. – 40 с.
5. Попова Т. К. Отчуждение труда как система экономических отношений на уровне предприятия: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: дис. ... канд. экон. наук; 08.00.01 / Попова Татьяна Константиновна; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2009. – 174 с.
6. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / В. В. Путин // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля.